

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2022

Казань - 2022

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №6 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – 188.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гу Юньсюань ТЕРМИНОЛОГИЯ КАМНЕРЕЗНОГО ПРОМЫСЛА В СТИХОТВОРНОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ Д. БЕДНОГО «МАСТЕРСТВО» И В СКАЗЕ П. БАЖОВА «КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК»	9
А.Ф. Давлетова, Г.Г. Рамазанова ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ В ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ ГЕНАТУЛИНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «АЛБАСТЫ»)	13
С.Ф. Желобцова, С.Н. Барашкова СЕМАНТИКА ГЕНДЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ	17
Л.Г. Кихней, С.С. Царегородцева, М.Ю. Купцова К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ИМИДЖА И РЕПУТАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	20
А.В. Пучкова, С.С. Терехова АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВОЙ В РАССКАЗЕ «МОЛОДЫЕ РУИНЫ»	23
Чжан Юаньюань ОБРАЗ САДА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА	26
Чэнь Си ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ Л.А. КАССИЛЯ «ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ»	29

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

А.У. Киньябулатов, В.С. Кругликова, А.А. Мымрина, У.И. Салохидинов ВКЛАД ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН О.Г. ВИЛЬДАНОВОЙ В РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ ХОРЕОГРАФИИ (ОБЗОР СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)	33
Е.Н. Клеменова, А.В. Муха, Н.И. Федосеева ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПУБЛИКАЦИЙ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В «ТОЛСТОМ» ЖУРНАЛЕ	36

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

Д.М. Ахременко ПРАГМАТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СЛОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ	39
С.А. Бабина, Н.В. Вершинина, С.И. Люгзаева ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ	42
Л.У. Бикмаева, Н.А. Садыкова, И.И. Файзуллина К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ	47
С.М. Бобоева, Л.А. Яковлева ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СМИ	50
Е.В. Казанская, Н.Г. Келеберда ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	53
А.В. Кривицкая ЗНАЧЕНИЕ ЭРГОНИМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В СТРУКТУРЕ ЭРГОНИМОВ ПИТЕЙНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	57
Е.А. Линева, Е.Г. Котова, М.В. Овчинникова, Е.Б. Савельева, Н.В. Акимова, А.В. Леонтьева АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ЛОКАТИВНОГО ДЕТЕРМИНАНТА НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ	60
К.О. Селезнева ЭВФЕМИЗМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	63

<i>А.С. Сизинцева, И.В. Зайченко, В.В. Бажеряну</i> ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА И ОПИСАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОНФЛИКТА КАК РЕЗУЛЬТАТА НЕКОРРЕКТНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ КОЛЛЕКТИВЕ	66
<i>Чжао Яшу</i> ТЕМАТИКО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИДИОСТИЛЯ ИВАНА ИЛЬИНА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ»)	70

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Н.А. Аксюхин</i> ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ С ПОЗИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРАГМАТИКИ	74
<i>О.Н. Баклашкина, М.А. Егорова, М.И. Литвин</i> ОСОБЕННОСТИ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	77
<i>О.Н. Баклашкина, С.С. Луц, Н.В. Максимова</i> КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	80
<i>Т.М. Белова, К.Э. Вяльях, Л.В. Маринина</i> К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КИНОДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА РОБЕРТА ЗЕМЕКИСА «ФОРРЕСТ ГАМП»)	83
<i>Е.Е. Белова, Ю.А. Гаврикова, Т.Е. Никольская, О.А. Орлова, С.Ю. Филиппова, Э.Д. Шати́ро</i> ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ И САМООЦЕНКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	86
<i>Р.В. Гатаулли́на, Л.Г. Чумарова, Р.И. Мухаметзянова</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТ СЧАСТЬЕ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	89
<i>П.А. Гедими́на, С.А. Тихонова</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ	92
<i>В.Е. Глы́зина, Г.А. Агеева, И.В. Пашаева</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕНСИВНОСТИ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В СИТУАЦИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ	95
<i>Т.С. Гулеви́ч</i> О КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ РАСШИРЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОСТПОЗИТИВА “UP” В СОСТАВЕ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	98
<i>Н.А. Кара́зия</i> РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВЕ ТУРИСТА	102
<i>С.Г. Ла́рина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова</i> К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ КОЛЛОКВИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ	107
<i>Э.А. Лидже́ева, А.М. Чудутова, Г.М. Боваева, Т.В. Бураева</i> АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ	110
<i>Ю.А. Фо́кеева</i> ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ А.П.ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	114
<i>М.С. Харче́нко, Е.С. Глу́хова, Т.В. Горбунова</i> ГЛАГОЛЫ КАУЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БОЛИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	118
<i>Л.И. Шадаева</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА А. ЛИНКОЛЬНА	123

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>П.З. Аббасова</i> НЕПОЛНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	127
<i>Л.Г. Васи́льев, В.В. Неборская, О.Э. Сухарева</i> РИТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И РАННИЕ РУКОВОДСТВА ПО ОРАТОРИКЕ	131

Г.В. Галавова, А.Р. Михайловская МНОГОЯЗЫЧИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖЯЗЫКОВЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В РЕГИОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	134
М.В. Захарова, Л.А. Спектор ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)	137
Л.Б. Здановская АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОППОЗИТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ «РУССКИЙ МИР» - «ЗАПАДНЫЙ МИР»	140
Л.Б. Здановская ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ВНУТРИСЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР»	143
А.В. Кулешова, И.С. Марченкова НЕСТАНДАРТНЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ ФАМИЛИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ	146
Т.Д. Куршакова, Е.Н. Рядчикова, С.Ш. Схляхова МАНИПУЛЯТИВНОСТЬ И СКРЫТАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМУЛИРОВОК ВОПРОСОВ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ	149
А.Ш. Олимова ФОНОСЕМАНТИКА ТАДЖИКСКИХ ЗВУКОВ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (НА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ОСНОВЕ)	156
Н.А. Ощепкова ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	160
Н.П. Пинежанинова, Т.В. Сушенцова, Н.Н. Черкасская КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	164
Е.Н. Сагайдачная, В.Б. Черемина О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА В.ПУТИНА	167
Д.А. Самарин РЕФОРМА ТУРЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ ПО ПРОЕКТУ МУСТАФЫ КЕМАЛЯ АТАТЮРКА	170
Н.Ф. Хасанова, Е.Н. Коновалова МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	173
АННОТАЦИИ	176

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>Gu Yunxuan</i> STONE-CUTTING TERMINOLOGY IN THE POETIC ARRANGE OF D. POOR "MASTERY" AND IN P. BAZHOV'S TALE "STONE FLOWER"	9
<i>A.F. Davletova, G.G. Ramazanova</i> ARTISTIC BILINGUALISM IN THE PROSE OF ANATOLY GENATULIN (ON THE EXAMPLE OF THE STORY "ALBASTY")	13
<i>S.F. Zhelobtsova, S.N. Barashkova</i> SEMANTICS OF GENDER SPACE IN MODERN WOMEN'S PROSE	17
<i>L.G. Kihney, S.S. Tsaregorodtseva, M.Yu. Kuptsova</i> TO THE PROBLEM OF STUDYING THE PHENOMENA OF IMAGE AND REPUTATION IN THE LITERATURAL SPACE	20
<i>A.V. Puchkova, S.S. Terekhova</i> AUTHOR'S STRATEGIES OF EVGENIA NEKRASOVA IN THE STORY "YOUNG RUINS"	23
<i>Zhang Yuanyuan</i> THE GARDEN IMAGE IN THE WORKS BY V. PERELESHIN	26
<i>Chen Ci</i> ARTISTIC SPACE IN L.A. KASSIL'S STORY "MY DEAR BOYS"	29

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, V.S. Kruglikova, A.A. Mymrina, U.I. Salokhidinov</i> CONTRIBUTION OF THE HONORED ARTIST OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN O.G. VILDANOVA IN THE DEVELOPMENT OF THE HISTORY OF CHOREOGRAPHY (REVIEW OF THE MEDIA)	33
<i>E.N. Klemenova, A.V. Myha, N.I. Fedoseeva</i> GENRE SPECIFICS OF PUBLICATIONS OF AN URBAN NATURE IN A LITERARY AND ARTISTIC MAGAZINE	36

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>D.M. Ahremenko</i> PRAGMATICS OF PRECEDENT WORDS OF THE SOVIET ERA	39
<i>S.A. Babina, N.V. Vershinina, S.I. Lyugzaeva</i> FUNCTIONING OF INDIVIDUAL-AUTHOR'S NEW FORMATIONS IN LITERATURE FOR CHILDREN'S READING	42
<i>L.U. Bikmaeva, N.A. Sadykova, I.I. Fayzullina</i> ON THE QUESTION OF IMPROVING PROFESSIONAL SKILLS TEACHER OF RUSSIAN LANGUAGE AT UNIVERSITY	47
<i>S.M. Boboeva, L.A. Yakovleva</i> LANGUAGE ADAPTATION OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN THE MEDIA	50
<i>E.V. Kazanskaya, N.G. Keleberda</i> PROBLEM OF CORRELATION OF LINGUISTIC AND COMMUNICATIVE COMPETENCIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	53
<i>A.V. Krivitskaya</i> THE SIGNIFICANCE OF ERGONIMIC TERMS IN THE STRUCTURE OF ERGONYMS OF DRINKING ESTABLISHMENTS	57
<i>E.A. Lineva, E.G. Kotova, M.V. Ovchinnikova, E.B. Savelyeva, N.V. Akimova, A.V. Leontyeva</i> ANALYSIS OF LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF LOCATIVE DETERMINANT OF INDEFINITE-PERSONAL SYNTACTIC CONSTRUCTIONS	60
<i>K.O. Selezneva</i> EUPHEMISMS IN EDUCATIONAL SPHERE	63
<i>A.S. Sizintseva, I.V. Zaychenko, V.V. Bazheryanu</i> FEATURES OF ANALYSIS AND DESCRIPTION OF INDUSTRIAL CONFLICT AS A RESULT OF INCORRECT COMMUNICATION INTERACTION IN THE RUSSIAN-SPEAKING TEAM	66
<i>Zhao Yashu</i> THEMATIC AND SUBSTANTIVE ORIGINALITY OF IVAN ILYIN'S IDIOSYNCRASY (BASED ON THE MATERIAL OF THE BOOK "THE SINGING HEART")	70

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>N.A. Aksyukhin</i> PROSODIC CHARACTERISTICS OF A BUSINESS PRESENTATION FROM THE PERSPECTIVE OF INTERCULTURAL PRAGMATICS	74
<i>O.N. Baklashkina, M.A. Egorova, M.I. Litvin</i> FEATURES OF THE ENGLISH COLOUR VOCABULARY	77
<i>O.N. Baklashkina, S.S. Luts, N.V. Maksimova</i> COGNITIVE INTERPRETATION OF POSSESSIVENESS IN ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN	80
<i>T.M. Belova, K.E. Vyalyak, L.V. Marinina</i> REGARDING THE QUESTION OF THE REPRESENTATION OF A 'LINGUISTIC PERSONALITY' IN CINEMATIC DISCOURSE: THE EXAMPLE OF ROBERT ZEMECKIS' 'FORREST GUMP'	83
<i>E.E. Belova, Y.A. Gavrikova, T.E. Nikolskaya, O.A. Orlova, S.Y. Philippova, E.D. Shapiro</i> PECULIARITIES OF EXPRESSING EVALUATION AND SELF-APPRAISAL IN ENGLISH	86
<i>R.W. Gataullina, L.G. Chumarova, R.I. Mukhametzyanova</i> PHRASEOLOGICAL UNITS, DENOTING THE CONCEPT OF HAPPINESS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	89
<i>P.A. Gedimina, S.A. Tikhonova</i> LITERARY TEXTS AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF DIALOGICAL SPEECH IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS IN SECONDARY SCHOOL	92
<i>V.E. Glyzina, G.A. Ageeva, I.V. Pashaeva</i> CORRELATION OF INTENCITY AND INTENTIONALITY IN THE SITUATION OF MEMORIES REPRESENTATION	95
<i>T.S. Gulevich</i> COGNITIVE-SEMANTIC ACCOUNT OF "UP" IN THE STRUCTURE OF ENGLISH PHRASAL VERBS	98
<i>N.A. Karaziya</i> IMPLEMENTATION OF REGULATIVE FUNCTION IN THE TOURIST'S INTERNET-REVIEW	102
<i>S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova</i> ON THE ISSUE OF THE COMPLEXITY OF STUDYING LITERARY TEXTS CONTAINING COLLOQUIAL CONSTRUCTIONS	107
<i>E.A. Lidzhieva, A.M. Chudutova, G.M. Bovaeva, T.V. Buraeva</i> ANIMALISTIC IMAGES IN GERMAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGISMS	110
<i>Yu.A. Fokeeva</i> FEATURES OF THE REPRESENTATION OF CHILDREN'S IMAGES IN THE TRANSLATION OF A.P. CHEKHOV'S STORIES INTO ENGLISH	114
<i>M.S. Kharchenko, E.S. Glukhova, T.V. Gorbunova</i> VERBS OF EMOTIONAL PAIN CAUSATION IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE	118
<i>L.I. Shadaeva</i> SOME PECULIARITIES OF A. LINCOLN'S ARGUMENTATIVE DISCOURSE	123

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>Z.P. Abbasova</i> INCOMPLETE ONE-PART SENTENCES	127
<i>L.G. Vasilev, V.V. Neborskaya, O.E. Sukhareva</i> RHETORICAL DISCOURSE AND EARLY GUIDES ON ORATORY	131
<i>G.V. Galavova, A.R. Mikhailovskaya</i> MULTILINGUALISM AND PROBLEMS OF OVERCOMING INTERLANGUAGE AND INTERCULTURAL BARRIERS	134
<i>M.V. Zakharova, L.A. Spektor</i> TRANSLATION STRATEGIES WHEN TRANSLATING A LITERARY TEXT (BY THE MATERIAL OF M. A. BULGAKOV'S NOVELLA "HEART OF A DOG" AND ITS FRENCH TRANSLATION)	137
<i>L.B. Zdanovskaya</i> AXIOLOGICAL COMPONENT OF OPPOSITIONAL CONCEPTS "RUSSIAN WORLD"-"WESTERN WORLD"	140
<i>L.B. Zdanovskaya</i> LINGUO-COGNITIVE EXPLICATION OF THE INTRA-SEMANTIC OPPOSITION OF THE CONCEPT "RUSSIAN WORLD"	143

<i>A.V. Kuleshova, I.S. Martchenkova</i> NON-STANDARD FRENCH SURNAMES: ORIGIN AND CLASSIFICATION	146
<i>T.D. Kurshakova, E.N. Ryadchikova, S.Sh. Skhalyahova</i> MANIPULATIVE CHARACTERISTICS AND IMPLICIT INTENTIONALITY OF QUESTION WORDINGS FOR LINGUISTIC EXPERT EXAMINATION	149
<i>A.Sh. Olimova</i> PHONOSEMANTICS OF TAJIK SOUNDS AS A SUBJECT OF PSYCHOLINGUISTICS STUDY (ON AN EXPERIMENTAL BASIS)	156
<i>N.A. Oshchepkova</i> TRANSLATION EQUIVALENCE OF METAPHOR UNITS IN POLITICAL DISCOURSE	160
<i>N.P. Pinezhaninova, T.V. Sushentsova, N.N. Cherkasskaja</i> INTERLANGUAGE CORRESPONDENCES OF HOMONYMS IN A POETIC TEXT	164
<i>E.N. Sagaidachnaya, V.B. Cheremina</i> ABOUT SOME FEATURES OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE RUSSIAN PRESIDENT V.PUTIN	167
<i>D.A. Samarin</i> THE REFORM OF TURKISH ORTHOGRAPHY ACCORDING TO THE PROJECT OF M.K. ATATURK	170
<i>N.F. Khasanova, E.N. Konovalova</i> POLYSEMY OF ENGLISH TERMS BELONGING TO THE SPHERE OF CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE	173
ABSTRACTS	176

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Гу Юньсюань

Шаньси датунский университет,
Институт иностранных языков,
Факультет русского и японского языка,
Датун, КНР, 13934452428@163.com

**ТЕРМИНОЛОГИЯ КАМНЕРЕЗНОГО ПРОМЫСЛА
В СТИХОТВОРНОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ Д. БЕДНОГО «МАСТЕРСТВО»
И В СКАЗЕ П. БАЖОВА «КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК»**

В статье рассмотрены термины камнерезных мастеров в сказе П. Бажова «Каменный цветок» и стихотворном переложении Демьяна Бедного «Мастерство». Термины в произведениях не только раскрывают сложный мир уральского камнереза Данилы, Прокопья/Фомича, но также показывают их мастерство. Совпадение и некоторые различия в употреблении терминов у писателя и поэта говорят о том, что, хотя Д. Бедный стремился как можно ближе к тексту переложить сказ, все-таки поэтический текст требовал изменений.

Ключевые слова: П. Бажов, Демьян Бедный, сказ, стихотворное переложение, термины камнерезчиков.

В 1930-1940-е гг. Демьян Бедный и Павел Бажов были достаточно популярными писателями в Советской России, хотя в какое-то время они оба попали в опалу власти. Своеобразие их художественного изображения жизни состояло также в том, что они хорошо были знакомы с различными сторонами жизни крестьян и рабочих до революции 1917 г. В своих произведениях изображали не только старое, отживающее, но и в послереволюционном творчестве активно утверждали новое, увиденное в зарождающейся советской действительности.

В 1939 г. вышла книга П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка», в которой были собраны сказы, написанные в разное время писателем. Эта книга сразу приобрела широкую известность. Д. Бедный очень заинтересовался этими сказами и переложил в стихи двенадцать сказов и две легенды. В 1941 г. из этих переложений он составил книгу «Горная порода, эпопея», однако, при жизни поэта книга не была издана, а в виде машинописного экземпляра хранится в архиве Д. Бедного. Одно переложение «Мастерство» и вступление впервые опубликовано в журнале «Смена» за 1951г. [2,19] Предваряет эту публикацию небольшая статья В. Рeginина «Словесные изумруды. Демьян Бедный об "Уральских сказах" П. Бажова», в которой автор приводит мнение Демьяна Бедного о творчестве П. Бажова: «Это подлинный "горный мастер" фольклорного цеха! Словесная его одаренность и знание областной речи таковы, что я напрягал все усилия, только бы не уронить ни одного из тех словесных изумрудов, которые так щедро рассыпаны в его записях» [5, 18]. Цикл «Уральские сказы» полностью опубликован в 1959 г. издательством «Советский писатель». Однако, следует заметить, что позиция Д.Бедного в отношении к сказам П.Бажова была неоднозначной в плане использования подлинных фольклорных сказов и ссылки на сказителя.

Мы обратимся к сказу «Каменный цветок» П.Бажова, который впервые опубликован в «Литературной газете» от 10 мая 1938 г., в том же году в «Уральском современнике», а также к стихотворному переложению этого сказа Демьяном Бедным, названного «Мастерство», и своеобразному «Вступлению». В свое время поэт признавался, что создает цикл «Уральские

сказы», что над стихотворным переложением сказов он работал «с напряжением, порой изнурительным, и черпал недостающие силы в самом материале, в этих чудесных героических сказах о страданиях и борьбе доблестных предков нынешнего счастливого поколения уральцев» [5, 18].

Д.Бедный во вступлении к «Уральским сказам» показывает ситуацию «рассказывания сказов». Дед Василий – «всем видом колдун, сед как лунь, волосат –/Эти сказы рассказывал этак примерно/Лет полсотни назад» [3]. Примечательно, что такой поэтический ход, должен был отвергнуть сомнения в фольклорности сказов П.Бажова. Д.Бедный как бы переводит разговор со сказок, которые в народе считали фантазией, на дедовы сказы, поэтому на просьбу ребят он отвечает: «Вот про старую жизнь – тут я память имею./Много слыхивал я от своих стариков./Да и после слыхал от других знатоков...» [3].

Слушателей своих Василий «привлекал он их тайными сказами/Про хозяйку ли Медной горы,/Иль про Полоза, иль про Змеевку,/Иль про девку-Азовку...» [3]. В этом перечислении раскрыты основные сюжеты сказов П.Бажова. В словах старика раскрывается специфика жанра народного сказа, то есть установка на достоверность. Достоверность подкрепляется использованием диалектных слов, народных «терминов» из камнерезного дела.

Как писал В.М.Лейчик: «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [4, 32]. В прозе П.Бажова и стихотворениях Д.Бедного в качестве терминов выступают весьма специфичные понятия, связанные не только со специальной областью деятельности, но локализованной в определенном локусе на Урале. Так, П.Бажов раскрывал в деталях быт и мастерство горнозаводских рабочих, использовал словарь местных «уральских» слов. В сказах приводятся различные горнозаводские термины, которые звучат из уст самих мастеров или от автора-рассказчика. Такую же форму использовал и Д.Бедный в своем переложении.

Урал известен своими мастерами-камнерезами, поэтому писатель и поэт разделяют их на «мраморских», кто занимался мрамором и на «каменных дел мастеров», кто занимался с малахитом. В сказе и переложении приводятся специфические термины, обозначающие места и особенности добычи каменной руды, например, «медный рудник», «выбой» – место, в котором «ломали» камень, «порода», «пласты».

В сказе и переложении сюжет строится вокруг малахитных дел мастеров, но используются и другие термины, обозначающие различные породы: мрамор – горная порода, прочный и одновременно легкий в обработке материал, подходящий как для создания утонченных скульптур; серовик – песчаник; змеевик – горная порода темно-зеленого цвета с характерным змеиным рисунком; малахит – зеленый разных оттенков минерал, от бирюзового до очень темного. Так Данила идет на Змеиную гору и «камень он увидел у стены серовик...», когда же мастер попадает во владения Хозяйки Медной горы, видит: «мрамор там, змеевик, – словом, всяких пород...» [1]. Когда Данила ищет камень для новой чаши, попадаете такой, какой ему нужен: «цвет снизу погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется...» [1]. Д.Бедный так обозначает этот камень: «Вроде кустика сделан природой самой,/Снизу цветом погуще, где надо – прожилки» [3].

В прозе и стихотворном переложении отмечается, что в мастерской имеется «станок», что на мастере и Данилке надеты «фартук – из кожи запон». Термины, обозначающие инструменты камнерезов не приводятся, в конце истории с каменным цветком Данила разбивает свою чашу «балодкой». «Балодка – небольшой кузнечный молот» [6, 118].

Вслед за П.Бажовым Д.Бедный выделяет отдельные детали в описании этапов обработки малахита. Так в описании «экзамена» приказчиком Данилки у П.Бажова «Как **околотать** камень, как **распилить**, **фасочку снять**, чем, когда **склеить**, как **полер навести**, как **на медь присадить**, как **на дерево**» [1]. Поэт также раскрывает самые тонкости камнерезного дела, которые усвоил подмастерье:

Что ни спросит приказчик, чеканный ответ:

Как у камня отрезать уродливый кончик,

Камень **как околтать, распилить,**

Фаску снять и когда **чем склеить,**

Как на камне – для этого дела готовом –

Политуру и быстро и чисто **навесть,**

Как **на медь присадить**, как – **на дерево**, – словом,

Все, что есть [3].

Однако, можно видеть, что в поэтическом тексте некоторые детали изменены, но не в силу того, что это стихотворный текст, а в силу того, что поэт более подробно раскрывает некоторые процессы изготовления. Авторы намеренно используют народные термины «полер навести» – отшлифовать, «на медь и на дерево присадить» – прикрепить к металлу или дереву.

Указывая некоторые детали «малахитовая досточка», «кромку отбить», «поделка», «малый плетешок», «серебристая зыбь», писатель и поэт используют термины уральских камнерезных мастеров, обозначающие не только приемы обработки камня, но и своеобразие узоров на изделии. Ценители малахитовых изделий (в сказе и переложении – это приказчик, хозяин-барин, заказчики) хотели иметь высокохудожественные изделия из камня. В произведении есть упоминание о различных поделках, которые заказывает приказчик на начальном этапе ученичества, Данила делал «женское – пряжки, /Да шкатулки, да разные бляшки» [3]. Освоив мастерство, он точил «подсвечники, всякие там украшения», чаши. Мастерство резчика проявляется в том, что он мог вырезать тонкие детали:

«Дело вскоре дошло до резьбы.

Вырезать стал Данилка **листочки**,

Всяких видов **цветочки**,

Да **узорчики**, да **лепесточки**;

Подвернется еще вкруг узора – **тесьма...**» [3].

Данила «из цельного камня, когда /Зарукавье искусно он выточил, змейку...» [3]. тогда его приказчик признал мастером. Зарукавье-змейка – это своеобразный браслет, надевавшийся поверх рукава.

Нарисована чаша была,

А все штуки на ней – с заковыркою:

Ободок обведен весь **каймою резной**,

Пояс каменной лентой обвит тоекратно,

А по ленте – **узор** очень трудный, **сквозной**,

На **подножке листочки** торчат аккуратнo,

И **цветочки и почки** – набор **мелюзги**.

Одним словом, придумали чьи-то мозги![3].

Термины в художественной структуре обоих произведений играют важную роль. Они не только раскрывают трудный мир уральского камнереза, но также показывают его мастерство. Недаром Д.Бедный называет свое переложение «Мастерство». В рукописном вступлении поэт писал: «Богатство содержания сказов, многообразие и красота образов поразительны. Сколько тут великолепной добычи для мастеров резца и кисти...» [5, 18].

Сопоставление текстов П. Бажова со стихотворным текстом «Уральские сказы» Д. Бедного убеждает в том, что поэт очень заинтересованно и бережно относился к прозаическому материалу, пытался донести не только сюжет, но и важные детали сказов. В «Малахитовой шкатулке» П.Бажова и поэзии Демьяна Бедного использование деталей, терминов камнерезных мастеров Урала характеризуют факты действительности, историко-культурные события конца XIX – первой трети XX вв., которые писатели наблюдали и фиксировали в своей памяти.

Список литературы

1. Бажов П. Каменный цветок. Режим доступа <http://www.rodon.org/bpp/msh.htm#a3> (Дата обращения 23.05.2022)
2. Бедный Демьян // Смена", 1951, № 570, февраль. Режим доступа: <https://smena-online.ru/archive/1951/570> (Дата обращения 23.05.2022)
3. Бедный Демьян Мастерство. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bednyj_d/text_0140.shtml (Дата обращения 23.05.2022)
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с. С.32.
5. Регинин В. Словесные изумруды. Демьян Бедный об «Уральских сказах» П. Бажова// Смена, 1951, № 570, февраль. С 18
6. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Под ред. Б.А.Ларина. В 4-х т. М.: «Прогресс», 1986. Т. 1 (А-Д). С.118.

10.01.01

А.Ф. Давлетова, Г.Г. Рамазанова

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Республиканская полилингвальная многопрофильная гимназия №1» РБ,
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
albinadawletowa@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ В ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ ГЕНАТУЛИНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «АЛБАСТЫ»)

В статье исследуется художественный билингвизм, ставший результатом освоения А. Генатулина русскоязычной культуры, который дает читателю возможность в одном произведении познать, прочувствовать менталитет двух разных народов. В статье обсуждается феномен художественного билингвизма на примере рассказа А. Генатулина «Албасты». Предметом рассмотрения в статье стал рассказ Народного писателя Башкортостана А. Генатулина «Албасты» (2006), посвященный судьбе «идейного» дезертира.

Ключевые слова: рассказ А. Генатулина «Албасты», Великая Отечественная война, образ дезертира, башкирские фольклорные образы, билингвизм.

Феномен билингвизма не раз становился предметом научного осмысления. Им занимались Т.Г. Логинова «Художественный билингвизм как лингвистический феномен» [6], Г.М. Вишневская «Литературно-художественный билингвизм» [3], К.Г. Коровина «Характеристики художественного билингвизма» [5].

Ч. Айтматов, прекрасно владевший русским языком, рассуждая о феномене билингвизма, отмечал: «Писать и, следовательно, думать на русском языке – все равно что снимать широкоформатно. Опыт другого языка с большим «литературным стажем» и стоящей за ним культуры постоянно присутствует и помогает исподволь, самопроизвольно, как бы невидимо раздвигать рамки видения» [1]. Каждая из форм художественного двуязычия, а именно создание писателем, поэтом произведения не на родном языке – возникает из потребностей общества, индивидуальности самого писателя, является показателем социально-исторических реалий эпохи.

На наш взгляд, важными для понимания художественного двуязычия являются как форма двуязычия, так и цели его использования. Формы двуязычия во многом определяют стилистику художественной речи и играют существенную роль в идейно-композиционном построении произведения.

Анатолий Генатулин – народный русскоязычный писатель Башкортостана, владел двумя языками – башкирским и русским, билингвизм был для него органичным способом мышления и творчества. «Писатель прочно связан с русской литературой и культурой: закончил Литературный институт, долгие годы живет в Москве, публикуется в общероссийских журналах, но для русской литературы он остается автором, пишущим о Башкирии...» [7]

В одном из интервью писатель объяснил, чем было обусловлено обращение в его литературном творчестве к русскому языку: «Почему стал башкирским писателем? Уехал из родного Уразово в Белорецкое ФЗО в пятнадцать лет. Знание русского тогда было почти на уровне «моя твоя не понимай». А в Белорецке была стихия русского языка. Стал прислушиваться, понимать, повторять. Потом был завод с его простой, даже грубоватой русской речью. Дальше армия – два года фронта. Незаметно для себя стал думать по-русски. Не мыслить, не философствовать, а просто думать. Так что писать на русском заставила жизнь, так сложились обстоятельства. Но я башкир – и по рождению, и по духу» [4]. Все творчество писателя так или иначе связано с его малой родиной. Герои его произведений – башкиры, хронология описываемых в рассказах событий касается разных периодов жизни

родного народа. А. Генатулин пишет о своем детстве, военной поре, послевоенных годах, постперестроечной эпохе.

Одним из неординарных произведений писателя стал небольшой рассказ «Албасты», главный герой – дезертир, сбежавший из эшелона, отправляющегося на Великую Отечественную войну, писатель исследует глубинные психологические истоки этого предательства. Предметом изображения в произведении стали коренные исторические и социальные изменения, потрясшие страну, сломавшие судьбы многих людей. Рассказ повествует о смутном времени 30-40 годов XX века, когда до отдаленной башкирской деревеньки Миндебаево докатились два взаимосвязанных процесса – раскулачивание крестьянства и создание колхозов. В рассказе воссоздана картина фактического истребления башкирской деревни, показано, как беспощадно новые «хозяева» страны относились к своим самым талантливым и работающим сыновьям.

Обитатели многострадальной деревни Миндебаево судачат о том, что в их краях появился полузверь, получеловек *Албасты* (с башк.: верзила, медведь, о человеке). Жители деревни считали албасты «лесными тварями». На самом деле страшный оборотень – главный герой рассказа Анвар Алтынхужин, сын кулака Зиннура, ставший «идейным» предателем, мстящим за истребление своего рода. Он всем сердцем ненавидит советскую власть, ждёт порабощения Советского Союза немцами, для него победа врага, как это ни парадоксально, – спасение. Он затаился неподалеку от деревни, ждет исторического возмездия для своих обидчиков. Выкрыв из деревни недалеко и забитую женщину Гульшат и поселившись с ней в своей «пещере» в лесу, он периодически ходит в деревню – добыть продовольствие и узнать новости о ходе войны.

Анвар Алтынхужин ведет нескончаемый и бессмысленный внутренний спор со своими заклятыми врагами, разочарование и ненависть человека, чью семью разорили, выгнали из честно заработанного трудом родового гнезда, сослали в Сибирь, писатель передает посредством обширных монологов, которые становятся своеобразной исповедью изгоя, они адресуются почти безгласной его слушательнице. Герой понимает, что Гульшат, в силу своей необразованности, не всё сможет понять из его рассуждений, но выплеснуть свою ненависть хоть кому-нибудь ему жизненно необходимо. И запуганная Гульшат принимает данную ситуацию, почти не задает ему вопросов, пытаясь хоть что-то понять в его «мыслях вслух». После очередного возвращения с необходимой утварью для жизни в землянку, где ждала его Гульшат, Анвар, выпив самогона, рассуждая о политической и военной ситуации в стране, переходит с башкирского языка на русский. Анвар использует слова башкирского языка, чтобы Гульшат поняла его правильно. Например, когда ему надо было донести до неё, кто такой кулак, он объясняет: «...Вот ты подумай, кому мешали работающие мужики-крестьяне, какой был вред от них этой власти? А их называли кулаками...Ты хоть знаешь, что такое кулак? Это по-нашему *йозрок*, вот видишь, это для того, чтобы кому-нибудь морду бить...» [2].

Текст А. Генатулина буквально пронизан идеей о тотальном насилии, неуважении большевиков к ментальности и быту народов, населявших Россию, советская власть откровенно враждебна не только по отношению к исконной русской, но в том числе к самобытным национальным культурам. Большевики для обитателей башкирской деревни – воплощение какой-то необъяснимой, но грозной напасти. Показателен в этом смысле фрагмент рассказа: «Потом, когда в деревню пришли большевики, *албасты* в этих краях сгинули – да не только они, но и родственные им *лешие, черти, оборотни, домовые*, без соседства с которыми, не жил природный человек. Старики говорили, что эти жители ночи, дремучих лесов, затаенных пыльных углов, заброшенных развалин сгинули, испугавшись шума людской смуты...все эти албасты и черти – выдумка темных людей и врагов советской власти» [2]. Генатулин «вписывает» албасты в круг мифологических героев русского фольклора – леших, чертей, домовых. Башкиры – «природные» люди со своими представлениями, верованиями, основы их языческой культуры во многом близки мифологической культуре русских. Соседство фольклорных образов, представленных в едином синонимическом ряду, еще одно из проявлений билингвизма, характерного для всего повествования.

Художественный билингвизм совершенно органичен в этом произведении: башкирская лексика позволяет писателю погрузить читателя в национальную культуру, отразив особенности мировосприятия и менталитета родного народа. Наряду с башкирскими словами герой повествования включает в свою речь и русские просторечные слова и даже фразеологические обороты, что свидетельствует об освоении им русской языковой культуры. Монологи, повествующие о его жизни, пестрят словесными формулами, характерными для неродного языка. Представляется, что такое тесное переплетение столь далеких друг от друга, разнородных языковых пластов характерно для мышления самого автора, его двуязычие, ставшее следствием естественной включенности в контекст обеих культур, становятся художественными основами создания образа героя. Приведем фрагмент текста, который является ярким свидетельством билингвизма, характерного для всего повествования. Рассказывая о злоключениях своей семьи Анвар говорит:

«Тут он заговорил по-русски, (Гульшат не все понимала, но, в общем, догадывалась.) Постучался к соседке: где Ядкар? Оказывается, уехали жить в Жуковку. *Мать твою!* Это тридцать километров от деревни. Когда-то там жили русские. Старики *перемерли*, молодежь разъехалась, дома раскатали и *увезли кому не лень*, остались одни покосившиеся кресты на кладбище. <...> *Братан* мой, как и дядя Махмут, *с норовом, упрямый*. Дядя так и не вступил в колхоз: его *шпыняли*, грозились, а он продолжал мыть золото и погиб в шурфе под обвалом. Ядкар тоже не поладил с деревенским начальством — он же одноногий, вот и *стал права качать*, требовал лошадь для личного пользования, а ему говорят: не положено. Да и Верку не очень *приветили* деревенские, родня брата *попрекала*: привез, мол, калеку русскую, когда в деревне столько своих девок» [2].

Драматические обстоятельства жизни героя приводят к неожиданным позитивным последствиям: они буквально заставляют его познать жизнь за пределами ограниченного мира его деревни. Это сближает героев рассказа А. Генатуллина и героини романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». Трагические события насильно изгнанной из своего дома Зулейхи (как вдовы раскулаченного и убитого мужа) стали толчком к судьбоносным «прозрениям» героини. Волею обстоятельств она «открывает глаза», открывает для себя многомерный и совершенно неизвестный ей мир соотечественников, ставшими, как и она, жертвами социальных катаклизмов, в конце концов становится сильной женщиной, хозяйкой собственной судьбы.

Автор далек от осуждения своего героя, он исследует причины нравственной деформации, приведшей к предательству. Анвар умен, его рассуждения вполне логичны и последовательны, он даже наделен природной внутренней интеллигентностью, восприимчивостью к иной культуре и языку. В других обстоятельствах, при разумном отношении власти к народу, он мог бы честно служить родине, но душа Албасты искалечена обидами. Анвар насильно был вырван из родового гнезда, что позволило познать и русскую культуру, он обладает своим самобытным взглядом на мир, владеет двумя языками — башкирским и русским. Он мог бы стать неким связующим звеном между новым строем и родной деревней, став опорой разумной власти. Но жизнь и история превратили его в лесного зверя, обреченного на смерть.

Художественный билингвизм — редкое явление в мировой художественной литературе. Учеными оно интерпретируется в трех основных вариациях: тексты писателя-билингва, написанные на двух языках, независимо друг от друга; тексты писателя-билингва на одном языке с иноязычными вкраплениями; совмещение прозы и поэзии в одном тексте. А. Генатулин относится к числу писателей - билингвов, в его произведениях находит отражение межкультурный диалог на лексическом, синтаксическом, тематическом, метафорическом и символическом уровнях. Анатолий Генатулин, глубоко освоил неродную русскоязычную культуру, но при этом сохранил свою самобытность, дав возможность своим читателям в одном произведении познать, прочувствовать два разных менталитета разных народов, населяющих Россию.

Список литературы

1. *Айтматов Ч.* Проблемы двуязычия//Азия и Африка сегодня. 1969. С. 32-33.
2. *Генатулин А.* АЛБАСТЫ. Рассказ // Бельские просторы. № 11'06.
3. *Вишневская Г.М.* Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация: учебное пособие/Г. М. Вишневская; Иван. гос. ун-т. - Иваново : ИвГУ, 2011. - 223 с.
4. *Калинина Т.* Жизнь по совести // Учалинская газета. 2008. №. с. 1.
5. *Коровина К.Г.* Характеристики художественного билингвизма: на материале произведений В.В. Набокова : автореферат дис. ... кандидата филологических наук - Тверь, 2016. - 25 с.
6. *Логинова Т.Г.* «Художественный билингвизм как лингвистический феномен»// Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2014. №10. С. 78-81.
7. *Рамазанова Г.Г.* Эссеистика А. Генатулина в контексте творчества писателя// ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. 2018. №3(53)

10.01.01

С.Ф. Желобцова канд. филол. наук, С.Н. Барашкова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра русской литературы 20 века и теории литературы,
Якутск, oso-06@mail.ru, beta-sigma-no@mail.ru

СЕМАНТИКА ГЕНДЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматриваются особенности поэтики произведений писательниц разных стран рубежа 20 – 21 вв., выявляются творческая индивидуальность художниц, влияние литературных традиций и национального менталитета на семантику гендерного пространства. Научная новизна темы статьи связана с исследованием авторской трансформации архетипа на основе сопоставительного анализа русской и зарубежной прозы. Наблюдения за движением сюжета, структурой образной системы, художественными средствами приводят к выводам о новом контенте женского мира.

Ключевые слова: роман, рассказ, гендер, поэтика, архетип, семантика, Л. Улицкая, Ли Хён Су, Хан Ган.

Актуальность статьи связана с исследованием семантики гендерного пространства прозы, созданной писательницами женщинами на рубеже 20-21 вв.. Ключевыми понятиями анализа художественного текста являются Архетип, Хронотоп и Гендер, рассмотренные в теоретических трудах К. Юнга [9] и М.М. Бахтина [2], И. Р. Чикаловой [8], которые по разному реализовались в произведениях русской и корейской прозы. При анализе поэтики произведений, опубликованных в разных странах, учитываются типологические закономерности, позволяющие нам исследовать авторскую трансформацию архетипа и моделирование реального и ирреального мира. Таким образом, речь идет в статье о смещении гендерных маркеров в границах художнического восприятия действительности.

Исследования гендерной проблематики современной женской прозы открывает новые задачи литературоведения, расширяющего пространство художественного текста. В этом плане справедливо положение размышлений И. Р. Чикаловой о «диалогичности» истории социальных отношений полов. «В гендерной истории центральным предметом исследований выступает уже не столько «история женщин», сколько история властных взаимозависимостей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, мужчинами и женщинами, женщинами и женщинами разных социально-классовых слоев с учетом сексуального статуса, расовой/этнической принадлежности и возраста» [8, с. 98].

Предметом проблемного анализа текста является архетип «Дом-семья» как средоточие природного предназначения женщины [1]. Понимание динамики изменения гендера во времени качественно меняет архетипический контент, парадигма которого рассматривается на примерах произведений Людмилы Улицкой, Ли Хён Су, Хан Ган. Сюжеты романов Л. Улицкой и Ли Хён Су отходят от традиционного представления о Доме, как места обитания семьи: отца, матери и детей. Будучи близкой по личностным качествам античной героине, в своих действиях она антагонист героине-детоубийце. Она прощает измену родных и строит Дом, который и после ее смерти продолжает оставаться родным очагом для большого круга людей. «Это удивительно приятное чувство – принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех ее членов даже не знаешь в лицо и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего» [5, с. 103]. Поэтому крымский дом бездетной Медеи Синопли, потерявшей мужа, но нашедшей в себе душевные силы созидать идею Дома. А кибан «Буёнгак» в романе южнокорейской писательницы, в котором живут

девушки-кисэн, позиционируется его хозяйкой Табакнэ, как Дом. Примечательно, что тоже бездетная Табакне окружает девушек материнской любовью («кто-то, выбросив традиционные обряды кибана, повернулся в сторону проституции, где делаются большие деньги. В то время, когда весь мир сходит с ума, впадает в разврат и легкомыслие, я сохранила этих девушек» [3] и стремится сохранить в них веру в незыблемые ценности Семьи. Так, кульминацией драматического конфликта перехода одной из девушек в содержанки представляется как реальная свадьба хвачхомори.

Таким образом, судьбы Медеи Синопли и Табакне свидетельствуют об авторской реконструкции архетипической модели, отражающий новый этап развития социума, наполненной переоценкой канонического смысла.

Новый виток развития литературного процесса вводит произведения, авторы которых, сохраняя архетипический посыл, меняют локусы содержания. Для рассказа Л. Улицкой «Дракон и феникс» характерны героини, отказывающиеся от патриархального уклада, привычной роли женщины в обществе, национального менталитета, выбирающие свободу. Общение Зарифы и Муси-Анаид строится на женской дружбе-любви, происходит на уровне их философского диалога о течении времени, жизни и смерти. При этом Анаид, пережившая драматический разлад с мужем- садистом, осознанно выбирает нетрадиционную модель семьи. Она природно остается в женской роли, уступая сильную позицию подруге: «Муся гордилась Зарифой: она могла все, абсолютно все – прыгала с парашютом, участвовала в ралли, в молодые годы была сильной преферансисткой, а последнее время поигрывала в казино – и никогда не проигрывала!...» [6, с. 21]. На традиционной свадебной фотографии запечатлены плечистая и короткопалая Зарифа в белом пиджаке и хрупка Муся в белом платье. В финале рассказа тяжелобольная и прощенная азербайджанской родней Зарифа получает старинный родовой ковер, как символ Дома. Становится понятным смысл названия рассказа «Феникс и дракон». Писательница реинтерпретирует древний сюжет, делая его актуальным: «Замер последний вопль на последней ноте ... Дракон и Феникс замерли в своем вечном кольце» [6, с. 42]. Улицкая Л. выразительным композиционным приемом расширяет жизненное пространство женщины 21 века. Наблюдения за творческой эволюцией русской писательницы выявляют усложнение гендерного пространства сегодня. Так, героиней ее рассказа «Серпантин» становится пожилая библиотекарь Надежда Георгиевна, которая освоила новые технологии, заменив компьютером все дружественные и родственные связи. «Эта была великая красота, про которую она догадывалась, сидя в своей библиотеке, в отделе новых поступлений, но не мыслила, не надеялась увидеть себя в этом месте, и она наполнилась счастьем до отказа, до потери собственных границ, потому что почувствовала – принята сюда навсегда, ...» [6, с. 252]. Теперь старческая деменция не приносит страданий героине, она свободна в новом виртуальном пространстве, где нет женских забот, тревог и ответственности.

В таких же возрастном и психологическом состояниях находится героиня романа «Позаботься о маме» корейской писательницы Син Кенсук, страдающая тяжелой формой синдрома Альцгеймера. Однажды, не успев зайти в метро вместе с мужем, она теряется в многомиллионном городе. Всю свою жизнь она заботилась о семье, прощала измены мужа, много работала для того, чтобы дети получили достойное образование. Автор наблюдает как постепенно из энергичной женщины, мечтающей о сокровенном, она превращается в привычную «вещь», от которой можно просто отмахнуться. Примечателен эпизод, в котором взрослые дети вспомнили о матери ощутив дискомфорт в своей жизни. [4] Особенностью поэтики текста является открытый финал, обращенный к читателю. Возможно мать приняла самостоятельное решение или это ее протест против своего положения в семье.

Другую форму ухода от обыденных проблем находит героиня романа Хан Ган «Вегетарианка» Ёнхе. Сферой ее существования становится вегетарианство, освобождающее ее от патриархального уклада корейского общества. Для будущего мужа была важна неприметная внешность молчаливой, скромной и послушной жены. Но когда она «вышла» за рамки традиционного образа и проявила свою личностную самодостаточность, «он решил

бросить жену запросто, как выбрасывают на помойку сломанные часы или домашние электроприборы» [7, с. 123]. В попытке превратиться в дерево Ёнхе звучит протест, против такого утилитарного отношения к женщине. В данной ситуации выбор Ёнхе углубляется столкновением философии конфуцианства (жена должна) и даосизма (гармония с природой).

Обобщая наблюдения за исканиями и открытиями авторов современной женской прозы отмечаем, что в типологический ряд персонажей Л. Улицкой органично входит героиня, находящаяся на последнем этапе биологического возраста. Писательница возвращает прозе 21 века гуманистическую традицию русской классической литературы размышлять о Душе, Жизни и Бессмертии. Не случайно она назвала последний сборник рассказов - «О теле души», открывая метафизические смыслы творчества, отражающего сегодняшние тенденции жизни, ведущие к гендерным изменениям, к цифровизации коммуникативных связей, активизации виртуального сегмента.

Анализируемые тексты южно-корейских авторов свидетельствуют о поисках ими путей выхода из еще патриархальной семьи. В соответствии с эстетическими и религиозными закономерностями движения корейской литературы писательницы креативно осмысливают гендерные вызовы времени.

Список литературы

1. Барашкова С.Н., Желобцова С.Ф., Желобцов Ф.Ф. Современная женская проза. (Опыт литературоведческого и страноведческого анализа художественного текста). Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 2013. 120 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С.234-407. <http://philologos.narod.ru/hronotop/hronmain>
3. Ли Хён Су. Сказание о новых кисэн / Пер. с кор. Г. Н. Ли и Суок Мен. — СПб.: Гиперион, 2013. — 288 с. <http://www.litmir.net/a/?id=91144>
4. Син Кенсук «Пожалуйста, позаботься о маме». <https://www.litres.ru/kun-suuk-shin/pozhaluysta-pozabotsya-o-mame>.
5. Улицкая Л. Медя и ее дети. — М.: ЭСМО, 2007, 320 с.
6. Улицкая Л. О теле души. Новые рассказы. М.: Изд-во «АСТ», 2020.— 251 с.
7. Хан Ган. Вегетарианка. М.: АСТ, 2018, 320 с.
8. Чикалова И.Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм / И. Р. Чикалова // БДУ, 2007. — С. 89–100. <https://hist.bsu.by/izdania/istochnik/Chikalova>.
9. Юнг К. Архетип и символ. — М., 1991.

*10.01.01***Л.Г. Кихней д-р филол. наук, С.С. Царегородцева канд. филол. наук, М.Ю. Купцова**

Московский университет имени А.С. Грибоедова,
кафедра истории журналистики и литературы,
Москва, lgkihney@yandex.ru, alatas@mail.ru, delkup@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ИМИДЖА И РЕПУТАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются разные подходы к понятиям писательский имидж и литературная репутация, особенно актуальным для литературного процесса в России на переломе эпох, когда литературные репутации зависели от идеологических и политических установок. В итоге авторы выявляют ряд моментов, в зависимости от которых складывается тот или иной писательский имидж и проводят разграничение между понятиями литературный имидж и репутация.

Ключевые слова: *литературная репутация, имиджевая стратегия, поле литературы, Пьер Бурдьё, социология литературы.*

На Всемирном Информациологическом Форуме, состоявшемся 24 ноября 2000 года в Москве - Нью-Йорке) была принята «Доктрина информациологического развития человечества в XXI веке», согласно которой в XXI веке происходит значительное сокращение доли населения занятого в производственной сфере и увеличивается количество людей, занятых в сфере профессий «человек-человек». В такой ситуации имидж превращается в «ценность, от наличия и качества которой зависит успешность любой деятельности» [5, с. 9], а управление имиджем становится навыком, необходимым не только элите, но и абсолютному большинству обычных граждан.

В научном дискурсе до сих пор ощущается отсутствие общей концепции и методологической основы изучения имиджа. Понятие «имидж», как указывает К.И. Черемушкина, «до сих пор не трактуется как строгая категория, имидж выступает как сопутствующее понятие при изучении других явлений, ему отводятся периферийные маргинальные роли. объект исследования упрощается, внутреннее содержание понятия размывается. Кроме того, имидж все еще воспринимается только как феномен культуры постмодерна, нечто искусственное, «симулякр», явление без бытийных корней, что также препятствует его философскому и культурологическому осмыслению» [4, с. 11].

Необходимость всестороннего осмысления феномена имиджа и делает его исследование злободневным.

Ввиду того, что имидж становится условием успешной реализации в социальной и профессиональной сферах, большое количество исследователей активно работают в области создания прикладных методик и программ пошагового персонального имидж-проектирования в рамках эстетической имиджологии. Однако зачастую ученые сосредотачивают свое внимание только на внешней стороне явления, хотя, по нашему разумению, феномен имиджа в отношении деятелей культуры и литераторов, в особенности, следует трактовать как в контексте философско-эстетических категорий, так и социологическом дискурсе.

Новое толкование социологии литературы и фактически создание новой парадигмы социологического мышления создал Пьер Бурдьё, разработав концепцию «поле литературы» [1]. Под данным термином французский культуролог понимает то социальное пространство, в которое помещены люди, принимающие участие в литературном производстве. Это писатели, издатели, друзья, соратники, меценаты. Обратим внимание, что Бурдьё разделял понятия «автор» и «писатель»: первый – это творец текста и в некотором роде элемент его

структуры, а второй – носитель социального поведения, то есть субъект литературной деятельности. Кроме того, внутри этой концепции существует целый «ансамбль» агентов, которые канонизируют ценность произведения: салоны, жюри, конкурсы, критики, филологи, образовательные учреждения и другие.

Но «поля литературы» не могут существовать в обществе обособлено. Они всегда вступают в те или иные отношения с полями науки, власти, философии, религии или образования. П. Бурдьё обосновывает подчиненное положение «поля литературы» относительно «поля власти», «поля экономики» и «поля политики». «Писатель всегда находится в экономической зависимости от капитала, его свобода иллюзорна, характер его творчества всегда детерминирован степенью его экономической зависимости и заинтересованности» [1, с. 42].

Анализируя деятельность писателя в качестве одного из участников «поля литературы», Пьер Бурдьё использует термин «габитус». Аристотель под «габитусом» понимал совокупность телесных навыков и привычек человека. Бурдьё же подразумевает систему устойчивых принципов и установок писателя, включая бессознательные, которыми он руководствуется, выстраивая «траекторию своего передвижения внутри «поля литературы» [1, с. 43].

Писательский габитус формируется под давлением целого ряда факторов, среди которых одно из важнейших мест занимают: среда происхождения писателя, тип его воспитания и образования и экономическое положение. По Бурдьё, одна из основных задач социологии литературы состоит в том, чтобы выяснить, как, выходя из своего габитуса, писатель перемещается по «полю литературы» и занимает в нем положение.

Пьер Бурдьё убежден, что такое передвижение всего сопряжено конфликтом, так как преследует одну цель – обретение капитала. Еще одно отличие его теории от концепции К. Маркса заключается в определении капитала. Если Карл Маркс считал, что капитал – это владение материальными средствами и экономической прибылью, то П. Бурдьё выделял четыре вида капитала [1, с. 44]: а) экономический; б) социальный – обладание высокими связями и социальным статусом; в) культурный – наличие высокого уровня образованности; г) символический – приобретение символических выгод, как репутация, престиж, право на оценку и т.д.

По этой концепции, писателем всегда движет борьба за тот или иной капитал. То, как человек осуществляет свою заинтересованность определяется его габитусом. Выявление характера этой борьбы способствует прояснению эстетической позиции писателя и смысла его творчества.

Борьба участников «поля литературы» за доминирующую позицию внутри определяет историю поля – «самый важный предмет изучения социологии литературы» [1, с. 42]. Историю «литературного поля» образует содержание конфликтов, разворачивающихся внутри него, главный из которых – борьба между двумя субполями: массовым и элитным производством. Участники субполя массового производства, гетерономные производители, – писатели, которые преследуют экономический интерес. Агенты же элитного производства, автономные производители, – писатели, которые пропагандируют материальную независимость и стремятся реализовать заинтересованность в четвертом, символическом, капитале.

Логика развития «поля литературы» может также определяться другими конфликтами, например, между писателем и публикой.

И если предметом изучения биографического метода становится жизнь автора как совокупность знаков и жестов, то в основе социологии литературы лежит собственно социальное изменение личности, в частности, его писательская репутация. Таким образом, литературная рецепция складывается из множества отдельных социальных и биографических факторов, и из того, как слагаются между собой эти части среди читателей и критиков, определяется место писателя в истории.

Бурдые под литературной репутацией понимал «представления о писателе и его творческой деятельности, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны большей части его участников: критикам, издателям, литераторам, книготорговцам, педагогам, читателям» [1, с. 42]. Это суждение прокомментировала и дополнила Т. И. Печерская: «В биографическом смысле «прижизненная» литературная репутация неустраима, она не может быть изменена в пользу «более справедливой». Еще менее приложимо к ней понятие объективность» [2, с. 538].

Наконец, следует указать, что именно социология литературы связана с изучением читателя не как идеального, условного моделируемого в тексте, а реального участника социальной группы. В частности, в сферу интересов адресата чтения могут входить динамика популярности, система спросов, изменение издательского рынка.

Рассмотрение этих проблем мы находим в трудах А. И. Рейтблата. В частности, в работе «От Бовы к Бальмонту» он рассматривает социальную структуру чтения, изучает вхождения книг в читательские страты: «крестьянскую, рабочую, разночинскую и интеллигентскую» [3, с. 212].

И литературная репутация, и писательский имидж – это универсальный способ существования писателя в культуре. Но в отличие от репутации имидж – не столько конечный результат, статичный образ, запечатленный в общественном сознании, сколько мейнстрим общественных суждений, преобладающих впечатлений, оценок. Писательский имидж – это всегда некий перманентный процесс, в то время, как репутация – стабильный результат. Отсюда смежные понятия – крушение репутации, подмоченная репутация, репутационные риски и пр.

Социология литературных имиджей и репутаций многообразна, так как всегда является результатом совмещения различных временных и идеологических планов. Например, прижизненный имидж и посмертная репутация Николая Гумилева разительно отличаются друг от друга. Более того: разительно отличается посмертная репутация Гумилева в годы культа личности и застоя, когда его имя было предано забвению от его сегодняшней репутации как поэта-классика, стоящего в одном ряду с А. Блоком, В. Маяковским, О. Мандельштамом, А. Ахматовой.

Список литературы

1. Бурдые П. Поле литературы / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. – 2000. № 45. С. 22—87.
2. Печерская Т.И. Свидетельство современников как источник литературной репутации М.: Три квадрата, 2012. 745 с.
3. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 447 с.
4. Черемушкина И.К. Имидж в смысловом пространстве культуры. Дисс. ... д. культур. н. Волгоград, 2011. 341 с.
5. Юзвизин И.И., Воронцов Ю.М. Доктрина нформациологического развития человечества в ХХI веке. М.: Информациология, 2001. 51 с.

10.01.01

А.В. Пучкова, С.С. Терехова

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского,
Институт филологии и массмедиа,
кафедра литературы,
Калуга, svetl.semenova@mail.ru

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВОЙ В РАССКАЗЕ «МОЛОДЫЕ РУИНЫ»

В статье анализируются авторские стратегии Евгении Некрасовой в рассказе «Молодые руины»: творческий метод «магического реализма», который соединяет в себе обращение к фольклорным, мифологическим мотивам используется для игры с читателем. Предлагаются возможные стратегии интерпретации ключевых моментов текста. Делается вывод об их роли в идейно-образной концепции Евгении Некрасовой.

Ключевые слова: Евгения Некрасова, «магический реализм», авторская стратегия, игра с читателем.

Евгения Некрасова – современная российская писательница, автор романа «Калечина-Малечина» (2018), сборников рассказов «Сестромам» (2020) и «Домовая любовь» (2021). Творческий метод писательницы – «магический реализм» – позволяет смешивать в художественном пространстве привычную и магическую реальности, символический контекст и бытовое описание. В рассказе «Молодые руины» реальность «привычная» и «скрытная» разделяются характерной для творчества Евгении Некрасовой «цезурой»: завязка лишена магического, она включает читателя в сюжетный контекст, повествование изначально характеризуется сильной эмоциональной напряженностью, а появление иного взгляда на действительность становится определенной кульминацией, качественно преобразующей характер взаимоотношений героя с миром.

Появление магического предвосхищается поворотным эпизодом. Происходящие до перелома события также содержат смутные намеки на магическое – однако их вполне можно объяснить точки зрения парадигмы мира «привычного». «Магическое» проявляется постепенно, изначально присутствуя латентно, но после ситуации-катализатора выходит на передний план и оказывает непосредственное воздействие на героя.

В рассказе «Молодые руины» Евгения Некрасова обращается как к традиционному для «магического реализма» источнику мотивировки сверхъестественного – фольклору, так и к архетипическим образам. Рассказ начинается аллюзией, в которой узнается характерный сказочный зачин: «строили-строили и недостроили», который погружает читателя в «сказочный» контекст и воссоздает концептуальную доминанту текста: жизнь – это строительство. Таким образом, зачин интерпретируется иначе: «жили-жили и недожили» (т. е. умерли, поскольку недострой – не просто незавершенная работа, но и смерть).

Обратимся к сюжету рассказа. В завязке представлена главная героиня – Лиля. Нарратив выстраивается при помощи несобственно-прямой речи – синтеза речи повествователя и речи персонажа. Речь персонажа в этом случае как бы облекается авторской речью и воспроизводится в формах последней. Дискурсивные особенности речи героини подчеркивают ее отчуждённость: ровесников Лилия называет «содети» – приставка «со» добавляет значение «совместного участия» или общей принадлежности чему-либо. Лилия считает себя лишь принадлежащей к детям из-за возраста, но не ощущает ни общности, ни единения с ними.

Имя героини расширяет контекстуальный пласт текста, отсылая читателя к образу Лилит – перво-женщины, не пожелавшей быть покорной ни Адаму, ни Богу и потому бежавшей из Рая. В тексте архетип сохраняет свою первоначальную заданность, поскольку героиня рассказа непокорна и не приемлет патриархального типа взаимоотношений: отказывается от детского обряда «свадьбы» с Артемом; считает, что «мальчики... не фундамент, но дополнение, очень полезной пристройкой – для отдыха, игры расслабления...» [2, с. 332]. В мифе Лилит карается за непокорность: после отказа подчиняться ее Бог развоплощает и проклинает ее. Лиля также наказывается падением – изгнанием из обнаруженного ею «рая» – чудесного «зазаборного мира», по которому до этого «словно не ступала никакая другая обувь» [2, с. 296], охраняемому Крановщицей и Строителем – «наручными» куклами-марионетками. Лиля бережно относилась к пространству, «любила его и очень уважала» [2, с. 297], но содети, раскрывшие тайну ее рая, осквернили «бетонно-лесной мир», а она не смогла помешать. Лиля, предавшая место, которое было ей доверено, несет за это наказание: забираясь на крышу завода, на седьмой этаж по приказу со-детей, Лиля видит оскаленного Строителя и, испугавшись, падает.

В падении время замедляет ход и практически останавливается: «Лиля стала падать. Пока она падала, на ветке-полене появилась Крановщица...наручные куклы чего-то ругались...Лиля летела, синяковое небо удалялось, ветки ломались...Лиля просто стучалась об них спиной, но падала дальше... наконец, куклы договорились...» [2, с. 304]. В реальности за время этих событий Лиля пролетает лишь два этажа. В момент падения героиня будто растождествляется с собой и смотрит на все со стороны: сверху куклы «наклонились и глядели сверху, как Лиля падает. Содети задрали головы и смотрели снизу, с третьего, как Лиля падает» [2, с. 304]. Образованная картина выстраивает вертикаль, характеризующую основную коллизию рассказа: Крановщица и Строитель – Лиля – содети = небесное – медиатор – земное. Но после падения вертикаль замыкается уже на героине: «Лиля видела крону дерева, листву, деревянных наручных кукол, свысока смотрящих прямо, и тяжелую серую плиту, на нее надвигающуюся с неба» [2, с. 305] и направленность меняется: Лиля – содети – куклы – небо.

Падение героини – вилка «расщепления» реальности, традиционная для авторского стиля Евгении Некрасовой игра: с одной стороны, мы можем довериться повествованию и поверить в чудесное спасение, но с другой стороны, в сознании читателя возникает сомнение в этой версии.

Процесс выздоровления Лили описывается довольно буднично, за исключением некоторых эпизодов, также вызывающих сомнение за счет двойственности ассоциаций: «Оперировали Лилу в комнате без потолков» (306); на процедуры «медсестра проводила Лилу по лабиринтам железных занавесов, поднимала один, заводила внутрь пространства» [2, с. 307].

Пространство становится зыбким, и в него теперь отчетливо проникают как символические пласты: появляется «Адская галерея» с «обнаженными женщинами с крыльями демонов, мужчинами с рогами, расколотыми черными сердцами» [2, с. 310], из которой Лилу и ее новую компанию часто «изгоняют»; так и магические: убегая от продавца игрушек, на лотке которого, среди прочих, Лиля видит кукол Крановщицы и Строителя, Лиля выстраивает перед преследователем кирпичную стену.

Дальнейший переезд в Москву («переключение с черно-белого канала мира на цветной» [2, с. 318]), учеба, работа риелтором – бытовая реализация «московского мифа» – перемежаются в тексте с магическими элементами: то Лиля по мановению рук достраивает стену в квартире, то, прикоснувшись к фундаменту дома, предчувствует, будет ли он достроен или же станет «молодыми руинами». Но не прямые намеки, своеобразная игра с читателем, которая вызывает у читателя сомнения в достоверности, сопровождает весь текст. Так в периоды соприкосновения с «магическим», периодически возникает физиологические описания: «голова разболелась сильно»; «из ноздрей шла кровь...качало в разные стороны» [2, с. 336]. В финальном эпизоде, в котором Лиля вновь оказывается на месте падения,

ощущения достигают пика и раздваиваются: «малострепимая боль» сменяется «невероятной свободой и легкостью» [2, с. 364], от недомогания ложится на пол, а «на месте, где был ее затылок, отпечатывается кровь» [2, с. 365]. Восприятие героини возвращается к «детскому»: она вдруг решает, что, когда достроит дом, «комнат точно хватит всем: и маме, и ей, и Марине...», а в заборе решает «проделать секретный ход» [2, с. 365]. В финале происходит кольцевое возвращение к эпизоду падения: «снова легла на бетон...Вокруг ее головы натекло густое темно-красное пятно» [2, с. 366].

Вопрос доверия к рассказчику перекладывается на усмотрение читателя: происходящее можно воспринимать как реально произошедшее «магическое» вмешательство – и тогда в действительности происходящего нет сомнения – или же как трагическую смерть и предсмертную агонию, в которой Лиля проживает дальнейшую жизнь лишь в своей голове.

Заголовок «Молодые руины» содержит в себе контекстуальный оксюморон. В словаре Ожегова руины – «развалины (первоначально старинного сооружения)» [3, с. 728]. В данной интерпретации молодые руины создают ассоциативный концепт: недостроенные здания, которые выглядят как разрушенные, при этом не являясь старинными, но в будущем, поскольку их никогда не достроят, они действительно превратятся в руины. В словаре Ушакова в переносном значении дается следующее, толкование: «(разг) престарелый человек» [3, с. 795]. В данной коннотации заголовок может указывать на возможную интерпретацию сюжета рассказа – смерти героини, но «проживании» жизни в сознании – разрушенная молодая жизнь. Наконец, дополнительную интерпретацию добавляет этимология слова «руины». В переводе с латинского *ruere* – «падать». Так метафорически заголовок предвосхищает событийную коллизию рассказа.

В рассказе «Молодые руины» «магический реализм» как способ организации художественного мира тесно переплетается с символическим пластом, который расширяет идейно-образный потенциал за счет включения структуры нарратива дополнительных ассоциаций. В результате смысловая парадигма значительно расширяется, сильные позиции текста – заголовок, зачин, кульминация, финал – за счет привлечения в пространство текста дополнительных коннотаций также потенциал интерпретации текста.

Авторская стратегия Евгении Некрасовой – игра с читателем, которая организуется за счет различных пластов восприятия, расширяет и углубляет рецепцию текста, позволяя читателю принять участие в творении мифа и воспринимать текст в контексте той парадигмы, которая близка ему самому.

Список литературы

1. Кичеева К.А. Архетип Лилит в современной культуре / Молодежь и наука: сборник материалов X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции. — Красноярск, 2014.
2. Некрасова Е.И. Домовая любовь. — Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. — 379 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: 1999. — 944 с.
4. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. — Москва: Дом Славянской кн., 2008. — 959 с.

10.01.01

Чжан Юаньюань

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Пермь, zujudith@qq.com

ОБРАЗ САДА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА

В статье исследуются символические значения и художественные функции образа сада в творчестве В. Перелешина, которые обусловлены китайскими представлениями о классическом саде как «модели Поднебесной» и с национальной литературной традицией его описания. Автор статьи раскрывает связь между образом сада, внутренним миром лирического героя и социально-культурным контекстом. Образ сада является метафорическим способом выражения концепции произведения и указывает на определённые эмоциональные состояния: тёплые воспоминания, ощущение подавленности, восхищение; он может быть абстрактной метафорой человеческого духа и символом, указывающим на трансцендентное содержание образа.

Ключевые слова: *Перелешин, образ сада, мотив, символика.*

Сад как литературный образ имеет продолжительную историю. является весьма распространённым пространством развития сюжета. Академик Д.С. Лихачев отмечал: «...Устроители садов во все века стремились именно в садах дать человеку повод для глубоких философских размышлений, раздумий, настроений и поэтических мечтаний» [2, с.22]. Близкую мысль высказали английские исследователи Майлз и Дж. Хэдфилд, утверждавшие, что сады предназначены для представления идеального состояния [7, с.185].

Образ сада включает множество переплетенных мотивов, создающих его символику. Сад, рассматриваемый как *художественное пространство*, имеет три уровня: это физическое пространство, материализованная форма *внутреннего мира* человека и образ, имеющий социокультурное содержание. Сад выходит за пределы обыденности, а литература и другие виды искусства придают ему и связанным с ним контекстам символические – метафизические, экзистенциальные и сюрреалистические смыслы. Образ сада в литературном произведении является носителем *культурного подтекста*, который связан с различными вариантами *нафоса* – сентиментального, романтического, религиозного, драматического, героического или иронического. Сад как художественное пространство – это метафорическое средство выражения концепции писателя – его онтологические и эстетические представления.

Литература XX в. существенно обогатила содержание этого образа, придав ему новые смыслы, связанные с размышлениями о прошлом и будущем, сохранении красоты, смысле существования и морали [5, с.11, 18]. Особое место занял образ сада в творчестве русских писателей-эмигрантов, для которых он стал символом потерянной родины. Особенно большую роль этот образ играл в произведениях представителей восточной эмиграции, для которых будущее представлялось особенно неясным. Ситуация скитальца, для которого нет места в окружающем мире, вносила коррективы в художественный мир произведений.

Одним из русских поэтов, обратившимся в своём творчестве к этому образу, был В. Перелешин. Так, в 1940 г. поэт, напряженно следивший за событиями мировой войны, написал стихотворение «Счастье», в котором мотив «кладбищенского сада» передавал настроение автора и его отношение к отважным воинам, погибавшим в бою: «И память мне не раз покажет снова / Кладбищенский многоречивый сад, / И на скамейке томик Гумилева, / И темных глаз обрадованный взгляд» [4, с.76-77]. Мотив «кладбищенского сада», в котором

на скамейке лежит «томик Гумилева», мог быть связан с посвященным «светлой памяти» И. Анненского стихотворением Н. Гумилева «Семирамида» (1909), где также присутствовали мотивы ужаса и смерти

Особенностью творчества В. Перелешина было обращение к принципам, характерным для поэтики китайской литературы, например, «сочетание внутренних эмоций с описанием окружающей обстановки» [6, с.16]. Поэт, проживший в Китае более 30 лет, использовал представления о садах, обусловленные традициями китайской культуры, в которой сад выражает философские представления о мире. В пространстве сада природа находится в диалоге с культурой: цветы символизируют женскую красоту, а скалы оказываются метафорой мужественности. Пейзажи сада превращают его в идеальное место, где воплощаются чувства человека.

В китайской культуре сад – это Праобраз Поднебесной и символ мироздания, завершающий небесную природу: он усиливает естественные свойства вещей и придаёт им символическую форму – своеобразную «программу интеллектуальной памяти», передает ощущение таинственности и трансцендентности. Сад – это постоянная тема живописи и место действия романов, повестей, драм, стихотворений. «Метаморфозы и взаимопроникновение» стихий «рождают целостность ощущения бытия и создают качество в искусстве», выражая фактом своего существования китайскую «концепцию Срединного пути» [3, с.95-96].

Так, например, сюжет китайского классического романа «Сон в красном тереме» развивается в Саду Роскошных зрелищ, где расположены жилища главных персонажей, окружение и внутреннее убранство которых отражают характер их владельцев. В пьесе Тан Сяньцзу «Пионовая беседка» героиня Ду Линян и засыпает в саду и оказывается на свидании с юношей – молодым ученым Лю Мэнмэем. Проснувшись, Ду Линян заболевает от любовной тоски и вскоре умирает; её душа находит возлюбленного, девушка воскресает и выходит за него замуж. В утопии древнего поэта Тао Юаньмина «Персиковый источник» описано прекрасное место, в котором воплотился идеал жизни, противопоставленной реалиям того времени.

Характерная для китайской литературы связь между образом сада и *сном* героя проявилась в стихотворениях В. Перелешина: образ сада оказывается местом, где «синеют цветы, распутившиеся навсегда» и «летают над ними святые и мудрые пчелы» («Бессмертие») [4, с.52]. В стихотворении «Чжунхай» поэт описал бывший императорский сад, ставший его прибежищем от повседневных проблем, который наполняет душу спокойствием и актуализирует «память прошлого» и рассуждения, направленные на поиск истины [6, с.88]. В стихотворении «Смерть поэта» изображался иной – безжизненный – сад: «На ветках прозаические птицы, / В садах – простые поздние цветы» – в котором «романтическая маска уничижительно совлечена», и лишь «сквозь сон – живой и животворный / сияет день, крулятся облака» [4, с.61-62]. Образ умирающего сада, связанный с представлениями о разрушении родного дома и невозвратимости прошлого, был характерен для китайской литературы (упомянутая выше пьеса «Пионовая беседка»; роман Сяо Хун «Рассказы о реке Хулан» или очерк Ба Цзиня «За пределами заброшенного сада»).

В поэзии Перелешина часто появляются упоминания отдельных растений, – например, *сосны* («Заповедник», «Дом», «Родинка», «Конь» и др.), символизирующей Север и соотнесенную с ним Родину; *берёза* и *рябина* выражают ностальгическую тоску поэта («Не памятник», («Возвращенцу», «Конь» и др.); прочно укоренившееся в земле Дерево символизирует веру в свой народ, а также стремление отстаивать собственную позицию [4, с.221, 287, 290, 359-360, 421-422]. Важное место в изображаемых Перелешиним садах занимают *цветы*: *розы* символизируют страстную или горькую любовь («Ангелы») [4, с.164-165]; экзотические (для России) растения – лотос или орхидея – в художественном мире Перелешина, хорошо знакомого с культурой и философией Востока, становятся символами, содержащими глубокие философские смыслы. В «Поэме о мироздании» описание лотосов образно передаёт символический смысл, традиционно вкладываемый китайским

народом в изображение этого цветка, – благородство и высокую нравственность: лотос произрастает из грязи, но сам остаётся чистым; сопоставляя лист лотоса с «рыцарским щитом», поэт придаёт этому образу значение храбрости и мужества [4, с.195-210]. Изображения растений, с одной стороны, раскрывали внутренний мир автора, а, с другой, – создавали метафорическое художественное пространство, формирующееся через множество переплетённых мотивов – элементов пейзажа, описаний птиц и насекомых, слуховых и обонятельных образов, которые раскрывали онтологические и эстетические представления автора.

Образ сада в художественном мире Перелешина, будучи насыщенным множеством ассоциаций, обусловленных традициями китайской культуры, отражал глубинные взаимосвязи между внутренним миром лирического героя и социальным контекстом, а также напряжённый поиск поэтом философских смыслов. Образ сада мог иметь разные художественные функции: он мог быть пространством, объединяющим природу с внутренним миром человека («Дерево», «Поэма о міроздании»), родным домом, с которым связаны тёплые воспоминания («Не памятник», «Возвращенцу», «Конь»), безжизненной территорией, соотнесённой с чувством подавленности («Смерть поэта»); указывать на героизм отважных воинов и вызывать воодушевление лирического героя («Заповедник», «Счастье») – но он мог быть и абстрактной метафорой человеческого духа – символом идеализированного мира, утопией, выражающей трансцендентное содержание («Карусель», «Чжунхай»).

Список литературы

1. Кондаков Б.В., Чжан Юаньюань. Китайская поэтика в творчестве В. Перелешина // Казанская наука. 2021. № 6. С. 13–16.
2. Лихачев Д.С. Поэзия садов. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 321 с.
3. Лучкова В.И., Целуйко Д.С. История китайского сада: от традиций к параметризму. Хабаровск, 2016. 179 с.
4. Перелешин В. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2018. 608 с. [Серия «Золотой серебряный век»].
5. Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном Рае. XIX, XX и начало XXI века / сост. Ю.А. Беликов. СПб.: Алетейя, 2022. 514 с.
6. Чжан Юаньюань. Китай в жизни и творчестве В. Перелешина // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 77–91.
7. Miles and John Hadfield, Gardens of Delight. London: Cassell, 1964. 192 p.

10.01.01

Чэнь Си

Шаньси датунский университет,
Институт иностранных языков,
Факультет русского и японского языка,
Датун, КНР, chenke234@163.com

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ Л.А. КАССИЛЯ «ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ»

Предметом исследования данной статьи является специфика изображения художественного пространства в повести Л.А. Кассиля «Дорогие мои мальчишки». Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что в детской литературе о войне раскрывается не только пространство детских игр, фантазий, но показано объективное пространство, предполагающее отражение реальности войны. Топосы улицы, школы, придуманных стран в повести Л. Кассиля становятся топосами военных действий. Анализ пространственной структуры повести «Дорогие мои мальчишки» позволяет убедиться, что исследование художественного пространства произведения раскрывает перспективы для понимания и самостоятельного осмысления советской детской литературы 1940-х годов.

Ключевые слова: Л.А. Кассиль, художественное пространство, хронотоп, тоpos, повесть, «Мои дорогие мальчишки».

Советская детская литература – неоспоримый факт русской культуры XX в., она развивалась, отражая важные исторические события становления и развития советского общества. Многие имена и произведения советской детской литературы все больше привлекают внимание исследователей. Одним из таких являлся детский писатель Лев Абрамович Кассиль. В середине XX в. он в рассказах, повестях и романах показывал судьбы детей, которые неразрывно связаны с этапами развития Советской страны. Его творчество достаточно полно осмыслено в работах исследователей М.Р. Балиной [1], С.Б. Борисова [3], С. М. Лойтер [6].

Как отмечали С.В.Бурдина и О.А.Шумилова, «наиболее известные произведения о школе этого периода («Педагогическая поэма» А.С. Макаренко, «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева, «Кондуит и Швамбрания» Л.А. Кассиля), как и книги Н.Г. Помяловского и Н.Г. Гарина-Михайловского, имеют автобиографическую основу, что влечет за собой сюжет хроникального типа – каждая из рассказанных историй, связанных временной последовательностью, имеет начало и завершение. По-прежнему актуальными остаются традиции романа-воспитания, сохраняется интерес к изображению типов учителей и учеников. Важной тенденцией, появившейся в эти годы и развившейся в дальнейшем, является постепенный переход школьной тематики в ведомство детской литературы, что проявляется в первую очередь в области поэтики» [4, 133].

Следует отметить, что в творчестве Л.А.Кассиля так или иначе представлена военная тематика. Обращение Л.А.Кассиля к литературе о детях на войне было закономерным. В 1942 г. у Л.А.Кассиля выходит сборник «Семь рассказов» («Позиция дяди Устина», «Отмщение», «Дно и крышка», «Четверо из них», «Кровник», «За одним столом», «Все вернется»). Основная тематика произведений – это повседневная жизнь подростков, которые заменили в тылу своих отцов и старших братьев, ушедших на фронт.

Известно, что в годы Великой Отечественной войны Л. А. Кассиль читал свои рассказы о детях по радио, в школах, воинских частях, на предприятиях Москвы и Урала. В 1947-1948 гг. Л.А.Кассиль стал Председателем комиссии по детской литературе Союза писателей СССР, а в 1947-1949 гг. был руководителем семинара детской литературы в Литературном институте имени А. М. Горького. Важным компонентом в произведениях для детей наряду с динамичным сюжетом является художественное пространство, время и детали. Время и пространство (хронотоп), как формально-содержательная категория художественного произведения, по мнению М. М. Бахтина, имеют «существенную взаимосвязь» [2].

Писатель в своих произведениях раскрывает хронотоп детства, в котором отражается не только время детства, но и те пространственные параметры, в которых живут герои, в которых происходят важные исторические события. Мир литературы Л.А.Кассиля – это мир, соединяющий реальные и «условные» пространства. Так он в 1928-1931 гг. написал повести «Кондуит» и «Швамбрания», соединенные впоследствии в единый текст «Кондуит и Швамбрания» (новая редакция 1955 г.). На основе автобиографического материала автор рассказывает о жизни гимназистов в дореволюционной России в волжском городе Покровске. Обращаясь к сложному периоду 1917-1919 гг. Л.А.Кассиль «привязывает» художественное пространство повести к определенному городу на Волге, к его окрестностям, дает конкретные топографические детали. Уже в этой повести дети Оська и Леля придумывают свою страну Швамбрианию, которой нет в действительности. Герои повести от безобидных игр, фантазий, окунаются в настоящую жизнь, проходят через войну, революционные события, голод и разруху, что заставляет детей взрослеть, принимать важные решения.

Известное произведение «Дорогие мои мальчишки» написано Л.А.Кассилем в 1942 г. Писатель рассказывает о жизни подростков в маленьком приволжском городке Затонске во время Великой Отечественной войны.

Уже в начале повести автор избирает своеобразный прием: он встречается на одном из аэродромов Северного флота военного метеоролога Арсения Гая, который рассказывает историю вымышленной, фантастической страны Синегория. Трагические обстоятельства повести заданы самой ситуацией войны, потому что Арсений Гай погибает во время вражеского налета, так автор-повествователь не до конца узнал историю о Синегории. Примечательно, что история борьбы против злых сил в Синегории, соотносилась с той действительностью, которая предвещала войну. Суровое пространство Севера подчеркивается тем, что могила Гая на вершине одной из сопок под большим валуном.

Пространство повести – это совмещение нескольких пространств. Писатель как бы перебрасывает «мостик» от суровых просторов военного Заполярья через Москву в волжский городок Затонск.

После возвращения в Москву, в редакцию, автор-повествователь читает письмо синегорцев, которые услышали по радио о последних днях своего учителя. Автор-повествователь, будучи на Волге, в своих родных краях, оказывается и в Затонске.

Основные события разворачиваются в Затонске, в котором Арсений Гай вместе с учениками придумал вымышленную страну Синегорию, остров Лазоревых Гор. История «Синегории» – это борьба за социальное равенство, поэтому у синегорцев свой герб с девизом «Отвага, Верность, Труд – Победа!» [5].

Л.А. Кассиль, родившийся в волжском городке, хорошо представлял его особенности, топографию, городские детали, поэтому он пишет, что «городок был небольшой и всем обликом своим очень напоминал тот, в котором я сам вырос. И, хотя я был в Затонске первый раз, мне все казалось тут уже знакомым: и пески на Волге, заросшие ивняком, меж ветвей которого с легким звоном ветер нес песчаные струйки, и акации вдоль кирпичных тротуаров, и горбатые землечерпалки в Затоне, и базар с каланчой» [5]. Такие доминанты города придают событиям характер «документальности».

Пространство героев повести многомерно: улицы, дворы, берег реки, школа, судоремонтный завод Затонска. В этом пространстве можно выделить три топоса. Первый топос улица, берег реки – это пространство детства, где герои повести Капка, Тимка-Тимсон, Валерка Черепашкин, Лешка Дульков, девочки проводят время, играют, ссорятся. Пространственные параметры топоса детства раскрываются в деталях. Так главный герой Капка идет по улице и видит, как ребята играют в городки, он показывает свое мастерство в этой игре. «Когда Капка поравнялся с площадкой, где ребята играли в городки, там как раз была выложена самая трудная фигура – письмо. <...> Времени оставалось уже в обрез, надо было спешить. Но тут Капка не выдержал. – А ну-ка, дай я распечатаю, живо только, – сказал он, подходя к играющим» [5]. Капка «распечатывает» городошную фигуру «письмо». Можно отметить, что это деталь пространства игры, которая потом подтверждается соревнованием с юнгами в бросании гранат. Капка достойно вышел из этих соревнований.

Второй топос – это пространство ремесленного училища и завода, на котором работают ребята, а также школа юнг. Пространство завода уже более серьезное: «В пролете гудели вентиляторы, стучали дробно, цокали и жужжали работающие станки, трансмиссии, сверла. В слитный шум цеха врезался минутами звенящий, взывающий визг электрической пилы со двора» [5]. Мальчишки-ремесленники, которые выполняли производственное задание, соревнуются. Эти соревнования отражались «на щите» самые передовые были на самолете, на паровозе уже «замедляли ход», а отстающие – на велосипеде.

Третий топос – страна Синегория, которую придумали герои, но которая имеет конкретную топографическую привязку к реалиям Затонска. «Островок, отрезанный от города рукавом Волги, который все звали прораной, и почти весь залитый половодьем, носил у синегорцев прекрасное имя: остров Товарищества. Остров был песчаный, весь заросший ивняком, но посередине его вздымалась возвышенность. Выветрившийся известняк образовал здесь гряду утесов. Ветер выдул в них пещеры. В одной из них и собирались синегорцы» [5].

Л.А.Кассиль раскрывает, как юнги и затонские ребята находят общее дело, ремонтируют баркас для тренировок юнг. Хронотоп войны раскрывается образами юнг, которые были эвакуированы из Ленинграда. Так юнга Витя Сташук рассказывает Капке о том, как было в Ленинграде под бомбежками, «как жили они в смертельном кольце блокады, как пришлось им участвовать в бою у Невской Дубровки, когда немцы чуть было не прорвались к городу и юнги несколько часов сдерживали напор врага...» [5].

Объединяет все эти топосы – пространство войны. Военные действия подошли и к Затонску. Началось это с налета самолетов противника. «Капка и Виктор бежали по улицам. Трескучая сумятица ночной тревоги царила в черном небе. Над головой, в недоброй выси, гудели моторы самолетов. Прожекторы толклись в облаках. Огненные паучки зенитных разрывов бегали в небе над Волгой. Где-то на окраине уже занималось зарево» [5].

Когда фронт приблизился к Затонску, пространство представляло собой картину бедствия. «Шли в Заволжье обозы беженцев, везли раненых. Их переправляли с правого берега на лодках, на плотках и паромках. Угрюмый огонь горел в глазах людей. И были они странно молчаливы. Часами, не разжимая спекшихся губ, сидели они на берегу, безучастно глядя в уже обмелевшую у города Волгу с обнажившимися перекатами» [5].

Затонские ребята-синегорцы раскрыли свои секреты и великодушно предоставили юнгам свой заветный остров Товарищества, и там юнги отрыли учебные противотанковые окопы, провели соединительные ходы сообщения».

Проблема художественного «пространства войны», прежде всего в том, что в нем можно выделить особое «пространство наступления» врага и «пространство обороны». Так Л.А.Кассиль изображает пространство наступления врага: «Немцы шли через степь. Танки их неудержимой панцирной лавиной катились к Волге» [5]. Город готовился к обороне, поэтому писатель раскрывает, как возводятся оборонительные сооружения. «Вокруг города возводили укрепления, рыли окопы, вколачивали противотанковые надолбы. Ставили тяжелые ежи из рельсов» [5]. Это уже изображение деталей объективного пространства, предполагающее отражение реальности, в то же время художественное пространство

остается явлением условным, поскольку способно легко сжиматься и расширяться: от широкой заволжской степи до тех окопов, в которых мальчишки и юнги встретили вражеских десантников. «Они быстро выбрались на берег островка. Немцы были на другой его стороне, за поворотом, и никак не ждали нападения отсюда: остров казался целиком отрезанным от левого берега Волги» [5].

Л.А. Кассиль показывает приметы сурового времени, они раскрываются в пространстве войны, а пространство войны измеряется временем и взглядами героев, автора-повествователя на детали, доминанты пространства. Этими пересечениями рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп повести «Дорогие мои мальчишки».

Список литературы

1. *Балина М.Р.* «Воображаемая география» в детских повестях Льва Кассиля // Вестник РГГУ. № 11 (91). Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». М., 2012. С.46-53.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : сб. М.: Худож. лит., 1975. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html#_w1 (дата обращения 30.09.2019).
3. *Борисов С.Б.* Книга Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания»: проблемы текстологии // Учёные записки Шадринского гос. пед. института. 2005. Вып. 9. С. 43-52.
4. *Бурдина С.В., Шумилова О.А.* Эволюция жанра школьной повести в русской литературе XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная литература. 2016. Вып 2 (34). С.128-134.
5. *Кассиль Л.А.* Дорогие мои мальчишки. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=82225&p=29> (дата обращения 30.09.2019).
6. *Лойтер С.М.* Сатира и романтика в повести Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» // Ученые записки Карельского педагогического института. Т. 18: Вопросы литературы. Петрозаводск, 1967. С. 89 -99.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ²В.С. Кругликова, ²А.А. Мымрина, ¹У.И. Салохидинов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
²Бирский филиал Башкирского государственного университета,
Уфа, azatur3@yandex.ru

**ВКЛАД ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВА
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН О.Г. ВИЛЬДАНОВОЙ
В РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ ХОРЕОГРАФИИ
(ОБЗОР СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)**

20 лет педагогической деятельности в Башкирском хореографическом колледже имени Р. Нуреева из них последние 10 лет работает директором заслуженный деятель искусств Республики Башкортостан Олея Галеевна Вильданова. Она автор наибольшего количества публикаций в республиканских средствах массовой информации по истории башкирского балета, методике преподавания хореографических дисциплин в образовательных учреждениях культуры и искусства.

Ключевые слова: *хореография, история, журналистика, Башкирский хореографический колледж.*

В Российской Федерации 25 учебных заведений, имеющих отношение к хореографии, из них в только 5 в республиках: в Коми («Гимназия искусств при Главе Республики Коми» имени Ю.А. Спиридонова), Якутии («Якутская балетная школа (колледж) им. Аксении и Натальи Посельских»), Татарстане («Казанское хореографическое училище»), Бурятии («Бурятский республиканский хореографический колледж им. Л.П. Сахьяновой и П.Т. Абашеева»), Башкортостане («Башкирский хореографический колледж имени Рудольфа Нуреева»). Все пять учебных заведений возглавляют женщины, которые умели большой успех в балете и сами прошли отличную хореографическую школу. Одна из них заслуженный деятель искусства Республики Башкортостан уфимка Олея Галеевна Вильданова. Она родилась 21 ноября 1958 года в г. Ленинград, окончила Ленинградское академическое хореографическое училище имени А.Я.Вагановой (ныне Академия Русского балета имени Вагановой) в 1978 году и Педагогический факультет (диплом с отличием) Академии Русского балета имени Вагановой в 2005 году. Олея Галеевна после окончания учебы сразу же была принята в 1978 года в труппу Башкирского государственного театра оперы и балета, с 1980 года стала солисткой балета. В 1989 году окончила исторический факультет Башкирского государственного университета, что сыграло исключительно важную роль в системности подхода к написанию статей, посвященных истории балета и хореографии в Башкортостане [1]. Большинство всех публикаций, которые написаны О.Г. Вильдановой, посвящены сохранению высокого уровня профессионального балетного искусства в республике. Работая с 2004 года преподавателем специальных дисциплин в Башкирском хореографическом колледже им. Р.Нуреева, Олея Галеевна привлекла средства массовой информации (газеты, журналы, интернет) в качестве основного посредника в общении с родителями своих будущих учеников. Она совершенно незаметно для родителей своих учеников активно вовлекает их в беседу, чтобы они овладели конкретными фактами, запомнили что-то, что будет необходимо для дальнейшего обучения будущих солистов балета. От беседы к учебному диалогу Олея Галеевна перешла в 2005—2010 гг., когда занимала должность заведующей сценической практики. В публикациях этого периода необходимо отметить, что она в процессе коллективного обучения открывает новые знания о

хореографии башкирского балета, чтобы обучающийся мог решить свою проблему, установить алгоритм выполнения учебной задачи [2]. Именно через историю балета она приводила к пониманию хореографии своих учеников. Поиск новых подходов в обучении будущих танцовщиков, необходимо отметить ее стремление к сохранению богатейших традиций русского классического балета, методику обучения которого разработала профессор А.Я. Ваганова. Будучи выпускницей Ленинградского академического хореографического училища имени А.Я. Вагановой, Олия Галеевна имеет классический опыт преподавания классического русского балета. Интересный факт, что Олия Галеевна в своей педагогической работе делая акцент на совместную деятельность с газетами «Вечерняя Уфа», «Республика Башкортостан», «Кызыл Тан» сразу обращалась к потенциальным ученикам и их родителям сразу на трех широко распространенных языках в республике работу — русском, башкирском и татарском. Особенность обучения в хореографическом училище, заключалась в том, что родители должны привести (привезти) своего сына или дочь в возрасте 10—11 лет, чтобы в последующем он обучался в хореографическом училище, постоянно проживая там. Училище должно стать родным домом для юного артиста балета, балерины, исполнителя народных танцев. Публикации О.Г. Вильдановой в газетах можно разделить на три основные категории «История», «Успех», «Трудности», которые тесно переплетены между собой [3, 4]. «Сохранение здоровья обучающихся» отдельная тема публикаций, в которых проводится анализ всех травм и болезней обучающихся в хореографическом училище, в котором 32 бюджетных места. В штате педагогов есть педиатр, прошедший специализации по детской травматологии, ортопедии, остеопатии, который имеет прямой контакт с родителями обучающегося, поэтому травмы, в основном, растяжение связок и гематомы. Растущий организм будущего артиста балета требует пристального внимания, поэтому Олия Галеевна стала постоянным участником утренних и вечерних новостей на Башкирском спутниковом телевидении («Саям». «Вечерний телецентр» и др.). О.Г. Вильданова — автор научных статей, посвящённых истории балета Башкортостана и монографии «Башкирский балет», она лауреат премии журнала «Балет» — «Душа танца» в номинации «Учитель» (2017 г.). Имея 4 высших образования: Ленинградское хореографическое училище (1978 г.; педагоги Н.Д. Александрова, Е.В. Ширипина), Башкирский государственный университет (1989 г.), Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой (С.-Петербург, 2005 г.), Башкирская академия государственной службы и управления (2013 г.), Олия Галеевна успешно сочетает их в своей работе, создавая благоприятный климат для коллег и положительный пример для заботливого воспитания учеников. С 1978 г. О.Г. Вильданова — солистка Башкирского государственного театра оперы и балета, с 1986 г. — солистка, с 2001 г. — педагог-репетитор Омского музыкального театра, с 2004 г. — преподаватель, в 2005—2010 заведующий сценической практикой, с 2012 г. — директор Башкирского хореографического колледжа, одновременно в 2007—09 гг. сотрудник научного издательства «Башкирская энциклопедия», с 2008 г. преподаватель, с 2011 г. заведующий кафедрой хореографического искусства Уфимского государственного института искусств. О.Г. Вильданова — инициатор проведения и организатор Международного фестиваля хореографических училищ (колледжей) и школ (Уфа, 2013 г.; с 2016 г. — «Малый Нуреевский»), основатель специальности «Педагогика балета» в УГИИ. В своей диссертационной работе на ученую степень кандидата искусствоведения «Общеввропейские и национальные факторы становления и развития балетного искусства Башкортостана» (г. Саратов, 2018 г.) она вводит понятие национальные факторы в развитии балетного искусства Башкортостана, которые определяется следующими признаками национальной художественной культуры: национальной манерой исполнения, выраженной в пластике; элементами фольклора, традиций и обычаев; бытовыми и народными танцами; национальной тематикой; оригинальной национальной музыкой. Национальные факторы также включают в себя индивидуальное исполнительское мастерство башкирских артистов, их природное чутьё и национальные чувства, понимание характеров близких им героев.

В публикациях в газетах «Вечерняя Уфа», «Республика Башкортостан», «Кызыл Тан», интернете, Башкирском спутниковом телевидении О.Г. Вильданова говорит о том, что искусство танца – и классического, и современного – призвано формировать вкус, а значит, опираться на лучшие балетные традиции, в основе которых должна быть классическая школа, иначе современные постановки превращаются в непонятное шоу из акробатических этюдов с нелепыми костюмами и странными декорациями. Публикации в СМИ О.Г. Вильдановой учитывают дыхание времени, т.к. в колледж приходят ребята, которые стремятся правильно овладеть своим телом и научиться танцу как профессии, поэтому диапазон представленных статей достаточно разнообразный. Олия Галеевна сохраняет традиции знаменитой ленинградской школы и активно внедряет в практику современное, что определяет развитие и будущее хореографического искусства.

Заслуженный деятель искусств РБ, кандидат искусствоведения, член Союза театральных деятелей О.Г. Вильданова внесла значительный вклад в развитие журналистики Республики Башкортостан в разделе история башкирского балета и искусства хореографии.

Выводы:

1. Материалы публикаций О.Г. Вильдановой в СМИ Башкортостана и её исследования включены в программу преподавания курса «История хореографического искусства» в Уфимском институте искусств им. Загира Исмагилова и Башкирском хореографическом колледже им. Рудольфа Нуреева.

2. Кандидат искусствоведения О.Г. Вильданова автор большого количество публикаций в СМИ Башкортостана среди журналистов по истории хореографии башкирского балета.

Список литературы

1. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Сахаутдинова Г.М., Хафизова Л.Ш., Суфияров Р.С., Усманов В.Ф., Сулейманов У.Ф., Якуп Э.Ф., Чистонов В.Д. Принципы написания статей по здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в Башкирской энциклопедии. Казанская наука. 2018, №11. – С.36-38.
2. Вильданова О.Г. Общевропейские и национальные факторы становления и развития балетного искусства Башкортостана. Автореф. на соискание уч. степени кандидата искусствоведения. Саратов, 2018 — 28 с.
3. Вильданова О.Г. Начало пути. Выпуск 1956 года // Выдающиеся мастера и выпускники Петербургской школы балета, 1738–2010: Сборник статей. – СПб.: Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, 2010.– Ч. 2. – С. 69–82.
4. Вильданова О.Г. Балерина Майя Тагирова // Выдающиеся мастера и выпускники Петербургской школы балета: Сборник статей. – СПб.: Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, 2012. – Ч. 3. – С. 196–209.

10.01.10

Е.Н. Клеменова, А.В. Муха, Н.И. Федосеева

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
факультет лингвистики и журналистики,
кафедра журналистики,
Ростов-на-Дону, zkafedra255@mail.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПУБЛИКАЦИЙ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В «ТОЛСТОМ» ЖУРНАЛЕ

В статье осуществлен анализ жанров в отечественных «толстых» журналах «Дон» (г. Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (г. Краснодар), «Урал» (г. Екатеринбург) и «Волга» (г. Саратов). Особое внимание уделяется публикациям урбанистической направленности в изданиях. В статье также авторами проведен анализ таких жанровых групп, как информационно-аналитическая, диалогическая, аналитическая и теоретико-аналитическая. Установлены наиболее популярные жанры в литературно-художественных журналах.

Ключевые слова: *литературно-художественный журнал, художественно-публицистические жанры, городская тематика, публикации урбанистического характера.*

В наши дни наблюдается возрождение интереса к чтению художественной литературы, о чем свидетельствуют аналитические отчеты книжных издательств и опросы общественного мнения. Журналисты снова начинают возвращаться к длинным форматам текста. Аудитория средств массовой информации продолжает смотреть длинные видео и читать «толстые» журналы. Кроме того, культура писать тексты, сочинять сценарии, рассказы и повести стала более массовой, и желание человека встретить своих читателей не только в социальной сети, но и на страницах серьезного издания, является закономерным. Несомненно, опыт изданий, которые на протяжении многих лет удерживали внимание читателей, является ценной базой для создания современных литературно-художественных изданий, а анализ такого опыта востребован в реалиях нашего времени. Поэтому данная тема является актуальной на сегодняшний день.

Журнальная периодика в целом предоставляет большое количество возможностей, а литературно-художественная периодика предоставляет возможности для начинающих писателей.

«Толстые» журналы популярны у аудитории, которая интересуется литературными новинками и историей литературы. А также начинающим писателям и людям, которые имеют какую-либо литературную подготовленность.

Цель данной статьи – определить жанровую палитру материалов урбанистического характера в «толстых» журналах.

Новизна работы состоит в том, что впервые предпринята попытка рассмотрения жанров в «толстых» отечественных изданиях «Дон» [4] (г. Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» [6] (г. Краснодар), «Урал» [7] (г. Екатеринбург), «Волга» [3] (г. Саратов).

В данной статье жанры были рассмотрены на примере публикаций урбанистической направленности в таких изданиях, как «Дон» (г. Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (г. Краснодар), «Урал» (г. Екатеринбург), «Волга» (г. Саратов).

Перед тем, как рассмотреть примеры публикаций, отметим, что тема развития города как социокультурного объекта всегда являлась популярной среди материалов в литературно-художественных журналах. Такую категорию текстов назовем публикациями урбанистического характера. Далее рассмотрим группы предлагаемых исследователями жанров и проанализируем некоторые материалы.

Первая группа информационно-аналитических жанров содержит в себе такие жанры: редакционные объявления, редакционные заметки, развернутые объявления о подписке.

Так, в № 3 журнала «Дон» за 1956 год в разделе «Краеведческие заметки» опубликован материал журналиста С. Гурвича «Юлиус Фучик на Ростсельмаше». В заметке рассказывается о визите чешского писателя на завод «Ростсельмаш», а также отмечается степень приоритетности завода в процессах урбанизации Ростова-на-Дону [8, С.264-265], [17].

Необходимо отметить, что в материалах информационно-аналитической группы жанров отсутствует анализ и интерпретация литературных процессов, произведений и творчества писателей. Однако в данной группе жанров возможно описание противоположных взглядов, стремлений, идеалов.

Вторую группу – диалогических жанров – составляют выступления, полемические заявления, открытые редакционные письма, интервью, беседа, литературное письмо.

К примеру, в №11-12 журнала «Дон» за 1958 год опубликовано выступление «Репорт хлеборобов Юга», в котором группа передовиков сообщает об удачном урожае колхозов и совхозов Юга. Не смотря на небольшой объем материала, в публикации раскрывается и тема развития города, этому, в первую очередь, способствует «передавая механизация сельского хозяйства» [7, С.3].

В данной группе ярко выражена коммуникативная установка. Основой текстов в этих жанрах является использование риторических приемов и установление контакта с аудиторией.

Материалы в жанре циклов, теоретических статей-исследований, развернутых манифестов, аналитических обзоров, обзоров, проблемных, передовых статей относятся к третьей группе жанров – аналитической. Отметим, что именно эта группа жанров наиболее часто встречается среди публикаций урбанистического характера.

Примером послужит обозрение в № 4 журнала «Дон» за 1955 год – «Абзац». Описание журналистом городской среды начинается с первых строк публикации: «Как-то в нашем городе на рекламных щитах, рядом с красочными объявлениями о театральных постановках, публичных лекциях и футбольных состязаниях, появились новые афиши филармонии» [6, С.140]. В тексте рассказывается о предстоящих гастролях известного артиста Бориса Тамарина, но примечательно то, что обозрение «пронизано» городской тематикой, автор иллюстрирует в тексте городские сцены и эпизоды, рассказывает о городском климате, о реакции горожан на приезд звезд, о городских объектах культуры и искусства [там же].

Главной особенностью группы аналитических жанров является смещение фокуса автора с художественной образности текста на актуальные проблемы.

Материалы в жанре рецензии О.Г. Шильникова предлагает вынести в отдельную группу жанров «толстых» журналов. В таком жанре в зависимости от установок автора материал может быть литературно-критического, аналитического или библиографического характера.

Рецензия литературно-критического характера содержится в выпуске № 3 журнала «Дон» за 1952 год А. Калинина «Озаренная юность». Материал посвящен роману А. Фадеева «Молодая гвардия», в котором говорится о том, что автор с мастерством большого художника воссоздает высокое мужество и духовную красоту воровградских и краснодонских большевиков. В заключении Анатолий Калинин говорит о А. Фадееве как о цельном художнике, который способен раскрывать красоту людей [5, С.139-151].

Аналитическую рецензию можно встретить на страницах литературно-исторического журнала «Родная Кубань». В № 03-2021 года содержится материал О. Татариновой «В. И. Лихонос и о. Сергей (Круглов): субъективное переживание веры в сборниках «Тут и поклонился» и «Маранафа», в котором проводится подробный анализ и дается оценка творчества В.И. Лихоносова и С. Круглова: «Мы видим неразделение между сакральными явлениями, искусством и повседневностью. Обыденность превращается в поток искусства. Повседневность превращается в поток художественности. Получается не совсем литература. Художественным становится все, что существует в эмпирической данности. Это есть определенная стадия реализма, когда искусство становится жизнью, а жизнь – искусством». [6].

В ежемесячном литературном журнале «Урал» также часто встречаются рецензии литературно-критического, аналитического или библиографического характера. Например, в № 3 1959 года можно встретить материал Г. Бушмановой «Рассказы о советских людях», написанный в жанре аналитической рецензии. Публикация содержит оценку произведений М. Моценок, П. Полякова, Н. Вагнера, О. Селянкина и Л. Правдина [7].

Проведенное исследование, позволяет сделать вывод, что в «толстых» журналах преобладают такие жанровые группы, как информационно-аналитическая, диалогическая, аналитическая и рецензионная.

Список литературы

1. Березина В.Г. Карамзин-журналист / В. Г. Березина // Проблемы журналистики. Вып. 1 / Ленинград: гос. ун-т им. А. А. Жданова. – 1973. С. 98-114.
2. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль / Б.Ф. Егоров. - 2-е изд., испр. - М. : Юрайт, 2019. - 231 с.
3. Журнал «Волга» / URL: <https://www.yandex.ru/search/?text=%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB+%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%B0&lr=39&clid=2242348> (дата обращения: 20.03.2022 г.).
4. Журнал «Дон» / URL: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--plai/zhurnaly/don> (дата обращения: 20.03.2022 г.).
5. Журнал «Дон», № 3, 1952 г. С. 139-151.
6. Журнал «Родная Кубань» / URL: <https://rkuban.ru/> (дата обращения: 19.03.2022 г.).
7. Журнал «Урал» / URL: <http://uraljournal.ru/> (дата обращения: 21.03.2022 г.).
8. Муха А.В. Региональный литературно-художественный журнал «Дон» в исторической перспективе / А. В. Муха // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 1(34). – С. 162-169.
9. Поспелов Г.Н. Теория литературы. - М.: «Высшая школа», 1978. - 351 с.
10. Федосеева Н.И. Газета «Ростсельмаш» в коммуникативном пространстве города Ростова-на-Дону: исторический аспект / Н.И. Федосеева // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева №2, том 2. Филологические науки, г. Тольятти, 2021. – С. 182-189.

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Д.М. Ахременко

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
институт филологии и массмедиа,
кафедра русского языка,
Калуга, darya.ahremencko@yandex.ru

ПРАГМАТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СЛОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

В статье рассматриваются прагматические созначения слов очередь, импортный, выбросить, дефицитный, достать, давать, блат, которые отражают морально-экономическую оценку советского человека в сфере торговли. Прагматическими созначениями выражена общая информация о торговой сфере деятельности, а также воссоздан морально-нравственный климат этих отношений.

Ключевые слова: *прагматика, семантика, прагматическое созначение, морально-экономическая оценка.*

Прагматическое созначение не входит в семантику значения слова, но существует и влияет на коммуникацию. Рассмотрим ряд следующих слов: *очередь, импортный, выбросить, дефицитный, достать, давать, блат.*

Символом советского времени является слово *очередь*. Лексическое значение исчерпывается следующим толкованием: в ССРЛЯ *очередь*: 3. Группа людей, вставших один за другим для получения или свершения чего-либо [5].

Однако в сознании советского человека очередь воспринималась несколько шире. Она была формой жизни, в чём-то напоминающей военные действия. Выстоять очередь требовалось немало усилий, поэтому один ее вид вызывал неприязнь и раздражение. Люди в очереди мучались, вынужденно общались, тратили большое количество времени.

Приведем примеры из НКРЯ.

В понедельник в шесть утра он встал в очередь за билетом [Саян. Небо и земля]; Тверитинов посоветовал ему заглянуть в хлебные очереди. Через несколько дней Сеня смело ходил [с листовками] по очередям [Вершиг. Люди с чист, совестью].

Советский человек мог стоять в очереди часы, а за дефицитным товаром и сутки.

Очередь была недлинная — человек шестьдесят, не больше. [Владимир Войнович. Москва 2042 (1986)]; Если главе семейства удавалось после долгого стояния в очереди принести домой килограмм молочных сосисок, то в глазах своих близких он становился героем и мог как кормилец, целый день ходить с высоко поднятым носом [Михаил Дышкант. Очередь за дефицитом (2013)]; Люди даже не знали, что «выбрасывают» и все равно становились в очередь, так как обычно выбрасывали дефицит, а значит он когда-нибудь пригодится. [Михаил Дышкант. Очередь за дефицитом (2013)].

Прагматический аспект семантики слова становится объектом художественного текста Сорокина «Очередь».

Слово *импортный* имеет следующее толкование в ССРЛЯ: 2. Привезенный из-за границы, ввозный [5].

В сознании советского человека лексема *импортный* получала прагматическое созначение *качественный*.

[В бане] [Клиент, муж] Я тебе берёзовый веник из нейлона достал/ импортный! [Александр Серый, Григорий Горин. Ты – мне, я – тебе, к/ф (1976)]; «Импортный продукт» был оценен по достоинству сразу. [Борис Стрельников, Василий Песков. Земля за океаном

(1977)]; Уже стоя в дверях, Левикова снова посмотрела на Наташу, на ее ладный **импортный** костюмчик, и недобрый огонь засветился в ее взгляде. [Георгий Полонский. Доживем до понедельника (1966-1968, 1997)]; Вдруг из глубины Большой Никитской показалась мчащаяся «скорая помощь» — роскошный **импортный** микроавтобус с красным крестом, надписью «Реанимобиль» и тревожно мелькающей мигалкой на крыше. [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Тихие омуты (1998)]; Они выставлены во всех ларьках и магазинах, а он идет с Балуховым по улице и хочет купить **импортный**, дорогой видак. [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)]; Пообещали модные **импортные** сапоги и, конечно же, обманули. [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)].

Импортный ставят в один синонимический ряд с прилагательными *роскошный, дорогой, модный*.

Лексема *выбросить* толкуется в ССРЛЯ: 5. Выпускать быстро, в большом количестве товар для продажи [5].

В слове *выбросить* очевидна прагматическая составляющая: противостояние обычных граждан и людей, имеющих отношение к дефициту.

Подбегавшая Демьянова шепнула, что в универмаге выбросили платки и носки. [ССРЛЯ, т. 2, 662.]; *В обеденный перерыв бегали в ГУМ смотреть, не выбросили ли каких кофточек.* [Юрий Трифонов. Обмен (1969)]; «Ну и чего-нибудь **выбросили** вчера?» — *Равнодушный голос: «Не-ка, так зря и простояли»* [Александра Орлова, Мария Шнеерсон. Воспоминания о незнакомых людях (1941-1944) // «Вестник США», 2003.12.10]

Выбросить имеет отрицательную коннотацию. Слово вызывает ассоциацию «бросить кость собаке». Ср.: И.А. Крылов «Собачья дружба»:

Свет полон дружбою такою.

Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,

Что в дружбе все они едва ль не одинаки:

Послушать, кажется, одна у них душа, —

А только кинь им кость, так что твои собаки! [2, 76].

В ССРЛЯ *дефицитный*: 2. Имеющийся в недостаточном количестве: недостаточный [5].

В советское время практически любой товар являлся дефицитным. В сознании человека дефицитный товар всегда был желанным, который необходимо обязательно купить.

Люди даже не знали, что «выбрасывают» и все равно становились в очередь, так как обычно выбрасывали дефицит, а значит он когда-нибудь пригодится. [Михаил Дышкант. Очередь за дефицитом]; *Обвинялся он в том, что откуда-то достал такой «дефицитный товар», как дюжину grossов катушек с нитками и распродал эти катушки в розницу по спекулятивным ценам.* [Р. В. Иванов-Разумник. Тюремь и ссылки (1934-1944)]; *За мясом очередь, картошка — дефицитный товар, уже 1 р.* [Н. И. Ильина. Дороги и судьбы (1957-1985)]; *Мы долгое время жили в условиях дефицита, скудных норм почти на все: на металл и топливо, машины и оборудование.* [Брежнев, 1979, 5. Ни тебе у них [в Америке] пересортицы, ни дефицита. Веллер, 1994, 150]; *Тогда в хозмагах вдруг стали продавать крайне дефицитный товар, давно исчезнувший из свободной торговли, — туалетную бумагу.* [Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)].

В словаре О. П. Ермаковой слово *давать* имеет толкование: продавать в магазине [1, 76].

Прагматическое значение лексемы — продавать дефицитный товар. Например, о соли или хлебе не говорили: «Что дают?».

Это у нас примета такая народная: раз очередь, значит чего-то дают. [Юность, 1972, № 4, 109]; «Что **дают**?» - вопрос, задаваемый потенциальным покупателем людям, стоящим в очереди за каким-л. дефицитным товаром. [Ром-Миракян, 96].

В слове *достать* прагматическое значение включено в часть лексического значения. Очевидно, так и есть: часть прагматического значения срослась с семантикой слова, что стало невозможно разграничить ее от основного значения. Например, в словаре О. П. Ермаковой *достать*: раздобыть (о дефицитных товарах) «обычно по блату», по знакомству и т.п.

Приведем примеры из НКРЯ.

*А большинство бойцов успело к этому времени **достать** сапоги.* [С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946-1976)]; *А я в научный зал Ленинской библиотеки пропуск **достала**.* [к/ф Москва слезам не верит]; *[В бане] [Клиент, муж] Я тебе берёзовый веник из нейлона **достал**/ импортный!* [Александр Серый, Григорий Горин. Ты – мне, я – тебе, к/ф (1976)]; *Когда необходимо что-то "**достать**" для себя или своего ближнего, способов у них немало.* [ЧиЗ, 1983, № 10, 38].

Нередко организация связей людей в обществе в чем-то напоминает организацию социальных связей в уголовной среде, поэтому прагматическое созначение лексемы возникает при сопоставлении значений слов в уголовном языке и в общем употреблении. Лексика уголовного языка, хоть и с деформацией, проникает в речь носителя литературного языка.

Ср.: значение в словаре В.М. Мокиенко *блат*: 2. Связи, используемые в воровских целях [3,108]; и толкование в кратком толковом словаре О.П. Ермаковой: знакомство, связи, используемые в личных целях, противозаконно, преимущественно в выражении по блату (незаконным путем, на основе личных знакомств [1, 45].

— *Хитрован ты!* — воскликнул он, седлая велосипед. — *Костюмчик-то импорт? По блату достал небось, да? Вырядился, ишь ты! Знаю я тебя.* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]; *Мой отец не сдавался. Он позвонил знакомому инструктору горкома. Раздобыл по блату уникальный сувенир. А именно — сахарную голову килограммов на восемь.* [Сергей Довлатов. Наши (1983)]; *Знакомые устроили меня по блату в ДПИ (Комбинат декоративно-прикладного искусства)* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]; *Батюшка знакомый, авось исповедует и причастит по блату, хоть и в Пятницу...* [Андрей Битов. Внук 29-го апреля (1995)].

Итак, мы рассмотрели ряд слов *очередь*, *импортный*, *выбросить*, *дефицитный*, *достать*, *давать*, *блат*, которые имеют прагматические созначения и являются символами советского времени. Отметим, что прагматическое значение нередко входит в семантику слова.

Список литературы

1. Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30-х-40-х годов XX века: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. – Калуга, Издательство «Эйдос», 2008. – 172 с.
2. Крылов И.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1946.
3. Мокиенко М., Никитина Т.Г. С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. кабинет им. проф. Б.А. Ларина Большой словарь русского жаргона, 2000, Санкт-Петербург.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
5. ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка: В 17 т / Под ред. В. И. Чернышева. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.

10.02.01

**С.А. Бабина канд. филол. наук, Н.В. Вершинина канд. педагог. наук,
С.И. Люгзаева канд. педагог. наук**

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева,
факультет педагогического и художественного образования,
кафедра методики дошкольного и начального образования,
Саранск, fotina73@mail.ru, versok3@mail.ru, lugsaeva@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

В статье проанализированы основные и частные функции индивидуально-авторских новообразований в поэтических и прозаических текстах для детского чтения (учебные книги для уроков литературного чтения и русского языка в начальной школе, произведения современной художественной литературы для внеурочной работы, внеклассного чтения младших школьников).

Ключевые слова: *индивидуально-авторские новообразования, неязыковая лексика, неязыковые лексемы, функции индивидуально-авторских новообразований, литература для детского чтения.*

Для современной лингвистики достаточно актуальной становится проблема словотворчества. При этом словотворчество может рассматриваться и как специфическое явление в языке художественной литературы, и как составная часть процесса овладения родной речью детьми дошкольного и младшего школьного возраста. В связи с этим особое внимание исследователей должно быть обращено именно к созданию и функционированию индивидуально-авторских новообразований в текстах для детского чтения.

Современные исследования проблем словотворчества [1; 5; 8] посвящены анализу языка художественной литературы различных эпох, жанров, направлений и ориентированы на анализ неязыковой лексики, например, XIX, XX столетия (работы Н. А. Николиной, Н. Л. Васильева, Д. Н. Жаткина), на изучение индивидуально-авторских новообразований прозаических, поэтических текстов, эпистолярного наследия отдельных авторов или группы мастеров слова (исследования О. И. Александровой, С. А. Бабиной, М. А. Бакиной, Л. В. Беляевой, О. А. Головачевой, А. В. Горелкиной, Е. А. Жигаревой, В. В. Никульцевой и мн. др.).

Вопросам описания неязыковой лексики в текстах современной детской литературы посвящено лишь одно диссертационное исследование [7], а также отдельные публикации автора настоящей статьи [2; 3; 4]. Однако подробный анализ индивидуально-авторских новообразований в языке художественных текстов для детского чтения (учебные книги для уроков литературного чтения и русского языка в начальной школе, произведения современной художественной литературы для внеурочной работы, внеклассного чтения младших школьников) с учетом всех литературных жанров и направлений детской литературы представлен не был. Вместе с тем «новообразования детских писателей и поэтов обладают рядом специфических особенностей, исследование которых наиболее плодотворно может быть осуществлено в функциональном и словообразовательном аспектах» [7, с. 4]. Все перечисленное позволяет говорить об актуальности проведенного исследования.

В данной статье предпринята попытка обобщить опыт анализа индивидуально-авторских новообразований художественных произведений, рассчитанных на читательскую аудиторию, возраст которой от шести до 10-11 лет, рассмотреть основные и частные функции индивидуально-авторских новообразований в контексте художественного произведения.

Примеры указанной группы лексических единиц методом сплошной выборки извлечены из учебников литературного чтения и русского языка, материалов для организации внеклассной работы (внеклассного чтения), изданий для развития речи обучающихся в начальной школе.

Создание индивидуально-авторских новообразований становится «характерной чертой идиолекта современных художественных произведений для юного читателя» [4, с. 203]. Как справедливо заметил К. И. Чуковский, «писать для детской аудитории значительно труднее, чем для взрослых» [10]. Именно «детские писатели, сохранившие свежесть «детского» взгляда на мир, ... помогают юному читателю познать самого себя, открыть новые грани своего существования» [9, с. 5]. Каждое слово в контексте поэтических или прозаических произведений «должно играть всеми своими гранями, привлекая внимание читающего ребенка, заставляя его осмысленнее относиться к потенциальным возможностям русской литературной речи» [4, с. 203].

Художественные тексты, предназначенные для детского чтения, требуют от автора особо тщательного отбора языковых единиц, использования средств языковой выразительности. Лексика должна приковывать внимание юных читателей, с одной стороны, своей экспрессивностью, выразительностью и необычностью, с другой стороны, быть доступной их восприятию. Подобное словотворчество всегда привлекает детей, развивает образное мышление и повышает их интерес к языку художественного произведения, способствует формированию читательской компетенции.

Все индивидуально-авторские новообразования в контексте поэтических и прозаических произведений для детского чтения выполняют определенную стилистическую функцию. Современные исследователи процесса авторского словотворчества отмечают общие и частные функции производных слов. К «общим функциям дериватов относятся *номинативная, эмотивная (или экспрессивная) и компрессивная*» [1]. К частным функциям индивидуально-авторских новообразований в контексте детских произведений можно отнести *функцию языковой игры и функцию создания художественного образа*.

Анализ индивидуально-авторских новообразований позволил сделать вывод о том, что для большинства лексем характерно совмещение функций, например, авторские лексемы часто выступающие в функции языковой игры, содержат коннотативный оттенок.

Большинство индивидуально-авторских новообразований выполняет собственно *номинативную функцию*, обозначая понятия, не имеющие выражения в языковой практике (названия детенышей, технические названия и др.): **ребятки-кенгурятки, гагаренок, пингвиненок, глухарята, страусиха, бегемотиха, машины спиралеходы**. По аналогии созданы такие новообразования: «*Листья желтые лежат, / А под листьями шуршат / Шурш, Шуршиха и Шуршонок – / Папа, мама и листёнок*» (В. Голяховский. Шурш, Шуршиха и Шуршонок).

Номинативную функцию выполняют и окказиональные новообразования, намеренно созданные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов из стихотворения Тима Собакина. Думается, что данные примеры авторского словоупотребления выполняют в авторском контексте функцию языковой игры: «*Страдал мучительно Балкон: / Он был в Балкониху влюблен... / А рядом с ними семят / двенадцать милых балконят*» (Т. Собакин. Про любовь).

Экспрессивная (или эмотивная) функция индивидуально-авторских новообразований позволяет поэту или писателю выразить собственное отношение к событию или герою, передать различные эмоции. Например, эмоциональная окрашенность характерна для следующих новообразований: «*В стране Хохотании / Жили смеянцы. // Любили смеянцы / Веселье и танцы.... // Над Смехоградом / Ударил гром: / Дракон опустился / На смеходром*» (Г. Сапгир. Смеянцы). Данные индивидуально-авторские новообразования созданы автором от одной мотивирующей основы (*смех*) и синонимичного с ним слова (*хохот*) посредством различных словообразовательных формантов (для названия географических объектов, обозначения жителей страны и др.).

Многочисленны новообразования, выполняющие в авторском контексте *компрессивную функцию*. Функционирование таких лексем характеризуется «стремлением назвать единым словом уже известное понятие, которое прежде обозначалось описательно, в виде словосочетания» [8], к компрессии («увеличению количества информации на одну единицу плана выражения» [1, с. 19]).

Примерами новообразований, выполняющих компрессивную функцию, могут служить лексемы, созданные посредством контаминации – окказионального способа, суть которого состоит в том, что «соединяются два узуальных слова, которые порождают третье – окказионализм... При этом часть одного слова устраняется, т.е. не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма» [6, с. 191].

Примеры таких окказиональных образований: **Чудетство** (Чу!...Детство), **носомот** (носорог, бегемот), **бегерог** (бегемот, носорог) и **счастливень** (счастливый ливень), **торопинка** (торопливая тропинка), **веселютик** (веселый люттик).

Другой интересный пример – неuzuальные имена прилагательные, вобравшие в себя значение целых словосочетаний, созданные смешанным способом сращения и суффиксации: «У папы настроение / **Завтракомчитальное**, / У мамы настроение / **Напапуобижальное**, / У брата настроение / **Кричальнопогремучее**, / А у меня / А у меня / **Покомнатампрыгучее**» (В. Лунин. Утреннее настроение). Мотивирующими основами данных новообразований можно считать следующие синтаксические конструкции: *читать за завтраком, обижаться на папу, кричать и греметь чем-то, прыгать по комнатам*.

Некоторые новообразования используются авторами детских произведений для образного определения явлений, предметов и их признаков, выполняя таким образом *функцию создания художественного образа*. Такими можно назвать сложные имена прилагательные, выступающие в роли эпитетов в следующем словоупотреблении: **огненно-жидкая** Луна, **оливково-оранжевая** грудка, **зелено-полосатые** мячики (об арбузе), *глянула радостно-застенчиво*, **золотисто-оранжевые** крылышки, **прозрачно-холодные** льдинки, **характер весело-колбасно-угощательный и венико-выгонятельный, солнечно-росистое утро**.

Детские поэты и писатели, ориентируясь на интересы своей читательской аудитории, достаточно часто используют *функцию языковой игры* индивидуально-авторских новообразований, поскольку дошкольники и младшие школьники достаточно легко воспринимают подобные словесные игры, адекватно реагируя на новые слова в контексте стихотворений. Так, например, С. Маршак в стихотворении «Чем болен мальчик?» придумывает названия несуществующих болезней, тем самым описывая поведение «заболевшего»: «Доктор выслушал младенца, / А потом и говорит: / – **Инфлюэнца-симуленца, / Притворенца, лодырит!**»

Другие примеры индивидуально-авторских новообразований, выполняющих функцию языковой игры: «Как раз в это время по улице шёл малыш, по имени Листик, и читал на ходу книжку... Этот Листик был из тех **книгоглотателей**, которые могут читать книги в любых условиях» (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе); «По ночам лягушки начали пронзительно квакать. Кваканье всех лягушек сливалось и превращалось в какой-то жуткий скрежет... – Не могу больше слушать эту **квакафонию**, – ругался Знайка» (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе); «По команде Ханг и Чанг залезли в ванну и начинали там прыгать и кувыркаться. Дядя называл это «собачьей **кувырколлегией**». «**Кувырколлегия**» длилась долго» (Ю. Коринец. Ханг и Чанг).

Примечательно, что семантика описываемых новообразований становится понятна из контекста художественного произведения: автор либо приводит мотивирующее слово, уточняя и поясняя семантику вновь созданной лексемы (кувыркаться – **кувырколлегия**), либо описательно указывает на устойчивое сочетание *глотать книги*, уточняя и поясняя его (*читать книгу в любых условиях ...*) и создавая новое слово со значением лица по определенному занятию, увлечению, либо использует субституцию (квакать – **квакафония**).

Функция языковой игры в авторском тексте очень часто совмещается с другими стилистическими функциями индивидуально-авторских новообразований. Например, в стихотворении Ю. Тувима «Про пана Трулялинского» языковая игра становится фоном для индивидуально-авторских новообразований, созданных с целью номинации – указания на всех членов большой семьи героя с использованием субституции (замены корня узуальной лексемы): *Трулялётка* (тётка), *Трулялюрка* (дочурка), *Трулялишка* (сынишка), любимых животных: *Трулялячка* (собачка), *Трулялёнок* (котёнок), *Труляляй* (попугай), а также других лиц: *Труляльоны* (почтальоны), *Трулялисты* (футболисты), *Трулялицы* (продавщицы), *Трулялянты* (музыканты), *Труляленты* (студенты). Объединение двух функций новых слов и использование окказионального способа словообразования позволяет поэту создать комический эффект всего стихотворного текста.

Функцию языковой игры могут выполнять индивидуально-авторские лексемы, созданные по образцу с заменой корневой морфемы, например: «Человек бесчеловечный. / Даже и не верится. / Крокодил **БЕСКРОКОДИЛЬНЫЙ** / Пусть уж лучше встретится!» (Э. Мошковская. Не верится); «– Куда мы идем? – спросил Пух, стараясь понять, что им предстоит – **искспедиция** или еще какое-нибудь» (А. Милн. Вини-Пух и все-все-все).

Новообразования, реализующие в авторском контексте функцию языковой игры, могут быть созданы в результате ложной мотивации немотивированного образца. Так, в стихотворении «Про мамонтов» поэт создает группу производных слов, выделяя неузуальный морф –онт: «**Мамонт и напонт** / Гуляли у речки. // **Бабонт и дедонт** / Лежали на печке. // **А внучонт** / Сидел на крылечке / И свертывал хобот в колечки» (М. Яснов. Про мамонтов).

Функция языковой игры свойственна группе индивидуально-авторских новообразований, созданная А. Усачёвым в стихотворении «Пудинг»: «Англичане любят / Есть на ужин **ПУДИНГ**. // Потому что **ПУДИНГ** – / Очень вкусный **БЛЮДИНГ**. // Тот, кто любит **ПУДИНГ** / И часто ходит в **ГОСТИНГ**, / Не бывает **ХУДИНГ**, / А бывает **ТОЛСТИНГ**» (А. Усачёв. Пудинг).

Графическое выделение новообразований в тексте способствует фиксации внимания, вызывает интерес юных читателей и предлагает осмыслить и семантику новых слов, и их морфемную структуру. Примечательно, что данное стихотворение отмечено нами в учебнике русского языка за 2 класс при изучении словообразовательных понятий. Авторы учебника «предлагают младшим школьникам проанализировать одну необычную словообразовательную модель, что активизирует познавательный интерес юных читателей» [2; с. 275].

Таким образом, в детской литературе встречается множество индивидуально-авторских новообразований, созданных художниками слова, стремящимися «к максимальному использованию выразительных возможностей слова, ...к новизне выражения, к свежему, непривычному, неожиданному словесному образу» [5, с. 80]. Данные неузуальные лексемы в контексте могут выполнять номинативную функцию (называние предметов, действий), экспрессивную функцию (трансляция эмоции автора и юного читателя), функцию создания художественного образа (обращение к многочисленным эпитетам) и компрессивную функцию (замена описательных словосочетаний однословным наименованием). При этом многие новообразования нацелены на выполнение функции языковой игры, ориентированной на мировосприятие читающего ребенка. Описанные новообразования повышают художественную ценность текста, они уместны, доходчивы, оригинальны. Читающий ребенок всегда обращает внимание на такие необычные слова, запоминает их, пробует создать что-то подобное. Необычность, возможность самостоятельного поиска значения таких слов повышают у юного читателя интерес к книге, развивают мышление, учат быть внимательным к слову, способствуют формированию его читательской компетенции.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ЧГПУ и МГПУ) по теме «Функционирование индивидуально-авторских языковых единиц в прагматическом аспекте».

Список литературы

1. *Александрова О.И.* Поэтическое словотворчество (К проблеме единиц художественной речи). – Ленинград : Наука, 1973. – 142 с.
2. *Бабина С.А.* Работа над индивидуально-авторскими новообразованиями на уроках русского языка и литературного чтения в начальной школе // Герценовские чтения. Начальное образование. Том 5. Вып. 1. Начальное образование: направления работы. – Санкт Петербург : Издательство ВВМ, 2013. – С. 273–277.
3. *Бабина С.А.* Сложные индивидуально-авторские новообразования в языке произведений для детского чтения // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегиональной научной конференции / сост. : Э. Н. Акимова. – Москва – Саранск : ПРО100Медиа, 2013. – С. 212–215.
4. *Бабина С.А.* Язык художественных произведений для детского чтения // Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, 2019. – С. 203–206.
5. *Бакина М.А.* Словотворчество // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – Москва : Наука, 1977. – С. 78–127.
6. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.
7. *Костина Е.В.* Авторские новообразования в языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук / Костина, Елена Витальевна. – Орел, 2007.
8. *Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
9. Полная хрестоматия для начальной школы: в 2 кн. / сост. Е. В. Посашкова. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003.
10. *Чуковский К.И.* От двух до пяти. – Москва : Терра – Книжный клуб, 2002. – 212 с.

10.01.01

Л.У. Бикмаева, Н.А. Садыкова, И.И. Файзуллина

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»,
кафедра русского языка и литературы,
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»,
кафедра иностранных и русского языков,
Уфа, ilsi.82@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

В современном образовательном процессе роль преподавателя по-прежнему остается значимой. Обобщенная модель успешного специалиста составляет содержание профессиограммы педагога. Исходя из профессиональных функций преподавателя русского языка определяются основные направления совершенствования его профессионального мастерства.

Ключевые слова: *высшее учебное заведение, профессиограмма, преподаватель, русский язык, русский язык как иностранный.*

Систематизированное описание основных требований, предъявляемых к преподавателю, в том числе и русского языка, представлено, как известно, в профессиограмме преподавателя. В профессиограмму включены как общие требования, присущие педагогической профессии, так и требования, отражающие деятельность и личностные качества педагога конкретной специальности. Некоторые профессионально-педагогические функции могут быть заявлены как направления совершенствования профессионального мастерства преподавателя русского языка в вузах.

Наиболее значимыми представляются следующие функции:

1) обучающая функция, определяющая деятельность преподавателя по овладению обучающимися языком как средством общения или, как её ещё называют, коммуникативно-обучающая функция; данная функция реализует основную цель обучения языку, включая, безусловно, родной язык и русский язык как иностранный;

2) информационно-воспитывающая функция – преподаватель русского языка имеет неисчерпаемые возможности в процессе занятий развивать и формировать личность обучаемого несмотря на уже существующий личностный портрет: высокие нравственные качества, расширенные понятия речевого этикета, влияющие на реализацию жизненных целей, владение различными формами речевого общения;

3) гностическая функция заключается в изучении уровня речевых способностей обучающихся, их интереса к предмету, уровня подготовленности и соответствия данным параметрам используемых методов преподавания; непрерывность языковой подготовки, представляющая собой образовательную связь школа-вуз, предполагает тщательный анализ имеющихся навыков владения речью, что влияет на формы и методы обучения русскому языку в высшей школе;

4) оценочная функция связана с умением оценить уровень формируемых навыков и умений и произвести их корректировку.

Таким образом, совершенно очевидными становятся направления совершенствования профессионального мастерства преподавателя русского языка в высшей технической школе. Профессиональная деятельность преподавателя русского языка предполагает на сегодняшний день учебно-методическое обеспечение не одного образовательного процесса, а двух и зачастую трех: русский язык как иностранный, русский язык и культура речи; русский язык на этапе довузовской подготовки.

Обучение русскому языку как иностранному нацелено на реализацию основополагающей функциональной цели, обозначенной в профессиональной программе преподавателя: превращение изучаемого языка из предмета обучения в средство обучения. Современная методика обучения русскому языку как иностранному данную цель рассматривает как достижение обучающимися определенного уровня коммуникативной компетенции. Организацию учебного процесса, направленного на реализацию существующей цели, невозможно сегодня представить без активно развивающейся системы тестирования. Система тестирования, предназначенная для периодической проверки результатов учебного процесса, не ограничивается функцией контроля, а предполагает, как справедливо отметила Л.П. Клобукова [1, 99], мотивационную, научно-исследовательскую и диагностическую. А диагностическая функция, в свою очередь, проявляется в том, что анализируя ошибки и выявляя наиболее типичные, мы имеем возможность диагностировать и корректировать систему обучения. Предложенная методико-технологическая цепочка «обучение – тестирование – обучение» четко регламентирует весь процесс обучения. Таким образом, каждый преподаватель должен хорошо представлять себе составляющие данной цепочки: учебный материал в соответствии с требованиями к уровню владения языком, критерии оценки, форму проведения тестирования, технические средства, используемые в данном процессе.

В данном контексте следует ещё раз обратиться к понятию «коммуникативная компетенция», которая применительно к преподавателю русского языка как иностранного понимается как «способность посредством языка и социокультурных занятий устанавливать межличностное общение в учебной сфере в соответствии с целями, задачами и ситуацией общения» [2, 200] и базируется на языковой, речевой, прагматической и предметной компетенциях.

Теоретические знания также требуют постоянного обращения к проводимым лингвистическим исследованиям. Так, введение в современную научную парадигму понятия «языковая личность» актуализировало проблему перенесения акцентов при изучении общения «с языка как системы и текста как единицы языка на текст как подлинно коммуникативную единицу наиболее высокого порядка, являющую собой не только продукт, но также образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности» [3, 6]. Именно поэтому в современной методике слово «дискурс» приобрело не только терминологический статус, но и определило направление методического поиска. Одна из многочисленных на сегодняшний день дефиниций данного термина определяет данное понятие как объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально значимого взаимодействия людей, что порождает вопрос о введении термина «дискурсивная компетенция» как составляющей коммуникативной компетенции, позволяющей определить уровень сформированности умений в осуществлении эффективной и результативной дискурсивной деятельности [3, 8]. Проведённые методические исследования в области обучения русскому языку иностранных обучающихся подтверждают необходимость пристального внимания преподавателей русского языка к проблеме обучения русскому дискурсу, что не может не стать вектором совершенствования педагогического мастерства в высшей школе [4].

Возвращаясь к обозначенной ранее проблеме методологической цепочки «обучение – тестирование – обучение» и говоря о предметной компетенции преподавателя русского языка как иностранного, следует выделить необходимость существования чёткого представления всей системы тестирования и её компонентов, включая терминологический аппарат, процессуальную последовательность, критерии оценки, временные параметры и так далее. Тем самым подтверждается актуальность грамотного выполнения оценочной функции, являющейся частью профессиональной программы преподавателя. Особого внимания заслуживает обращение преподавателей русского языка к информационным технологиям, без которых нельзя представить учебный процесс и которые активно используются в процессе проведения тестирования. Но в тоже время, как справедливо отмечает А.Д. Гарцов,

в современных условиях ещё нельзя говорить о стройной концепции компьютерного образования в методиках обучения иностранным языкам, в том числе и русскому как иностранному, так как в основе создания программных продуктов лежат зачастую не методические задачи, а технические возможности, при всей важности которых поставленные учебные цели реализуются не в полной мере [5, 44]. Таким образом, вопрос о создании профессионально-ориентированной программы повышения квалификации преподавателей в области использования компьютерных технологий и приобретения навыков производства мультимедийных обучающих материалов в среде специализированных и стандартных программных приложений является актуальным и также определяет направление педагогического поиска.

Список литературы

1. Клобукова Л.П. Методико-технологическая цепочка «обучение – сертификационное тестирование – обучение» как основа совершенствования процесса преподавания русского языка как иностранного / Л. П. Клобукова, И. Н. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Пути и средства развития теории и практики лингводидактического тестирования : материалы Первой международной научно-практической конференции. 22-23 января 2007 г. – Москва : РУДН, 2007.
2. Царёва Н.Ю. Профессиональный портрет тестора в контексте РКИ / – Н. Ю. Царёва. – Текст : непосредственный // Пути и средства развития теории и практики лингводидактического тестирования : материалы Первой международной научно-практической конференции. 22-23 января 2007 г. – Москва : РУДН, 2007.
3. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – Москва, Лабиринт, 2004. – 317, [1] с. – ISBN 5-87604-031-2. – Текст : непосредственный.
4. Левина Г.М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу / Г. М. Левина. – Москва, Янус-К, 2003. – 203, [1] с. – ISBN 5-8037-0158-0 : 500. – Текст : непосредственный.
5. Гарцов А.Д. Компьютерная лингводидактика: цели и задачи / А. Д. Гарцов. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – №2.

*10.02.01***С.М. Бобоева, Л.А. Яковлева**

Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
Нерюнгри, yakovlyubov@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СМИ

Статья посвящена изучению языковой адаптации иноязычных слов в русском языке. Авторами рассмотрены основные виды адаптации слова (фонетическая, графическая, грамматическая, стилистическая), рассмотрены примеры заимствованных русским языком слов. В ходе исследования использовался описательный метод с такими его составляющими, как наблюдение, описание и классификация.

Ключевые слова: *иноязычные слова, заимствование, языковая адаптация.*

Современная эпоха характеризуется активными межэтническими контактами, которые актуализируют процесс языкового заимствования. Заметную роль в данном процессе играет английский язык, который выступает источником лексики таких сфер, как экономика, политика, индустрия развлечений, наука, компьютерные технологии и др. Современное заимствование обладает рядом черт: многоаспектность процесса, отражающаяся на всех уровнях системы языка; существование общего для большинства языков языка-источника; разнообразие сферы бытования иноязычной лексики (быт, литература, отдельные социальные группы); заимствование аббревиатур, активизация калькирования [4, с. 3].

Культурно-языковое влияние наиболее активно реализуется через каналы массовой коммуникации. Характерными признаками русскоязычных медиатекстов стали копирование формата англо-американских массмедиа, а также большой приток англоязычных заимствований. Так, например, русскоязычные варианты западных изданий (Esquire, Forbes, Cosmopolitan и др.) сохраняют не только содержание текстов, но и концепцию бренда, направление редакционной политики, жанровые формы [8].

На уровне языка влияние западных массмедиа проявляется в активном использовании иноязычной лексики. Слова иностранного происхождения проникли во все сферы речеупотребления. Часто используемые в средствах массовой коммуникации заимствования переходят в язык аудитории. Всё сказанное объясняет актуальность таких тем, как заимствование и язык СМИ.

Активное начало накопления знаний по теме языкового заимствования началось в XIX веке. Наиболее известными считаются такие работы исследователей, как «О понятии смешения языков» Л.В. Щербы, «Языковые контакты и заимствования» Л.Л. Кутиной, «Иноязычные заимствования в русском языке» Д.Н. Шмелева. Исследуемому явлению также посвящены работы таких учёных, как Л.П. Крысин, С.А. Беляева, А.В. Зорина, К.С. Захватаева, М.А. Брейтер, Д.С. Лотте, С.В. Гринев, Е.В. Маринова и др.

Несмотря на то, что научный интерес к иноязычным лексемам носит давний характер, некоторые теоретические вопросы не выяснены полностью. Так, исследователи отмечают, что терминология теории «не отвечает главному требованию, предъявляемому терминосистемам: моносемичности ее единиц и их четкой закрепленности за определенными участками понятийного пространства» [7, стр. 194].

Нет единого мнения о содержании и объёме таких понятий, как «заимствование», «иноязычное слово», а также терминов, служащих для описания этапов адаптации лексем: «иноязычные вкрапления», «иностранные слова», «варваризмы», «экзотизмы», «заимствованные слова».

Цель статьи – определить основные способы языковой адаптации современной иноязычной лексики в языке СМИ.

Практическим материалом для исследования послужили иноязычные лексемы, отобранные в текстах интернет-изданий о маркетинге и предпринимательстве. Анализировались следующие издания: MarketMedia, Executive.ru, Cossa, Inc., AdIndex, vc.ru.

1. «Фонетическое освоение – это изменение звукового облика слов в соответствии с законами принимающего языка» [6, стр. 103].

При фонетическом освоении лексемы происходит замена звуков, например звук *ʝ* передаётся сочетанием согласных *нг*: *парсинг*, *краудсорсинг*, *онбординг*, *нейминг*, *ребрендинг*, *лендинг*.

С.В. Гринев отмечает следующие виды звуковой субституции:

1) звуковая конвергенция, при которой два близких звука заменяются одним (например, передача одним звуком долгих и кратких гласных): *рилз* от англ. *reels*;

2) звуковая дивергенция, при которой один звук заменяется двумя (например, передача звука *h* с помощью звуков *х* – *харассмент* от англ. *harassment*, *хайп* от англ. *hype*, *г* – *гармония* от греч. *harmonia*);

3) простая субституция, при которой один звук языка-источника передаётся одним звуком языка-приемника [3, стр. 119].

При переходе лексем в русский язык иноязычные лексемы приобретают особенности русского произношения:

– аканье – произношение *о* как *а* в первом предударном слоге: *релокация* (от англ. *relocation*), *копирайтинг* (от англ. *copywriting*);

– оглушение звонких согласных на конце слова: *сториз*, *рилз*, *сейлз*, *нюсджекинг*;

– смягчение согласных перед звуком *э*: *кейс*, *геймификация*, *таргетироваться*, *редирект*.

Однако не все иноязычные лексемы приобрели названные черты произношения. Так, например, в словах *вебинар*, *опенспейс*, *бренбук*, *нейминг*, *сейлз*, *фронтендеры*, *маркетплейс* согласные звуки, предшествующие *э*, не смягчаются. Также в некоторых словах *о* в первом предударном слоге сохраняет своё звучание: *онбординг*, *опенспейс*.

2. Графическое освоение лексемы – передача иностранного слова с помощью графических средств заимствующего языка. При заимствовании письменная фиксация лексических единиц происходит двумя способами: транскрипцией: *апсейл* от англ. *upsale*, *чекаут* от англ. *checkout* и транслитерацией: *масс-маркет* от англ. *mass market*, *таргет* от англ. *target*.

Графическое освоение иноязычных слов происходит не сразу. Так, многие слова, попадая в русский язык, какое-то время передаются средствами языка-источника: *HR-экосистема*, *HR-менеджер*, *HR-tech-сервис*, *HR tech*, затем появляется кириллическая запись *эйчары*, однако более частотное употребление латиницей. Еще пример: *soft skills* // софт-скиллы // мягкие навыки.

Не сразу также происходит орфографическое освоение иноязычного слова. На первых этапах освоения иноязычное слово может иметь несколько вариантов написания: в силу отсутствия в словарях употребляется как *рилз*, так и *рилс*, *сториз* и *сторис*, освоенное слово *бренд* и его устаревший вариант *брэнд*.

Таким образом, приобретению иноязычным словом окончательного графического облика предшествует этап вариативности.

3. Грамматическое освоение иноязычного слова подразумевает его включение в морфологическую систему русского языка. Так, иноязычные существительные включаются в системы рода, числа и склонения.

Большую роль в данном вопросе играет конечный звук существительного. Иноязычные слова, которые оканчиваются на твёрдый согласный, уподобляются существительным мужского рода: *инфлюенсер*, *виджет*, *мейнстрим*, *оффер*, *коуч*. Иноязычные слова на *-а* – существительным женского рода: *айдентика*.

При включении в грамматическую систему языка иноязычное слово часто претерпевает изменения в словообразовательной структуре. Некоторые из них:

- появление суффиксов -ова-, -ирова- в иноязычных глаголах: *таретировать* (от англ. target);
- появление суффикса -н- в иноязычных прилагательных: *эксклюзивный* (от англ. exclusive).

Стилистическое освоение иноязычных слов проявляется в получении определённого стилистического статуса; слово приобретает его, вступая в связи с другими лексемами языка-приемника: слова *зумиться* (от англ. zoom), *расшарить* (от англ. share) приобрели ярко выраженную разговорную окраску, отсутствующую в языке-источнике (Лотте, 1982.С. 122).

Таким образом, языковая адаптация иноязычных слов в русском языке проходит как в формальном, так и в семантико-стилистическом аспектах. Новейшие заимствования осваиваются языком как по ранее известным схемам, так и по новым. При языковом освоении появляются варианты употребления лексем.

Список литературы

1. *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 154 с.
2. *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Маринова Елена Вячеславовна. – М., 2008. – 44 с.
3. *Рахманова Л.И.* Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учебное пособие / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева. – М.: МГУ, 1997. – 480 с.
4. *Сенько Е.В., Чекоева А.С.* Современная теория заимствования: терминологический аспект / Е.В. Сенько, А.С. Чекоева // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 194-197.
5. *Тертычный А.А.* Состояние и перспективы развития системы жанров российских СМИ // Медиаскоп. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/675> (дата обращения: 06.06.2022).

10.02.01

Е.В. Казанская, Н.Г. Келеберда

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
факультет лингвистики и журналистики,
кафедра иностранных языков для экономических специальностей,
Ростов-на-Дону, jenni.kot@yandex.ru,
Ростовский юридический институт МВД России,
кафедра иностранных языков,
kng07@mail.ru

ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматривается проблема содержания и структуры коммуникативной и лингвистической компетенции в государственном образовательном стандарте поколения 3++ при обучении русскому языку как иностранному в условиях цифровизации современной системы юридического образования. Авторы делают вывод о том, что коммуникативная компетенция с необходимостью должна быть дополнена лингвистической при подготовке иностранных специалистов в области юриспруденции. Был предложен авторский подход в трактовке содержания термина «коммуникативная компетенция».

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, русский язык как иностранный, цифровизация образования.

В 21 веке стало очевидным, что именно язык является инструментом влияния на ментальные ценности и приоритеты в социальной практике людей. Современные социальные процессы характеризуются снятием жестко структурированных нормативов и своеобразного представления этого процесса в лингвистическом аспекте. Одной из важнейших тенденций, которые особенно рельефно выступили на поверхность современности, стало переосмысление целей и задач обучения русскому языку, в том числе русскому языку как иностранному в связи с внедрением цифровых технологий и переходом на Стандарты поколения 3++.

В настоящее время обозначились два направления исследования цифровизации образования. Первое фокусируется на полной автоматизации рутинных форм обучения, которые, очевидно, будут заменены формами e-learning. В этом случае цифровое образование отождествляется с дистанционными технологиями [9], с информационно-коммуникационными технологиями [5]. Внимание исследователей сосредоточено на методических аспектах обучения, на проблемах улучшения качества образования [8], на поиске адекватных подходов преподавания в условиях цифровизации [6]. При этом исследователи, в частности Е.А. Бутина, отмечают, что сама терминология «цифровизации обучения» пока еще остается неразработанной [2], поскольку проникновение IT технологий в образовательную деятельность происходит в узкой сфере цифрового сектора и носит пока еще бессистемный характер.

Исследование данных тенденций крайне важно особенно в контексте обучения иностранных студентов языку права. Исследователи выделяют различные стороны соприкосновения права и языка. Среди них для обучения русскому языку иностранных студентов, изучающих право в России, на первоначальном этапе важнейшими являются, во-первых, усвоение знаний языковых норм в праве, в частности требований к юридическим переводам, и, во-вторых, усвоение знаний и навыков языкового поведения, или норм коммуникации.

Сравнительный анализ российской и зарубежной научной литературы показал, что существуют серьезные различия в контенте, способах и методиках преподавания иностранных языков в формате E-learning или онлайн обучения в России и за рубежом. Это означает, что иностранный обучающийся, имея навыки е-обучения на родном языке, как минимум должен владеть русскоязычными версиями электронных образовательных платформ, чтобы приобретать специфические профессиональные знания.

Если конкретизировать эту ситуацию применительно к формированию коммуникативной компетенции (УК-4) у иностранных студентов, получающих юридическое образование, то согласно теории уровневого подхода структура коммуникативной компетенции юриста изначально отличается от структуры той же компетенции для других лингвистических специальностей. Это отличие обусловлено специфическими закономерностями юридического мышления: слиянием языковых норм законодательства, правоприменительной практики и стилистики русского языка.

Проанализировав требования современного ФГОС 3++ для юристов [7], мы пришли к убеждению, что в плане языковой подготовки иностранных студентов единственным является формирование исключительно коммуникативной компетенции с акцентом на ее стилистической составляющей. Следовательно, предъявляются более высокие требования к качеству лингвистической подготовки, поскольку, по крайней мере, формально, студент-иностранец уже на первом курсе обучения обязан владеть русским языком на достаточном уровне, чтобы различать языковые элементы разных стилей и отбирать те, которые относятся к юридическому подстилю. Отсюда следует то, что в структуре языковой подготовки иностранных студентов, изучающих право, необходимо учитывать две компетенции: коммуникативную и лингвистическую.

Содержание коммуникативной компетенции УК-4 в Стандартах 3++ для бакалавриата и для специалитета коренным образом отличаются и по содержанию, и по структуре. Для бакалавриата необходимо владение стилевыми нормами, для специалитета важнейшей составляющей знаний, умений и навыков является способность применять русскоязычные цифровые технологии для академического взаимодействия.

На уровне специалитета коммуникация в Стандарте 3++ понимается как минимум в двух смыслах. Первый из них и самый распространенный – это трактовка коммуникативных технологий в смысле программ, контента и электронных средств связи, с помощью которых осуществляется дистанционное обучение (e-Learning). Закрепленный законодательно с 1 января 2021 года формат дистанционного образования, по оценкам исследователей, может быть реализован в трех вариантах: полностью онлайн обучение с применением компьютерных мультимедийных программ, комбинированное онлайн и офлайн обучение, при котором основной упор делается на самостоятельную работу студента, и контактное обучение с веб-поддержкой. В настоящее время для обучения русскому языку как иностранному в академическом сообществе принято рассматривать как наиболее действенное контактное обучение с веб-поддержкой. В частности, Бикмаева Л.У. считает, что «Использование видеометода посредством демонстрации видеосюжетов в значительной степени решает проблему заинтересованности» [1].

Второй подход обусловлен междисциплинарной и, шире, межкультурной природой коммуникации как таковой, то есть способностью вести диалог. Преподавание языка, невозможно вне социокультурного контекста. Язык понимается как «a social semiotic construction» [9]. При таком подходе важнейшей составляющей преподавания иностранного языка, в том числе и русского как иностранного, являются культурные паттерны как, например, эстетические, реализуемые в искусстве, или антропологические, реализуемые в фольклоре и так далее – все эти символы повседневной культуры имманентно присущи языку и с неизбежностью означают трансмиссию культурных паттернов через преподавание русского языка как иностранного и наоборот. Однако при виртуальной трансформации социокультурного контекста трансмиссия культурных паттернов затруднена.

Исходя из вышесказанного, можно предложить третий подход в трактовке содержания термина «применение современных коммуникативных технологий». Под коммуникативными технологиями следует понимать, с одной стороны, владение цифровыми технологиями в форме электронных программ, а с другой стороны, скорость обмена информацией «виртуальной лингвосоциокультурной среде», умение находить, анализировать большие данные на русском языке, порождать новую информацию и размещать ее в виртуальном пространстве.

Очевидно, что наличие у иностранного студента лингвистической компетенции подразумевается сама собой. Но довузовские программы дополнительного образования (подготовительные программы) также ставят своей целью формирование коммуникативной компетенции. Безусловно, базовый уровень А2 дает знание норм языка, однако этого недостаточно для студента юридического факультета, поскольку, как отмечают исследователи [3], существуют сложности понимания и перевода юридического текста. В частности, вызывает трудность понимание синтаксической конструкции с подлежащим и сказуемым, выраженными существительными, а также однородными и неоднородными второстепенными членами, с причастными оборотами в действительном и страдательном залоге в пределах одного простого предложения, например: «Поэтому *сущность права* – это обусловленная материальными и социально-культурными условиями жизнедеятельности общества, характером класса, социальных групп населения, отдельных индивидов *общая воля* как результат согласования, сочетания частных или специфических интересов, выраженная в законе либо иным способом, признаваемая государством и выступающая вследствие этого общим масштабом, мерой поведения и деятельности людей» [4]. При этом необходимо учитывать существенные лингвосоциокультурные различия между отдельными языками, которые усугубляются в новейших условиях цифровизации, поскольку ограничение бесконечного множества семантических явлений, грамматических форм и синтаксических конструкций связано не только и не столько социокультурным контекстом, но в первую очередь «виртуальным контекстом», социолингвистическая природа которого еще до конца не исследована.

Подводя итоги сказанному, отметим, что предлагаемая Стандартом 3++ коммуникативная компетенция УК-4 при подготовке иностранных студентов юридических специальностей с необходимостью должна быть дополнена лингвистической компетенцией, содержательно включающей лингвокоммуникативную способность конструировать грамматико-стилистические речевые произведения согласно нормам русского языка и ситуации общения, и способность выражения юридических аргументов и применения технических приёмов правовой практики при помощи лингвистики.

Список литературы

1. Бикмаева Л.У. Методика использования видеоматериала на практическом занятии по теме: «Стилистические модели служебных документов. Лингвистический анализ и правка текстов деловой документации» // Сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза. МЦНС «Наука и просвещение» 2018. URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2018/06/K-104-Сборник.pdf>
2. Бутина Е.А. Цифровизация образовательного пространства: Риски и перспективы // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43125756>
3. Емелина О. Грамматические особенности перевода юридических текстов. // Право и управление XXI веке // Научная жизнь №2 (19) / 2011. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17425253>
4. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. – М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. – 256 С.
5. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: Понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. № 8, 2018. // Электронная библиотека УрГПУ. URL: <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/11060>
6. Панков Э.В. Цифровизация образования в условиях дистанционного обучения // Образование в Орловской области. БУ ОО ДПО «Институт развития образования». № 2, 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47164445>
7. Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 N 1011 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция" (Зарегистрировано в Минюсте России 07.09.2020 N 59673). Документ предоставлен КонсультантПлюс
8. Сучков С.Д. Дистанционные технологии оценки, обучения и развития персонала // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral» № 6, 2020. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44746866>
9. Baroudi F. (2017) Intercultural Communicative Competence (ICC) in ELT Classrooms. Eastern Mediterranean University. June. North Cyprus URL: https://www.researchgate.net/publication/341395560_Intercultural_Communicative_Competence_ICCin_ELТ_Classrooms

10.02.01

А.В. Кривицкая

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Стерлитамак, nastena.str@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЭРГОНИМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В СТРУКТУРЕ ЭРГОНИМОВ ПИТЕЙНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В работе представлен анализ эргонимических терминов питейных заведений Республики Башкортостан, выявлены случаи нарушения сочетаемости эргонима с эргонимическим термином.

Ключевые слова: *эргоним, эргонимический термин.*

Коммерческий объект (фирма, учреждение и пр.) обычно имеет два названия: первичное (нарицательное) и вторичное (собственное), служащее для различения подобных объектов. Вслед за А.В. Суперанской мы полагаем, что при анализе эргонима необходимо исследовать не только имя собственное, но и сопровождающий его апеллатив. По мнению Т.П. Романовой: «он является носителем важнейшей категориальной информации, содержащей сведения о типе и профиле предприятия, играет классифицирующую роль (выполняет функцию введения в ряд, без которой существование эргонима невозможно)» [2, с. 76].

Как правило эргонимический термин четко определяет род деятельности заведения (кафе, бар и т.п.). В случае если он сливается по смыслу с именем собственным, его исследованием, по мнению Н.В. Шимкевича, можно пренебречь [3]. Однако в нашем исследовании важно обратить внимание на эргонимический термин, так как в нашей выборке мы находим тенденции, свидетельствующие о расширении состава эргонимических терминов и нарушении структуры сочетания эргонимического термина и эргонима:

I. Современные эргонимические термины активно пополняются заимствованной лексикой: «маркет» (алкомаркет, сеть мини-маркетов и др.), «бутик» (бутик пива, бутик разливных напитков, бутик бочковых напитков и др.). Интересно, что эргонимический термин «бутик» стал использоваться и в наименованиях пивных заведений («Бутик напитков», «Пивной бутик»). Кроме того, многие наименования питейных заведений и пунктов продажи алкоголя активно включились в процесс языковой игры, и в этом плане «Пивной бутик» является вполне обычным эргонимом [1, с. 53]. В XXI веке на городских вывесках происходит замена привычного для российского потребителя эргонимического термина «бар» на модное слово «паб» (< англ. pub сокр. от public house 'общественный дом'). Существенное отличие бара от «паба» заключается в том, что в баре кроме пива подают не только пиво и легкие закуски, но и крепкий алкоголь и полноценный ужин. Как правило, традиционные пабы являются частью социальной культуры Великобритании и Ирландии. Пабы, в которых подают не только закуски, но и основные блюда.

В настоящее время в России вследствие активного развития рекламной коммуникации состав эргонимических терминов значительно расширяется: стремительно растет количество заимствований (паб, трактир, бутик и др.), возвращается дореволюционная терминология. Номинация прошлого века частично сохраняется в наше время в эргонимах «Пивмагъ», «ПИВО 24», «ПиВБар», «МАГАЗИН РАЗЛИВНОГО», «ВИНА КУБАНИ» и пр.

II. Современные эргонимические термины усложняются за счет объединения нескольких наименований разных уровней (ресторан и бар, паб): виски-клуб, спорт-бар, дискаунт-бар, лаундж-бар, экспресс-бар разливных напитков и другие: gastrobar «КОРОНА», rest-bar «GQ», Ресто-бар «Амигос», и др. (наряду с данными эргонимическими терминами в России также

используется синонимичный термин гастронаб). Термины появились в XXI веке с целью объединить бар (место употребления алкоголя) и ресторан (предприятие общественного питания с широким ассортиментом блюд сложного приготовления, включая фирменные и заказные). Обратим внимание на название гастрономического бара-ресторана «Рачевня» (фонетически схоже со словом «харчевня»), которое можно трактовать как место употребления раков. Однако, сама лексема «рачевня» имеет значение сеточки из лески или проволоки, натянутой на обруч (приспособление для ловли раков).

Интересно использование лексемы «чайхана» в составе следующих наименований: ресторан-чайхана «Ясмина», кафе «Чайхана №1», ресторан «Чайхана» и др. Изначально слово чайхана трактовалось как чайная (от китайск. «cha-yeh» - чай в листьях и перс. «хапе» - помещение) – место для посиделок с друзьями, где можно пообедать (в Азербайджане же подаётся только чай со сладостями), но в настоящее время данный термин используется и для обозначения мест общественного питания с продажей и употреблением алкогольной продукции.

Часто прослеживается тенденция объединения наименований разных уровней в эргонимическом термине: кафе, ресторан; бар, ресторан; паб, кафе и др. Данные наименования создают ощущение, что в одном заведении расположены и бар, и ресторан. Однако такого рода зонирование пространств (например, в ресторанном комплексе один этаж отведен под бар и танцпол, второй - под кальянную и ресторан, третий – под караоке-бар) встречается крайне редко. Мы предполагаем, что номинаторы умышленно прописывают в эргонимическом термине деятельность разных уровней, чтобы привлечь внимание большего числа потенциальных посетителей, пользующихся поисковой строкой в интернете для выбора заведения.

III. Эргонимический термин, как правило, всегда отражает род деятельности заведения в отличие от самого эргонима: место продажи (493 наименования – 42,9%), место употребления (600 наименований – 52,2%). Однако современные эргонимические термины расширяют род деятельности заведения. В связи с ужесточением закона о продаже алкоголя в ночное время, многие точки продажи становятся местом употребления (57 наименований – 4,9%), поэтому такой эргонимический термин как магазин-бар не вызывает удивления, как и следующие сочетания (67 наименований - 5,8% относятся к 1 и 2 пунктам IV тенденции): магазин разливного пива «Bistro Beer» (магазин - пивное бистро), бар «Бутик напитков» (бар - бутик), магазин разливных напитков «ПиВБар» (магазин-пивной бар), магазин разливного пива «СпортБар» (магазин - спортбар), магазин разливных напитков «Кабачок в разлив» (магазин - кабак), сеть добродушных магазинов «ТАВЕРНА» (магазин – таверна, где исконное значение таверны - городской или придорожный постоялый двор, с харчевней на первом этаже и комнатами на втором).

IV. В современной эргонимии можно выделить наименования, в которых нарушено сочетание эргонимов с эргонимическим термином (магазин пива «Хмельная», бар, паб «Пивнушка»):

1. Нелогичные словосочетания (43 наименования – 3,7%), например, караоке-бар «Монро Холл» и др. Как видим, эргоним имеет в своем составе лексему «холл» (анг. «hall») - большое помещение, обычно в общественных зданиях (напр. гостиницах, театрах), предназначенное для отдыха, ожидания. Данная лексема не является новой для Республики Башкортостан и используется в наименовании конгресс-холл «Торатау» (Конгресс (лат. *congregior, congressus sum* — сходиться вместе) — это название различных собраний, конференций и т.п.) – площадка для проведения мероприятий. На первый взгляд эргоним «Монро Холл» кажется удачным в связи с упоминанием популярной певицы Мерлин Монро, однако вызывает противоречие при соотнесении с эргонимическим термином караоке-бар (на наш взгляд, было бы логично перенести лексему холл в эргонимический термин: караоке-холл «Монро»). Аналогичные противоречия возникают и при подробном рассмотрении других эргонимов с лексемой «холл» - ресторан «De Luxe hall», караоке-бар «Мафия Холл».

Обратим внимание на сочетание эргонима и эргонимического термина буфет (фр. «стол») «Ночная ярмарка», где ярмарка – регулярный торг для продажи или закупки товаров, а эпитет ночная сообщает потенциальному потребителю о ночном режиме работы. Отметим, что в России и некоторых европейских странах (Франция, Германия, Скандинавия) буфеты создавались как небольшие закусочные при железнодорожных станциях и внутри транспортных средств, постепенно превратившаяся в места кутежа и распития алкоголя (в немецком языке буфет - непотребный дом).

Нередко лексемы, входящие в состав эргонима и эргонимического термина являются противоречащими друг другу: магазин пивной продукции «Трактир», кафе «Трактир», ресторан «Трактир на мельнице», где трактир – вышедшее из употребления название постоянного двора с харчевней, обычно дешёвого класса.

2. Часто лексемы, входящие в состав эргонима и эргонимического термина являются синонимичными (127 наименований – 11%) : бар «LivePub» (бар и паб), бар «Rock's cafe» (бар и кафе), кафе-бар «Бистро» (кафе-бар и бистро), бар разливного пива «Бистро» (бар и бистро), бар-рюмочная «Давай за...», бар «Рюмочная за углом» (бар и рюмочная), где бар (англ. bar) - тип заведения общественного питания, питейное заведение, в котором алкогольные напитки подлежат незамедлительному употреблению (бар может являться частью ресторана).

Наряду с лексемами английского происхождения (паб, бар) в эргонимии активно используются лексемы французского происхождения: «ресторан», «кафе», «бистро», которые в настоящее время почти утратили иноязычность и не воспринимаются как заимствования. Изначально кафе было местом для употребления кофе, сейчас кафе – это заведение общественного питания, в котором можно перекусить (отличается от ресторана уровнем обслуживания, ассортиментом блюд и более низкой ценовой категорией). Как правило, цены на алкоголь в баре и кафе не отличаются, как и в других заведениях данного уровня (салун, кабак, таверна, рюмочная).

3. Большая часть наименований питейных заведений представлена согласованными сочетаниями (980 наименований – 85,2%), среди которых крайне редко встречаются эргонимы, идеально подходящие к эргонимическим терминам: винный бар «Должно Подышать» (вино перед употреблением должно пройти стадию аэрирования, чтобы насытиться кислородом), караоке-бар «SoloWay» (англ. «солный путь», фонетически звучит как «соловей» - волшебным пением соловьев люди восхищаются с древних времен), семейный ресторан «THE BORЩ» (борщ обычно ассоциируется с домашней кухней), гриль-бар «UGLI» (приготовление мяса на углях) и др.

На наш взгляд, нарушение сочетания эргонима и эргонимического термина может свидетельствовать об отсутствии у номинаторов специальных знаний в области нейминга.

Список литературы

1. *Кривицкая А.В.* Частоупотребляемые французские лексемы в наименовании коммерческих предприятий. Международный научный журнал "Национальная ассоциация ученых". Журнал №74. Часть 4. С. 53-55.
2. *Романова Т.П.* Эволюционные процессы в области современной российской эргономической терминологии / Т. П. Романова // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3. — С. 76-83.
3. *Шимкевич Н.В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2002. – 22 с.

10.02.01

**Е.А. Линева, Е.Г. Котова, М.В. Овчинникова,
Е.Б. Савельева, Н.В. Акимова, А.В. Леонтьева**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Московский государственный областной университет,
кафедра лингводидактики,
Московский городской педагогический университет,
кафедра зарубежной филологии института гуманитарных наук,
Орехово-Зуево, ealinea@mail.ru

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ЛОКАТИВНОГО ДЕТЕРМИНАНТА НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В статье приводится подробный анализ лексико-семантических групп локативного детерминанта неопределенно-личных предложений, Локативный детерминант, являясь обязательным компонентом модели неопределенно-личных предложений, способствует формированию семантики деятеля. Он оформляет пространственный фон всего высказывания, указывая на места жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: *локативный детерминант, неопределенно-личные предложения, лексема, лексико-семантическая группа.*

Локативные детерминанты, указывающие на места жизнедеятельности человека, представлены лексемами, объединенными в пределах двух ЛСГ (лексико-семантических групп): **I. «Территория»; II. «Группа людей»**. Первая группа объединяет лексемы, содержащие в своем значении указание на пространство, ограниченное какими-либо пределами, в котором человек активно функционирует, вторая - называет совокупность людей, которая объединена общностью интересов, профессии, деятельности, социальных условий, к которой человек имеет непосредственное отношение, входит в нее в качестве одного из ее членов [2].

ЛСГ **«территория»** имеет следующие интегральные признаки: **«открытая территория», «закрытая территория»**. На основании интегрального признака **«открытая территория»** члены исследуемой группы делятся на две тематические группы: **«населенная территория», «предметы мебели и интерьера»**.

Члены первой тематической группы **«населенная территория»** делятся на три подгруппы:

1) «страна и ее область»: *В Америку Алика привезли ребенком (В.Токарева).*

2) «город, городской район, часть города»: *В Новосибирске его поймали, вернули домой (В.Шукшин).*

Во втором примере лексема *область* имеет значение «город – центр административного района внутри области» и входит этим значением во вторую подгруппу.

3) «село и деревня»: *В деревню Николая направили как молодого специалиста (Б.Васильев).*

Вторая тематическая группа **«предметы мебели и интерьера»:** *Его положили спать на сундуке (А.Чехов);*

На основании интегрального признака **«закрытая территория»** члены исследуемой группы подразделяются на две тематические группы: **«помещение»**, **«транспортное средство»**. Члены первой тематической группы **«помещение»** в зависимости от назначения помещения подразделяются на две подгруппы: 1) **«нежилое помещение»**; 2) **«жилое помещение»**. Члены первой подгруппы на основании функций помещения делятся на две микрогруппы: 1) **«учреждение»**; 2) **«хозяйственная постройка»**. Члены первой микрогруппы в свою очередь представлены десятью микроподгруппами [1]:

1) **«учебно-воспитательное учреждение, его структурные компоненты»**: *В училище привезли необходимые стройматериалы, и работа закипела* (Б.Васильев).

2) **«медицинское учреждение, его структурные компоненты»**: *У больницы ей указали, наконец, эту мастерскую* (Л.Петрушевская).

3) **«торговое учреждение, его структурные компоненты»**:

А Крапиву опять послали в аптеку (Л.Петрушевская).

Лексема *аптека*, имея значение «учреждение, в котором продают и изготавливают лекарства», входит не только в микроподгруппу «торговое учреждение, его структурные компоненты», но и в микроподгруппу «медицинское учреждение, его структурные компоненты».

4) **«административно-политическое учреждение»**: *В сельсовете, после долгих просьб, установили дополнительные телефонные аппараты* (В.Липатов).

5) **«религиозное учреждение»**: *Вокруг церкви устроили Крестный ход* (Б.Акунин).

6) **«производственное учреждение, мастерская, их структурные компоненты»**: *В цеху, наконец, установили новые немецкие станки* (Б.Васильев).

7) **«зрелищное, культурно-просветительное учреждение, их структурные компоненты»**: *У библиотеки Вику остановили и попросили предъявить документы* (В.Токарева).

8) **«учреждение бытового обслуживания и общественного питания»**: *В парикмахерскую постоянно звонили и спрашивали Наташу. Но имени своего не называли* (Л.Петрушевская).

9) **«кредитно-финансовое учреждение, его структурные компоненты»**: *В кассе, наконец, установили новый электронный аппарат, и работа пошла быстрее* (Б.Васильев).

10) **«пенитенциарное учреждение, его структурные компоненты»**: *Анисима посадили в тюрьму* (А.Чехов).

Микрогруппа **«хозяйственная постройка»**: *На городские холодильники лед доставляли в больших цилиндрах* (Б.Васильев).

Подгруппа **«жилое помещение»** подразделяется на две микрогруппы:

1) **«помещение для постоянного проживания, его структурные компоненты»**: *В доме оборудовали обувную мастерскую* (Л.Петрушевская).

2) **«помещение для временного проживания, его структурные компоненты»**: *В гостинице мне забронировали одноместный номер* (Л.Улицкая).

Вторая тематическая группа **«транспортное средство»** в зависимости от вида транспорта подразделяется на три подгруппы:

1) **«наземное транспортное средство, его части»**: *Из фургона выгружали параллелепипед белого ослепительного неба* (В.Набоков).

2) **«водное транспортное средство, его части»**: *Из катера выгрузили несколько мешков с крупой* (Б.Васильев).

3) **«воздушное транспортное средство, его части»**: *У самолета Ирину уже ждали* (Д.Гранин).

Вторая ЛСГ **«группа людей»** в зависимости от сферы функционирования подразделяется на 4 тематические группы: 1) **«войсковое объединение»**, 2) **«социально-политическая группа»**; 3) **«профессионально-производственная группа»**; 4) **«социальная группа»** [5].

Первая тематическая группа **«войсковое объединение»** представлена тремя подгруппами:

1) **«войсковое формирование»**: *В полк Юрия привезли на рассвете* (В.Быков).

2) **«войсковая единица»**: *В часть привезли полугодовой запас провизии* (Б.Васильев).

3) **«охранительное подразделение»**: *Позвонили на КПП и предупредили о прибытии пополнения* (Б.Васильев).

Вторая тематическая группа **«социально-политическая группа»** объединяет следующие лексемы: *партия, райком, бюро*.

В партию тогда сразу вступали, не раздумывая (Б.Васильев).

Третья тематическая группа **«профессионально-производственная группа»** включает в свой состав лексемы *бригада, артель, журнал, газета*. *В бригаде вдруг хлопнули связкой ключей об пол* (А.Солженицын).

В четвертую тематическую группу **«социальная группа»** входят лексемы *общество, клуб, семья, секта*. *В обществе его не любили* (Б.Акунин).

Неопределенно-личные предложения обозначают действия, характеризующие жизнедеятельность человека, а локативные детерминанты, оформляя пространственный фон всего высказывания, указывают на места, в которых человек живет, работает, то есть проявляет себя как существо биосоциальное [3, 4].

Список литературы

1. Башкирова И.А. Возможности синонимических преобразований безличных предложений (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы 8 Международной конференции (Владимир, 24 – 26 сентября 2009 г.). – Владимир: ВГГУ, 2009. – С. 39-41.
2. Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с.
3. Лекант П.А. О коннотативных смыслах высказывания // Очерки по грамматике русского языка. – М.: МГОУ, 2002. – С. 94-101.
4. Моница Т.С. Неопределённо-личные предложения как структурный тип // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: МСНТ. – М.: МГОУ, 2004. – С. 14-20.
5. Моница Т.С., Казанцев С.А. Система грамматических значений предложения. – Монография. – М.: МГОУ, 2007. – 240 с.

10.02.01

К.О. Селезнева канд. филол. наук

Краснодарское высшее военное училище лётчиков,
3 факультет авиационный (Б и ША),
отдельная дисциплина (иностранный язык),
БФ «Воронежский государственный университет»,
кафедра социальных и гуманитарных дисциплин,
Борисоглебск, kireeva_kristina@mail.ru

ЭВФЕМИЗМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена анализу эвфемизмов в сфере образования. Материалом послужил «Словарь русских эвфемизмов» Е.П. Сеничкиной. Во время исследования автор использовал метод сплошной выборки.

Ключевые слова: *эвфемизмы, сфере образования, метод сплошной выборки.*

Ни для кого не секрет, что язык отражает изменения во всех сферах жизни человека. Он очень чутко реагирует на любые «катаклизмы» в общественной, политической, экономической и культурной сферах человеческой жизни. Сфера образования не является исключением. Реформы в этой области, а также введение вынужденного дистанционного обучения в 2020 году вывели спор участников образовательного процесса на новый уровень. Так, многие родители считают, что их обязанность заключается в предоставлении своим детям питания, одежды и крова, все остальные мероприятия по образованию и воспитанию детей – обязанность образовательных учреждений, которые посещает ребёнок. Педагоги, в свою очередь, всё чаще говорят о том, что воспитанием ребёнка, основы которого закладываются в семье, должны заниматься родители, а школа (позже суз и/или вуз) предоставляет «образовательную услугу». Безусловно, споры подобного рода не могут не вызывать отрицательных эмоций у их участников.

Использование эвфемизмов в сфере образования помогает избежать грубости или смягчить негативный смысл. Поскольку участниками педагогического процесса выступают не только преподаватель, педагог и обучающиеся, но и коллеги, а также родители учащихся, говорящие чаще всего стараются отдавать предпочтение эвфемистическим переименованиям. Таким образом, эвфемизмы давно стали неотъемлемой частью повседневной речи.

Всё вышеизложенное обусловило выбор темы для нашего исследования, её актуальность. Данная работа представляет собой фрагмент исследования педагогической лексики в русском языке [3; 4; 5]. Целью настоящей статьи стало выявление в словаре русских эвфемизмов тех, которые относятся к сфере образования. Материалом послужил «Словарь русских эвфемизмов» Е.П. Сеничкиной [6]. Методом сплошной выборки нами были отобраны те эвфемистические конструкции, которые относятся к сфере образования. Всего нами было зафиксировано 32 лексических единицы. Полученные данные были нами проанализированы и систематизированы, после чего распределены по подгруппам.

1. Наименования отстающих учащихся (6): *Камчадалы* – в.м. двоечники. Название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах (на «камчатке»). Простор. перен. ирон. устар. яз. эвф.; *Камчатник* – в.м. двоечник. Простор. перен. ирон. устар. яз. эвф. Шутл. Название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах (на «Камчатке»); *Малоуспевающие* – в.м. отстающие, плохоуспевающие. В знач. сущ. устар. в преуменьш. знач. мин. ст. эвф.; *Малоуспевающий* – в.м. плохоуспевающий, отстающий. В преуменьш. знач., мин.ст.эвф.; *Не первый ученик* – в.м. слабый ученик, плохо успевающий. Яз. эвф.; *Tabula Rasa* – в.м. прям. Наименования ученика или студента, не знающего основных правил того или иного предмета. Инояз. лат. чистая доска. перен. редк. яз. эвф.

2. Отсутствие образования (5): *Не богатый запас (знаний) у кого-л.* – в.м. кто-л. глуп, плохо образован. Яз.эвф.; *Не дальнего образования* – в.м. плохо образован, невежествен. Перен. Яз. эвф.; *Непросвещение* – в.м. необразованность, невежество, отсталость. Устар., мин.ст. эвф.; *Непросвещённость* – в.м. необразованность, невежество. Мин. ст.эвф.; *Серость* – в.м. необразованность, невежество. Разг. перен., мин. ст. эвф.

3. Наименования лиц с недостаточным уровнем воспитания (4): *Неблаговоспитанный* – в.м. невоспитанный [Не получивший хорошего воспитания, не обладающий хорошими манерами]. Мин. ст. эвф.; *Неблагодарный* – в.м. плохо воспитанный. В преуменьш. знач., устар. стерт. эвф., преимущ. В отношении поведения учащихся старой школы; *Несознательный* – в.м. плохо воспитанный. Разг. Деэвф.; *Несознательный элемент* – в.м. плохо воспитанный. О человеке, людях, не отдающих себе отчёта в происходящих событиях. Деэвф.

4. Наименования учебных заведений (4): *Преодоление* – в.м. прям. Наименования названия общественных организаций, созданных для инвалидов (школ для детей-инвалидов, центров восстановительного лечения для детей-инвалидов, клубов по интересам для инвалидов и т.п.). Перен. Соц. эвф., фикс. как эвф. с посл. четв. XX в.; *Спецпту* – в.м. разновидность учебных исправительно-трудовых учреждений. Сокращ.от «специальное профессионально-техническое училище». Соц. эвф., эвф.-совет.; *Специкола 1* – в.м. средняя школа для детей с отклонениями в психике или физически больных детей. Соц. эвф., эвф.-совет.; *Специкола 2* – в.м. исправительно-трудовая средняя школа закрытого типа. Соц. эвф., эвф.-совет.

5. Плохое обучение (4): *Не блещет знаниями* – в.м. плохо учится; имеет слабую подготовку. Яз. эвф.; *Не до конца выучил* – в.м. не выучил. В преуменьш. знач., яз. эвф. речи учащихся, студентов; *Недоучивать (Недоучить)* – в.м. плохо учить (выучить) [учить (выучить) или обучать (обучить) меньше, чем следует]. В преуменьш. знач., соц. эвф., эвф.-совет.; *Скромно учиться* – в.м. учиться плохо, на тройки. Перен. Яз.эвф.

6. Наименования лиц с отсутствием или недостаточным уровнем образования (3): *Непросвещённый 1* – в.м. невежественный, отсталый. Мин. ст. эвф.; *Непросвещённый 2* – в.м. невежественный. В функц. сущ., мин. ст. эвф.; *Серый 1* – в.м. необразованный, малокультурный. Разг., перен., мин. ст. эвф.

7. Отсутствие воспитания (3): *Неблаговоспитанно* – в.м. невоспитанно. Нар., мин.ст.эвф.; *Неблаговоспитанность* – в.м. невоспитанность. Мин. ст. эвф.; *Невоздержанно* – в.м. невоспитанно, болтливо и др. нар. с отр. оц.

Как видно из приведённого выше материала всего нами были выделены 7 подгрупп. Наименования учащихся с плохой успеваемостью вследствие проблем с дисциплиной (чаще всего) и/или неспособностью к восприятию материала вуалируют 6 эвфемистических номинаций. В данном случае нельзя не согласиться с В.Ю. Харитоновой, что «маскирующая способность эвфемистических переименований, направленная на обеспечение бесконфликтного коммуникативного сотрудничества с адресатом, соблюдение правил вежливости и такта, позволяет отвлечь внимание от стигматичного денотата – ограниченных умственных способностей обучаемого» [7]. Не устойчивая детская психика, возможность нанести психологическую травму ребёнку, вероятность лишить мотивации учащегося делает просто неприемлемым факт использования прямых наименований учащихся с плохой успеваемостью. Задача педагога, заключающаяся в поддержке желания и стремления обучаемого получить новые знания, стимулирует его к употреблению эвфемизмов.

Тот факт, что «ценностными доминантами, формирующимися в процессе учебной и воспитательной педагогической деятельности, выступают, с одной стороны, дисциплинированность, прилежность, соблюдение общепринятых норма поведения, а с другой стороны, способность к обучению, эрудированность, компетентность, профессионализм» [7] объясняет наличие подгрупп «Отсутствие образования», «Наименования лиц с недостаточным уровнем воспитания», «Плохое обучение», «Наименования лиц с недостаточным уровнем образования», «Отсутствие воспитания».

Люди с отсутствием образования и/или воспитания являются «потенциальными учащимися», которых не хочется оскорбить или унижить.

После анализа лексикографического источника нами были зафиксированы 2 эвфемистических номинации оценок: **Неудовлетворительно 2** – в.м. «два». В названии оценки за ответ в вузах. Эвф. по происх. и стерт. эвф.; **См.** – в.м. оценка «два». Сокращ. «смотрел (-а) пишут в тетрадях учеников начальных классов, чтобы сильно не огорчать малышей». Соц. эвф., фикс. как эвф. с посл. четв. XX в.

В последней четверти XX века педагогики и психологи всё больше стали говорить о том, что основная задача начальной школы – не просто получение базовых знаний, а создание психологически комфортной обстановки, позволяющей ребёнку адаптироваться к новому жизненному этапу. В начальной школе дети очень чутко реагируют на любую критику со стороны педагога, на признание своих успехов, на комментарии в отношении своих неудач, поэтому чрезвычайно важно продемонстрировать им поддержку со стороны учителя, что выражается как раз в использовании эвфемистических единиц, «ведущих к смягчению или уменьшению отрицательной оценки внеязыкового денотата, приводящего к улучшению характера реального денотата» [1].

Эвфемистическая единица **Группа коррекции** (в.м. группа школьников с психическими отклонениями, задержкой развития. Соц. эвф., фикс. как эвф. с посл. четв. XX в.) не была нами отнесена ни к одной из групп. Использование эвфемизмов при наименованиях умственных и физических недостатков и/или особенностей людей, тем более, когда речь идёт о детях, давно уже стали само собой разумеющимся не только в речи непосредственных участников образовательного процесса, но и людей, не имеющих к нему отношения.

Совершенно очевидно, что с развитием общества и технологий эвфемизмы всё больше проникают во все сферы жизни, в том числе и в сферу образования. Тем более интересным становится вопрос дальнейшего, более детального изучения эвфемизмов в данной области. Как отмечает О.Ф. Варламова, «тематический анализ показал, что такие сферы, как образование, медицина ... широко подвержены процессам эвфемизации» [2]. Эвфемистические выражения не вызывают двусмысленности, и используются для избежания грубости, смягчения негативного смысла.

Педагогическая лексика всё больше пополняется эвфемистическими конструкциями, быстро реагируя на изменения общественного отношения к процессу образования и воспитания.

Список литературы

1. Арсентьева Ю. Английские и русские фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие человеческие пороки и преступления // Филология и культура. Philology and Culture. – 2021. - № 4 (66). – С. 17-22.
2. Варламова О.Ф. Эвфемизмы в профессионально-ориентированном общении // New World. New language. New thinking. Сборник материалов II ежегодной международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 261-264.
3. Селезнева К.О. Метод сплошной выборки при работе с лексико-семантической группой // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 июня 2014 г. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – С. 52-57.
4. Селезнева К.О. Психолингвистическое исследование лексемы Образование (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2021 г. - № 4. – С. 60-62.
5. Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого словаря русского жаргона) // Социальные и гуманитарные знания. – Том 7 - № 2 (26) – Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2021. – С. 212-222.
6. Сенчикова Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464с.
7. Харитонова В.Ю. Эвфемизмы в педагогическом дискурсе // Язык и мир изучаемого языка. – 2016. - № 7. – С. 105-109.

10.02.01

А.С. Сизинцева, И.В. Зайченко, В.В. Бажеряну

Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
факультет энергетики и управления,
Комсомольск-на-Амуре

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА И ОПИСАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОНФЛИКТА КАК РЕЗУЛЬТАТА НЕКОРРЕКТНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

В процессе своей трудовой деятельности, каждый работник так или иначе вовлекается в конфликтные ситуации. В статье рассмотрены основные элементы производственного конфликта, а также фазы его протекания.

Ключевые слова: *коммуникация, производственный конфликт, конфликтное взаимодействие, предупреждение конфликта.*

Система отношений в рабочих русскоязычных коллективах достаточно сложна, поэтому возникновение самых разных конфликтов неизбежно. Они различаются как по содержанию и динамике, так и по способам разрешения. Актуальность профессиональных конфликтов в современном обществе трудно переоценить. Одними из самых распространенных видов конфликтов на производстве считаются так называемые «конфликты по вертикали», то есть в конфронтацию вступают руководитель и подчиненный. Практически каждый человек, работающий в какой-либо организации рано или поздно сталкивается с этим типом конфликта. Если рассматривать подчиненного, который недоволен действиями руководства, то здесь может быть два варианта развития ситуации. В первом варианте, работник чувствует нарастание недовольства, но предпочитает не вступать в конфликт, чтобы избежать наказания со стороны руководителя. Во втором варианте, работник предпочитает не молчать, а бороться за свою «правду» любой ценой.

Необходимо обозначить основные элементы и характеристики конфликта. Первый элемент конфликта – информационный. Здесь должно произойти событие, помогающее увидеть различия интересов участников взаимодействия. Вторым элементом является деятельность, где уже есть повод для конфронтации сторон. Третьим элементом – конфликтная ситуация, означающая развитие конфликтного взаимодействия. Четвертым элементом – это субъекты конфликта, которые являются участниками конфликта. Пятым элементом является предмет конфликта, который представляет собой определенные различия в ценностях и интересах. И последний, шестой элемент – это конфликтные отношения. Этот элемент определяет форму и содержание конфликта, а также действия, предпринимаемые сторонами.

В любом конфликте, в том числе и производственном, выделяют три основные фазы. В первой, военной, или конфронтационной фазе, обе стороны отстаивают свои собственные интересы. Во второй, политической, или компромиссной фазе, уже происходят переговоры, где стороны пытаются прийти к компромиссу. Третья фаза – управленческая, или коммуникационная. На этом этапе, после обсуждения ситуации, обе стороны нацелены на достижение консенсуса.

Что касается основных причин появления конфликтных ситуаций в процессе производства, можно выделить пять основных групп. В первую очередь рассмотрим вопрос распределения ресурсов. Конфронтация может возникнуть между сотрудниками подразделения внутри организации, так и между работником и руководителем на фоне неравномерного, по мнению работника, распределения каких-либо ресурсов предприятия.

Различия в целях также является немаловажным фактором образования конфликта. Здесь огромное значение имеет размер предприятия. Рассмотрим, к примеру, крупный авиастроительный завод, где трудятся около 10000 человек. Чтобы организовать слаженную работу, предприятие разделено на несколько больших подразделений – отделов и производственных цехов, которые, в свою очередь имеют в своем составе более мелкие подразделения – бюро. Несмотря на то, что все работники предприятия делают одно общее дело и имеют одну цель – выпуск качественного конечного продукта, межличностные противоречия неизбежны. Внутри подразделений нет явных различий в целях, но более явно проявлена проблема распределения ресурсов. Сложнее ситуация обстоит с взаимодействием сотрудников между структурными подразделениями, у каждого из которых свои конкретные цели. Например, у цехов стоит задача быстро и в срок сдать продукцию, но в сроки бывает сложно уложиться по вине других подразделений, которые не поставили вовремя комплектующие или неверно посчитали нормы материалов, причин может быть множество. Этот пример очень ярко показывает расхождение в целях у различных подразделений. И чем больше предприятие, тем больше конфликтов начинается именно по этой причине.

Различия мнений работников о различных ценностях, в том числе моральных и этических. Например, отстаивать свою точку зрения, отличную от мнения начальника, тоже является ценностью. Далеко не все руководители открыты к критике подчиненных и способны признавать свои ошибки, что довольно часто приводит к конфликтному взаимодействию.

К межличностным конфликтам могут привести различия в жизненном опыте и поведении сотрудников. Такие проблемы возникают в основном между людьми, трудящимися в одном подразделении. Это могут быть возрастные различия между сотрудниками, так называемый конфликт «отцов и детей». Могут быть различия в идеологических или религиозных взглядах, или манера общения со своими коллегами. Даже такая мелочь, как микроклимат помещения, где трудятся работники, может послужить причиной серьезного конфликта: коллектив по статистике делится на тех, «кому жарко» и тех, «кому холодно», и вопрос открывать или не открывать окно всегда приводит к разногласиям. Приведем еще один пример. Одной очень характерной особенностью работы на предприятии является использование нецензурной лексики частью работников, вовлеченных в производственный процесс. Другая же часть сотрудников категорически против вовлечения в такого рода коммуникацию.

Неудовлетворительные коммуникации и проявление некомпетентности также являются частой причиной конфликта в производственной сфере. Вернемся к образу крупного авиастроительного предприятия. Одним из важных условий успешного функционирования крупного производственного предприятия являются слаженная работа сотрудников всех уровней, что определяется в первую очередь высоким уровнем их коммуникации. Например, от способности мастера цеха правильно определить задачу и объяснить ее непосредственному исполнителю, зависит качественное выполнение работы. Этот принцип важен в сотрудничестве работников как внутри подразделения, так и между структурными подразделениями. Очевидно, что некорректная коммуникация между работниками неизбежно породит конфликт.

Рассмотрим способы, которые используются для предотвращения производственных конфликтов. Профессиональные конфликты между сотрудниками будут существовать всегда, их нельзя полностью избежать, оградиться от них. Задача руководителей находить способы, чтобы сократить количество конфликтных взаимодействий среди своих сотрудников. Например, рабочее место человека должно быть сбалансировано, для этого каждому сотруднику нужно предоставить условия, оборудования, средства, необходимые для комфортной и эффективной работы. Также руководитель должен сделать все возможное, чтобы работники, занимающиеся одним делом, имели примерно равные права, и обязанности были равномерно распределены между ними. Для предупреждения возникновения конфликтов руководству необходимо наладить коммуникацию между сотрудниками при помощи повышения компетентности работников и проведения совместных тренингов,

результатом которых станет высокая сплоченность команды

Мы рассмотрели виды конфликтов, описали некоторые функции развития конфликтного взаимодействия, также выделили три основные фазы протекания профессиональных конфликтов. На примере крупного промышленного предприятия мы обсудили главные причины формирования конфликтов на производстве. Также предложили способы предупреждения конфликтных ситуаций.

Список литературы

1. *Белаш Н.В.* Эстетика повседневности в современной культуре // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 4 (44). С. 4-9.
2. *Бортнюк О.А.* Основания и измерения современного мировоззрения // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 6 (46). С. 98-103.
3. *Гусева Ж.И.* Особенности планирования производства на авиационном предприятии // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 4 (52). С. 99-104.
4. *Кириченко Л.П., Мотырева А.С.* Экономическая эффективность системы организации труда на предприятии // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 8 (56). С. 112-118.
5. *Крючко Е.А., Кузнецова О.Р.* Определение направлений развития производства в условиях преференциального режима территории опережающего социально-экономического развития // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 2 (50). С. 98-102.
6. *Ларченко Ю.Г., Шушарина Г.А.* Интернет-технологии в современной туристической индустрии // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 2 (50). С. 109-113.
7. *Лебедева К.Е., Высоцкая А.В.* Голосовые помощники // Научно-практические исследования. 2020. № 1-3 (24). С. 192-194.
8. *Липовка Н.П., Арнаутова Е.А.* Влияние инноваций на экономику предприятия // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2020. № 1 (26). С. 46-49.
9. *Мальшева Н.В.* Профессиональная самопрезентация в резюме и сети Instagram // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 4 (44). С. 42-47.
10. *Морозов Н.М.* Грани личности Ивана Сафронова & антропология одного трудового конфликта (1953 ГОД) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. Т. 2. № 1 (41). С. 28-37.
11. *Наливайко Т.Е., Гранина Н.М.* Информационная культура личности: анализ существующих научных подходов к толкованию понятия // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. Т. 2. № 4 (40). С. 50-56.
12. *Наливайко Т.Е., Гранина Н.М.* К вопросу изучения феномена информационной культуры личности // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. Т. 2. № 1 (41). С. 38-42.
13. *Непочатова В.М.* Речевая культура и языковая норма. русский словесный акцент // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. Т. 2. № 2 (38). С. 23-26.
14. *Положенцева Ю.С., Согачева О.В., Бянкин А.С.* Мониторинг трендов развития цифровой трансформации промышленного комплекса // Вестник Академии знаний. 2021. № 5 (46). С. 263-269.

15. Савелова Е.В., Богомазова Д.В. Мифологические основания современной корпоративной культуры // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 6 (46). С. 14-20.
16. Семёнов А.Б. Отражение расовых конфликтов в современной массовой культуре: культурно-исторический анализ явления // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 8 (48). С. 28-32.
17. Тимофеева И.Ю. Феномен партиципации в современной культуре // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 8 (56). С. 49-53.
18. Чуриков А.В. Роль программного управления в решении социально-экономических проблем // Научные вести. 2020. № 3 (20). С. 214-218.
19. Шушарина Г.А. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации в деловом общении // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 8 (56). С. 73-78.
20. Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В. Сопоставительный анализ текстов онлайн-переводов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). С. 185-192.

10.02.01

Чжао Яшу

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации,
Москва, zhaoyashu1992@163.com

ТЕМАТИКО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИДИОСТИЛЯ ИВАНА ИЛЬИНА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ»)

В данной статье произведен анализ индивидуально-художественного авторского стиля, как системы эстетически-творческого подбора и расположения составляющих элементов, художника слова И.А. Ильина. Текст книги «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» анализируется с позиции композиционного содержания, а также лексической и синтаксической идиостилистики.

Ключевые слова: *идиостиль, композиция, тематическое эссе, творческая мысль, лексическая стилистика, синтаксическая стилистика.*

Термин «идио» происходит от греч. «idios», что в переводе обозначает «уникальный», «своеобразный», и подразумевает составную часть сложных слов, которая привносит значение «собственный», «свой», «уникальный» [3]. Сам термин идиостиль принадлежит В.П. Григорьеву, который впервые ввел его в широкое употребление, причем сам автор тут же подверг его сомнению с точки зрения реальности обозначаемого им понятия: «Что касается реальности идиостиля, то его «литературоведческая реальность», ощущаемая читателями специфичность индивидуальных стилей, насколько известно, вообще не ставилась под сомнение» [4: 56]. Термин «идиостиль» вместе с термином «идиолект» получили распространение, но применялись по преимуществу в отношении к произведениям художественной литературы. Наше исследование посвящено автору, который ценится более всего как философ, но философ, обладающий настолько своеобразным, близким к художественному стилем, что его ни с кем не спутаешь. Не зря Иван Ильин был близким другом Ивана Шмелева и Бориса Зайцева, блестящих представителей русской зарубежной классики XX столетия.

Сошлемся также на исследования научного идиостиля выдающихся ученых-русистов, которые были инициированы В. И. Аннушкиным в двух работах об идиостиллях академика В. В. Виноградова [1: 161-200] и академика В. Г. Костомарова [2: 25-33]. Так что настоящая краткая статья имеет цель обратиться к стилевому творчеству писателя, который одновременно числил себя и философом, и ученым-правоведом, и политологом (хотя такой термин во времена И. А. Ильина не употреблялся), и художником слова.

Индивидуально-художественный стиль создает в сознании читателя образ автора как человека, имеющего свой неповторимый стиль мысли и изложения. Анализ языковых особенностей творчества позволит раскрыть идейное своеобразие текстов, нарисовав общие черты стиля создателя текста.

Композиционно книга «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» состоит из предисловия, пяти смысловых частей, послесловия. И.А. Ильин считает, что главной задачей своего творчества является негласный диалог с читателем. Уже во введении мы находим подтверждение этому. Автор желает установить духовную связь с читателем: «Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать? Увидят ли то, что он хотел показать? Почувствуют ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? От этого зависит так много... И прежде всего – состоится ли у него духовная встреча с теми далекими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?» [2: 7].

Философ не столько пытается подобрать правильный ритм и стиль, сколько посредством своего текста стремится поделиться творческими мыслями и искренними чувствами. И ему это удастся: с первых страниц книга словно начинает овладевать читателем. Читателя удивляет то, как просто и умело автор доносит, на первый взгляд, не самые простые для понимания рассуждения, с какой точностью передаются эмоциональные переживания и размышления.

Что касается композиционного устройства, то стоит отметить, что каждый из разделов книги имеет свое тематическое название, а также включает в себя от пяти до восьми параграфов, которые по своему жанровому содержанию являются небольшими эссе. Например, в разделе «Первые лучи» читатель сможет найти рассуждения о базовых этических понятиях на такие темы: «Без любви», «О справедливости», «Его ненависть», «Моя вина», «О дружбе».

Объем каждого тематического эссе, являющегося частью раздела, приблизительно одинаковый. По содержанию каждое эссе можно разделить на две составляющих: 1. Постановка проблемы: «Ты думаешь, что можно прожить без любви <...>. Ты и прав, и не прав» [2: 9]. 2. Свое мнение по вопросу с обоснованием собственной позиции, т.е., по сути, решение поставленной проблемы: «Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нем просыпается и им овладевает <...>. Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть главная выбирающая сила в жизни» [2: 9-11].

Отличительной особенностью текстов И.А. Ильина является острая и необычная постановка проблемы и столь же остроумный и своеобразный поиск решения, хотя автор часто позволяет себе начать повествование с вольных размышлений. Так, И.А. Ильин использует следующие стилистические обороты для начала повествования:

1. Риторический вопрос: «Ты думаешь, что можно прожить без любви?» [2: 9]; «Вы не знали моего прадеда?... Жаль...» [2: 100].

2. Рассуждение: «С незапамятных времен люди говорят и пишут о справедливости: может быть, даже с тех самых пор, как вообще начали говорить и писать...» [2: 16].

3. Многосоюзие: «Притаившись, мягким пластом лежит она в колеях проселочной дороги и ждет только повода, чтобы взмыть и полететь: ветер *ли* заиграет, лошадь *ли* поднимет ее копытом или колесом <...>» [2: 89].

4. Императив: «Как только ты почувствуешь себя страдающим, телесно или душевно, – *вспомни* сейчас же, что ты не один страдаешь и что всякое страдание – всякое без исключения – имеет некий высший смысл» [2: 208].

5. Афористическое высказывание: «Есть только одно истинное «счастье» на земле – пение человеческого сердца» [2: 309].

Стоит отметить, что при попытке разрешения поставленной проблемы, автор бывает весьма категоричен в собственных высказываниях, которые направлены не только на читателя, но, в первую очередь, и на самого себя. Самокритика способствует расширению поиска возможных путей решения проблемы, разоблачению, которое поможет второму участнику негласного диалога легче признать свои собственные заблуждения, а также лучше понять автора: «Нет, я еще не научился распознавать и нести свою вину. <...> Как тяжело, подчас мучительно трудно бывает установить и признать свою вину» [2: 36].

Такое умение критически оценивать собственную личность позволяет открыть свою личность для читателя в гораздо большей степени, чем, если бы автор предпочел избегать подобных обсуждений.

Теперь выскажем несколько наблюдений над лексической и синтаксической идиостилистикой И.А. Ильина. Главной отличительной особенностью текстов Ильина является активный диалог автора со своим читателем. Автор не просто задает вопросы и прилагает к ним свод готовых ответов, но также пытается направить мысль читателя, дать ему совет или поддержать: «Как только ты почувствуешь себя страдающим <...> *вспомни*, что ты не один страдаешь <...>. И тотчас же придет облегчение. Ты страдаешь не один, потому что страдает вокруг тебя весь мир» [2: 208].

В текстах Ильина можно отчетливо проследить переплетение философии и религиозного содержания: «исповедует вместе с Сократом, что Божьему слуге не может приключиться зла» [2: 296].

Автор придает философской мысли более жизненный, практический характер: «это было бы философское исследование, созерцание и теоретическое рассмотрение. Вопрос должен быть поставлен практически, чтобы сделать, поступить, осуществить. А так как каждый практически-жизненный случай индивидуален, то необходимо искать не общего правила, а личного указания для личного поведения в данном конкретном жизненном случае» [2: 227-228].

При этом религиозный мыслитель видит потребность наполнить подобную практическую философию религиозным содержанием, при котором понимание Бога, религии станет главным фактором в формировании мировосприятия и выбора жизненных ориентаций: «в акте совести человек воспринимает от Бога откровение, любовь и свет новой жизни» [2: 278]; «самому идти через жизнь, проходя *ответственный, сердечно-искренний и творческий* путь» [2: 298].

Мыслитель является глубоко верующим человеком, для которого религиозная жизнь приравнивается к нравственной и высоко духовной: «Бог есть первый и высший источник живой любви» [2: 173].

Важно отметить функции частых повторов в тексте, что придает ему особый ритм, увлекающий читателя: «О, чистота сердца! О, прозрачная, щедрая мудрость! Но *как* великолепны, *как* ослепительны его *отраженные видения...* *Как* верно воспринимает его гладь эти дары, *как* охотно и радостно отдает их всякому оку... <...> О, смирение духа! О, созерцательность покоя! О, радость служения!» [2: 143]. Данный прием способствует усилению идеи.

Важную роль играют окказионализмы, с помощью которых автор обогащает литературный язык, передает всю чувственность и глубину своих мыслей. Они делают текст автора особым, не похожим ни на чьи труды. Можно выделить следующие окказионализмы: «умиряюще» (в значении – утешающе, заставляющее смириться); «полуделание» (что-то сделанное наполовину, неоконченное); «первопославший» (тот, от кого исходит некий первоначальный посыл) и т.д.

Необходимо отметить, что в книге И.А. Ильина встречается большое количество архаизмов. Благодаря архаичным выражениям и словам, переплетающимися с рассуждениями о Боге и важности религии, текст проникается религиозной глубиной, способствует мысленной параллели с исходными текстами молитв на старославянском. Например: «зложелательство», «прикровенно» и т.д.

Также в тексте присутствует большое количество риторических вопросов, которые имеют достаточно яркие эмоциональные оттенки. Именно они способствуют построению того самого диалога с читателем, помогают найти в читателе живой отклик, возбуждают фантазию читателя, обращают ее в нужном автору направлении.

Большое количество философских и религиозных терминов в тексте, а также особая его теологическая направленность, открытость автора для диалога, его стилистические и лексические приемы открывают для читателя возможность своеобразного медитативного исследования своей личности, они создают особый духовный настрой.

Таким образом, можно выделить следующие характерные черты идиостиля автора «Поющее сердце». Свою главную задачу автор видит в построении диалога со своим читателем, в поиске путей взаимодействия. По композиционному устройству текст книги выстраивается в форме небольших эссе. Автор использует такие стилистические обороты как риторический вопрос, многосоюзие, афористическое высказывание, императив и т.д. Язык повествования носит «живой» характер, что также помогает автору добиваться поставленной цели.

Приведенные наблюдения над текстом книги И.А. Ильина «Поющее сердце» позволяют сделать вывод о том, что в лице автора русская научная и художественная литература приобрела своеобразного мыслителя-стилиста, который не только решает важнейшие вопросы смысла человеческой жизни, но и выражает свои идеи богатым, выразительным, или, как он сам писал, «дивным, могучим и поющим языком».

Список литературы

1. *Аннушкин В.И.* Индивидуально-авторский стиль академика Виноградова и его последователей // Но мы сохраним тебя, русский язык!: Коллективная монография, посвященная 90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова / отв. ред. В.И. Карасик. - М., Флинта, 2020. - С. 161-200.
2. *Аннушкин В.И.* О философии языка и стиле речи академика В.Г. Костомарова // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. Журнал Российского профессорского собрания. - М., 2020. № 2 (2). - С. 25-33.
3. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/94218291/> (Дата обращения: 06.05.2022).
4. *Григорьев В.П.* Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М.: 1983. – С. 54-105.
5. *Ильин И.А.* Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / Иван Ильин. – Изд. 6-е. – М.: ДАРЪ, 2013. – 320 с.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***Н.А. Аксюхин**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
аспирантская школа по филологическим наукам,
школа лингвистики,
Москва, nick-orel@bk.ru

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ
С ПОЗИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРАГМАТИКИ**

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление особенностей просодического оформления речи участников международного делового общения, для которых английский не является родным языком. Было установлено, что риторическая компетентность участников дискурса проявляется в уместном выборе просодических средств, что позволяет компенсировать трудности, связанные с акцентной маркированностью речи.

Ключевые слова: межкультурная прагматика; просодические средства; контекст; прагматическая компетентность; речевое взаимодействие.

Современное международное деловое общение на английском языке характеризуется целым рядом особенностей, связанных с составом участников, принадлежащих к разным лингвокультурам и использующим в ходе взаимодействия English as a Lingua Franca (ELF). Эта специфика проявляется, в том числе, и в использовании фонетических средств.

Считается, что просодические характеристики речи отражают особенности контекста, как локального, так глобального (социокультурного). Однако интерпретировать особенности просодической реализации в межкультурном деловом взаимодействии, где используется Business English as a Lingua Franca, сложнее. Следует учитывать не только степень акцентной маркированности речи участников дискурса, которые представляют различные языковые сообщества, но и специфику восприятия ими социокультурных конвенциональных правил деловой коммуникации [2].

В межкультурном деловом общении с участием ненативных носителей языка выбор просодических средств мотивирован не только ситуативными и контекстными факторами, которые влияют на процесс взаимодействия и на его результат, но и целым рядом других параметров. В частности, согласно положениям межкультурной прагматики, необходимо включать в сферу изучения такие параметры, как прагматическая и социокультурная компетенция участников коммуникации [4].

Межкультурное взаимодействие предполагает различное понимание уместности выбора интонационного оформления высказывания, которое варьируется в разных лингвокультурах. Незнание социокультурных норм и нехватка опыта межкультурного общения, а также нежелание адаптироваться к новому социокультурному и языковому контексту может привести к серьезным коммуникативным срывам. Тем не менее, выбор адекватных просодических средств снимает возможные трудности, связанные с акцентной маркированностью звучащей речи. Выбор просодических средств в межкультурном деловом общении направлен на обеспечение понятности и доступности смысла сообщения.

В статье представлены некоторые наблюдения, сделанные в ходе исследования, проведенного на материале образцов деловых публичных выступлений. В результате дискурсивного, перцептивного и электро-акустического анализа выступлений представителей различных стран (Бельгия, Индия и Малайзия), реализованных в формате онлайн-конференции, были выявлены особенности просодического оформления речи участников делового взаимодействия, для которых английский не является родным языком (L2 speakers).

Прежде всего, необходимо отметить, что с точки зрения композиционных особенностей, наблюдается трехчастное построение выступления: введение, основная часть и заключение. Более того, речь всех информантов оформлена согласно классической структуре деловой презентации: представление себя как лица своей организации, комментарий о деятельности организации, обсуждение частных вопросов, прогноз развития компании в будущем, ответы на вопросы. Характерно, что выступления не сопровождаются видеорядом, способ изглашения импровизационный без опоры на заготовленный текст. Речь логична, доступна и понятна. Среди трех выступлений только у представителя из Индии речь обладает экспрессивной окраской.

Все участники конференции обладают высоким уровнем владения английским языком, однако в речи встречаются как произносительные, так и лексико-грамматические ошибки. Тем не менее, наличие такого рода недочетов не затрудняет понимание высказывания, коммуникативная задача выполняется. Общими для всех информантов являются следующие лексико-грамматические неточности: некорректное использование степеней сравнения прилагательных, образование наречий, согласование времен.

Следует отметить, что фонетическая вариативность наиболее ярко проявляется на сегментном уровне, поскольку каждого участника конференции характеризуют свои уникальные произносительные особенности. Речь каждого участника в той или иной степени акцентно маркирована. В речи всех участников наблюдаются общие сегментные особенности, например: качественная редукция гласных звуков /i:/ и /ɔ:/; отсутствие аспирации при произнесении звуков /p/, /t/, /k/; окказиональная замена фонемы /æ/ на /e/ или /ʌ/. Данные особенности наряду с характерными индивидуальными особенностями не затрудняют понимание для слушателей. Более того, речь участников соответствует критерию понятности и доступности смысла (intelligibility).

В речи всех участников отмечается тенденция к неправильному расположению ударения в словах colleague /kɒ'li:g/. Можно предположить, что вариант с ударением на втором слоге является «переходным», и, вероятнее всего, в скором времени будет описан как один возможных вариантов произношения.

Особенности просодического оформления речи оценивались нами по следующим параметрам: расположение словесного ударения, беглость речи, уместное расположение синтаксических пауз, уместный выбор ядерных тонов, выделение смысловых центров, средняя длительность пауз, средняя длительность эмфатических пауз, уровень тона, а также общая степень понятности (intelligibility).

Обобщённые выводы о сверхсегментных особенностях произношения участников конференции представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Сверхсегментные характеристики речи участников деловой коммуникации, говорящих на ELF

Страна, родной язык (L1)	Бельгия (L1 – русский)	Индия (L1 – хинди)	Малайзия (L1 – малазийский)
<i>Сверхсегментные характеристики</i>			
Правильное расположение словесного ударения	+	+	+
Беглость речи	+	+	+
Уместное расположение синтаксических пауз	-	+	+/-
Уместный выбор ядерных тонов	-	+	+/-
Выделение смысловых центров	-	+	+
Вариативность тонального уровня	-	+	+
Использование эмфатических пауз	-	+	-
<i>Степень понятности</i>	средняя	высокая	высокая

Как показывает анализ публичных выступлений, именно просодические средства оказывают наибольшее воздействие на слушателя и способствуют пониманию звучащей речи. В контексте бизнес коммуникации соответствие интонационного оформления речи риторическим требованиям напрямую влияет на адекватность переданного сообщения.

Ясность речи и доступность смысла достигаются за счет корректного и ситуативно-уместного использования сверхсегментных характеристик. Адекватность применения данных средств демонстрирует уровень прагматической компетентности участников взаимодействия. Более того, верный выбор просодических средств помогает выстроить логику высказывания, выделить смысловые центры, что способствует оптимизации передачи информации.

Владение фонетической компетенцией является необходимым условием для выстраивания эффективного взаимодействия в межкультурной деловой коммуникации.

Таким образом, несмотря на то, что понятность высказывания во многом обеспечивается за счет корректного произношения звуков, одних лишь сегментных характеристик недостаточно для достижения взаимопонимания в межкультурном деловом общении. Развитие фонетических навыков напрямую влияет на уровень прагматической компетентности оратора. Риторическая (прагматическая) компетентность проявляется в выборе адекватных просодических средств, которые снимают трудности, связанные с акцентной маркированностью речи.

Список литературы

1. Аксютин Н.А., Фрейдина Е.Л. Прагматико-дискурсивные свойства англоязычного делового дискурса в формате онлайн конференции / Н.А. Аксютин, Е.Л. Фрейдина // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 1. Часть 2. – С. 416–423.
2. Фрейдина Е.Л. Социокультурные источники вариативности английского произношения в современном устном речевом дискурсе / Е. Л. Фрейдина // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 1. – С. 282-291.
3. Kecskes I. Intercultural pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2014. – 288 p.
4. Setter J. Your Voice Speaks Volumes. Oxford: Oxford University Press, 2019. – 229 p.

10.02.04

О.Н. Баклашкина, М.А. Егорова, М.И. Литвин

Байкальский государственный университет,
Кафедра иностранных языков для профессиональных целей,
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Иркутск, olesyanb@yandex.ru, archermarina1@yandex.ru, litvin.m.i@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены результаты комплексного анализа лексем, обозначающих колоративные характеристики цветовой палитры ведущих производителей художественных материалов Faber Castell, Lyra и Dervent Artists, выявлена специфика колоративной лексики, ее структурно-семантические свойства и особенности лексикографического представления цветообозначения в английском языке.

Ключевые слова: *цветовая картина мира, колоративы, восприятие, референтные прилагательные.*

Вся жизнедеятельность человека напрямую связана с восприятием окружающего мира, представленного разнообразной цветовой гаммой. Известно, что глаз человека способен различать примерно 13 тысяч цветов, но количество цветов, которые каждый человек способен воспринимать и различать, существенно отличается, поэтому не существует универсальной цветовой картины мира одинаковой для всех людей [1, 2].

Целью данного исследования является анализ лексем, используемых для цветоописания в английском языке, а также выявление их структурно-семантических свойств и особенностей лексикографического представления цветообозначения.

Лингвокультурологический подход позволяет исследовать структурно-семантические особенности цветообозначений (колоративов), выявив их семантическую специфику, обусловленную лингвистическими и культурологическими факторами.

Для того чтобы выявить специфические черты колоративной лексики в английской языковой картине мира, следует обратиться к самому слову цвет (как хроматический тон, колер), которое имеет двойственное написание (в американском варианте — color, а в английском — colour [3]), и определяется как хроматический тон или качество цвета, благодаря которому один цвет отличается от другого, т. е. само это определение включает в себе множественность интерпретаций, а соответственно, и значительное количество лексем, обозначающих это отличие. Одна из базовых цветовых классификаций, предполагающая деление цветов на две большие группы — теплые и холодные, осуществляется по различным основаниям. Так, «cold (или cool) colours (холодные цвета) — это оттенки цветов, близкие к цвету воды и льда, а warm colours (тёплые цвета) — это все оттенки, близкие к цвету пламени, солнца» [3, с.278].

Наиболее репрезентативным будет анализ цветовой палитры, представленной ведущими производителями в области изготовления полихромных карандашей — Faber Castell, Lyra и Dervent, т. к. карандаши являются наиболее часто и повсеместно используемым художественным материалом (как профессиональными художниками, так и любителями).

Старейший лидер в отрасли производства цветных карандашей немецкий бренд Faber-Castell, выпускающий полихромные карандаши с 1761 г., в настоящее время имеет наиболее полную палитру цветных карандашей, представленную серией Albrecht Dürer (120 цветов), поэтому именно она была выбрана для анализа колоративной лексики. Также для анализа была использована продукция немецкого бренда Lyra, серия Rembrandt polycolor professional, состоящая из 72 цветов, и серия профессиональных полихромных карандашей Dervent Artists (120 цветов) английской марки Dervent, позволяющих максимально полно изучить английские колоративы.

Согласно традиционной цветовой классификации выделяют следующие цветовые группы: 6 основных цветов (красный, желтый, зеленый, синий, черный и белый), 5 смешанных цветов (оранжевый, розовый, фиолетовый, серый и коричневый) и сложные (или составные). Спецификой палитры ведущих производителей полихромных карандашей является отсутствие 4 основных цветов (красного, желтого, зеленого и синего) за исключением черного и белого, и смешанных, поэтому практически вся цветовая гамма, представленная ими, состоит из сложных цветов.

Анализ цветовой палитры ведущих производителей художественных материалов, нашедшей воплощение в цветообозначении серий профессиональных полихромных карандашей Faber Castell Albrecht Dürer, Lyra Rembrandt polycolor professional и Derwent Artists, позволил получить следующие статистические данные:

1) колоритивы палитры Faber Castell Albrecht Dürer, в основном состоят из двух, трех и более слов (21 — из одного слова; 68 — из двух слов и 31 — из трех и более слов);

2) колоритивы палитры Lyra Rembrandt polycolor professional состоят из двух, трех и более слов (12 — из одного слова; 57 — из двух слов и 3 — из трех и более слов);

3) колоритивы палитры Derwent Artists состоят из двух, трех и более слов (23 — из одного слова; 92 — из двух слов и 5 — из трех и более слов).

Таким образом, изучение колоритивных лексем позволяет констатировать, что в названиях палитр данных производителей доминируют сложносоставные цветообозначения. Подобная детализация цветообозначения в английском языке говорит о перманентно-присущей языковой потребности в максимально точном и подробном описании цвета, отражающего цветовую картину мира англоговорящего арт-сообщества.

Изучение цветолексем позволяет выделить наиболее важные цвета в колоритивной картине мира, а именно частое использование различных оттенков *зеленого цвета* (Faber Castell Albrecht Dürer использует «green» в составе 20 колоритивов (из 120), Lyra Rembrandt polycolor professional — 13 (из 72), а Derwent Artists — 19 (из 120). Например, необходимо указать на широкое использование цветолексем различных оттенков *зеленого цвета* — палитра Faber Castell Albrecht Dürer: *leaf green, juniper green, emerald green, light phthalo green, phthalo green, Hooker's green* и др.; палитра Lyra Rembrandt polycolor professional: *night green, sea green, hooker's green, true green, emerald green, juniper green, sap green, moss green* и др.; палитра Derwent Artists: *may green, turquoise green, jade green, cobalt green, fir green, spruce green* и др. Кроме этого, в названии цветов используются слова «grey» и «blue» (Faber Castell Albrecht Dürer использует «grey» в составе 12 колоритивов, а «blue» — 6, в палитре Lyra Rembrandt polycolor professional «blue» встречается в составе 6 колоритивов, а в Derwent Artists — «blue» в 14, а «grey» в 6), также часто используется хроматоним «violet» (4, 5 и 8). Например, цветолексем различных оттенков *синего цвета* — палитра Faber Castell Albrecht Dürer: *phthalo blue, ultramarine, blue violet, light ultramarine, delft blue, cobalt blue* др.; палитра Lyra Rembrandt polycolor professional: *delft blue, deep cobalt, light cobalt, sky blue, light blue, true blue, oriental blue, prussian blue, peacock blue, paris blue* и др.; палитра Derwent Artists: *blue violet lake, delft blue, royal blue, smalt blue, cobalt blue, sky blue, spectrum blue, prussian blue, indigo* и др.

Красный цвет представлен следующим образом: палитра Faber Castell Albrecht Dürer — *light cadmium red, scarlet red, india red, deep red, dark red, alizarin crimson* и др.; палитра Lyra Rembrandt polycolor professional — *wine red, scarlet lake, rose carmine, venetian red* и др.; палитра Derwent Artists — *scarlet lake, venetian red, bright red, claret, ash rose, rose pink, rioja* и др.

Единственным колоритивом, состоящим из одного слова, встречающимся у всех производителей, является «magenta», что говорит о культурно-обусловленной традиции цветоименования.

Таким образом, данные палитры могут быть разделены на две группы:

1) односоставные, которые в свою очередь, разделяются на основные (*black* и *white*) и референтные (содержащие в своей основе референт, который лежит в основе словообразования, указывая на объект или явление окружающего мира);

2) сложносоставные, которые делятся на три группы — оттеночные (имеющие в своем составе слова, указывающие на оттенок, например, *bright*, *light*, *dark* и т. д.), комбинированные (состоящие из двух и более прилагательных, например, *blue-red*, *green-yellow*) и референтные (*kingfisher*).

Группа референтных прилагательных является самой многочисленной. Среди односоставных английских колоротивов, используемых производителями профессиональных полихромных карандашей, только два (*black* и *white*) не являются референтными. Также, они доминируют во второй группе цветообозначений — сложносоставных.

Первая группа колоротивов (оттеночных) в составе сложносоставных представлена следующими цветообозначениями: *light yellow glaze*, *light cadmium yellow*, *dark cadmium yellow*, *light magenta*, *dark indigo* и т. д. Вторая группа колоротивов (комбинированных) в составе сложносоставных представлена следующими цветообозначениями: *red violet*, *orange yellow*, *blue violet*, *grey green* и др. Третья группа колоротивов в составе сложносоставных состоит из референтных.

Все цветообозначения состоят из отдельных слов или словосочетаний, вызывающих колоротивные ассоциации, как в прямом, так и в переносном значении, благодаря их характерной окраске. В зависимости от того, к каким предметам или явлениям окружающего мира отсылают названия английских колоротивов, их можно разделить на хроматонимы, содержащие названия цветов (*buttercup yellow*, *rose pink*), растений (*autumn leaf*, *heather*, *moss green*), деревьев (*mahogany*, *cedar green*), кустарников (*juniper green*, *olive green*), плодов (*lime*, *lemon cadmium*), животных (*ivory*), птиц (*canary yellow*), камней (*jade green*), минералов (*manganese violet*), металлов (*gold*, *middle chrome*, *deep chrome*), драгоценных камней (*emerald green*, *aquamarine*), объектов и явлений природы (*sunset gold*, *fell mist*), продуктов питания и напитков (*champagne*, *claret*, *chartreuse*, *chocolate*), географические обозначения (*naples yellow*, *delft blue*, *prussian blue*), персоналии (*vandyke brown*, *hooker's green*, *payne's grey*).

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что колоротивы отражают специфику восприятия окружающего мира, акцентируя внимание на наиболее типичном и значимом явлении окружающей действительности для носителей того или иного языка. Анализ колоротивной лексики в английском языке позволяет констатировать, что он отличается довольно подробной детализацией цветовой картины мира, нашедшей воплощение в цветообозначающей лексике (многочисленных английских колоротивах).

Список литературы

1. Рац А.П. Основы цветоведения и колористики. Цвет в живописи, архитектуре и дизайне. — Москва : МГСУ, 2014. — 128 с.
2. Сизеран Р. Современная английская живопись. — Москва : Изд-во В. М. Саблина, 1908. — 275 с.
3. Азаров А.А. Англо-русский энциклопедический словарь искусств и художественных ремёсел. The English-Russian Encyclopedic Dictionary of the Arts and Artistic Crafts. — В 2 т. Т. 1. — Москва : ФЛИНТА, 2019. — 648 с.

10.02.04

О.Н. Баклашкина, С.С. Луц, Н.В. Максимова

Байкальский государственный университет,
кафедра иностранных языков для профессиональных целей,
Иркутск, olesyanb@yandex.ru, ssysoeva@yandex.ru, namax@bk.ru

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье представлен анализ употребления притяжательных местоимений/прилагательных с целью определения когнитивных основ категории притяжательности в английском, французском и русском языках. Затрагиваются вопросы категорий обладания и принадлежности. Проводится сравнительный анализ, выявляются общие характеристики и различия.

Ключевые слова: *притяжательные местоимения, притяжательные прилагательные, посессивность, обладание, принадлежность.*

Когнитивная лингвистика, будучи наукой междисциплинарной, способствует более «глубокому погружению в семантику грамматических и лексических единиц, так как является междисциплинарной и привлекает достижения других наук, изучающих человека [2, с.37]. Целью данного исследования является интерпретация репрезентации категории притяжательности посредством притяжательных местоимений / прилагательных в английском, французском и русском языках.

В любом языке мира притяжательные местоимения отражают отношения, которые человек выстраивает между собой и окружающим его миром посредством восприятия и своего позиционирования внутри этого мира [1]. Актуальность выбора для исследования этих трех языков обусловлена тем, что в русском языке притяжательные местоимения употребляются намного реже по сравнению с английским и французским языками, что объясняется различиями семантических полей, составляющих личную сферу обладателя. Можно предположить, употребление или неупотребление притяжательного местоимения / прилагательного определяется необходимостью отделить личную сферу обладания от чужой сферы обладания: если контекст позволяет определить субъекта обладания, то никаких дополнительных элементов языка не требуется, и наоборот, если существует необходимость выразить отношения обладания между субъектом и другим предметом, который является чуждым, то употребление притяжательного местоимения обязательно.

Говоря о категории притяжательности (обладания), следует отметить, что в типологической классификации языков лингвисты давно используют такую характеристику как *быть-языки* и *иметь-языки*. Так, например, английский глагол *have* (*иметь*) и французский *avoir* (*иметь*) позволяют устанавливать связь между индивидом и элементом его личной сферы (*A girl has a beautiful dress / La fille a une robe. – У девочки красивое платье*). Глаголы *have* и *avoir* также могут устанавливать отношение индивида к частям тела (*Ann has blond hair/Anne a les cheveux blonds – У Анны светлые волосы*), отношение одного индивида к другому, с которым у него есть какая-либо связь, семейного или социального типа (*Tom has a brother/Tomas a un frère – У Тома есть брат; Mary has a good boss/Marie a un patron – У Мэри хороший начальник*), отношения индивида с физическими или психическими состояниями (*I have a flu/J'ai la grippe – У меня грипп*) и т.д. Что касается русского глагола *иметь*, то он позволяет установить относительно ограниченное количество отношений между индивидом и элементом из его личной сферы. Наиболее общий способ установления отношений принадлежности в русском языке состоит в том, чтобы ввести обладателя через пространственную привязку, относительно которой будет локализован объект обладания:

У девочки есть красивое платье. Форма глагола *есть*, которая употребляется в данной фразе, стоит в третьем лице единственного числа и образована от глагола *быть*. В русском языке объект обладания стоит в именительном падеже, а субъект обладания в родительном падеже, которому предшествует предлог *у*, управляющий этим падежом. Таким образом, с точки зрения типологической классификации языков, русский язык относится к *быть-языкам*, а английский и французский – к *иметь-языкам*, а отношения обладания в русском строятся через принадлежность с использованием глагола *быть*, а не глагола *иметь*.

В отличие от английского и французского языков, в русском языке мы скорее говорим о категории принадлежности, а не о категории обладания, и притяжательные местоимения характеризуют объекты в соответствии с их принадлежностью к участникам речи. И именно в этом состоит, по нашему мнению, принципиальная разница в употреблении местоимений в анализируемых языках: в русском языке на первый план выходит объект обладания, в то время как в английском и французском – сам субъект обладания.

Очень интересно, на наш взгляд, определяет притяжательные местоимения Поль Гард. Так, он выделяет новый термин «зависимость» для описания отношения принадлежности-обладания: «Притяжательные местоимения – это местоимения-прилагательные, образованные от личных местоимений, обозначающих зависимость соответствующего лица от существительного» [4, с.263]. Подобная трактовка местоимений интересна тем, что в английском и французском языках притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные представляют собой совершенно разные языковые знаки. Поэтому, когда притяжательное местоимение в русском языке выражает такую зависимость, то оно полностью коррелирует с притяжательным прилагательным в английском (*my, your, his, her, their, our*) и французском (*mon, ton, son, notre, votre, leur*) языках. Одновременно с этим, русские притяжательные местоимения могут соответствовать английским (*mine, his, hers, ours, yours, theirs*) и французским (*le mien, le tien, le nôtre, le vôtre, le leur*) притяжательным местоимениям.

Сравнительный анализ притяжательных местоимений в русском и притяжательных прилагательных в английском и французском языках показывает, что система русских притяжательных местоимений неоднородна [3]: только первые два лица (*мой, твой, наш, ваш*) имеют притяжательное местоимение, для третьего лица в этой функции используется родительный падеж личного местоимения (*его, её, их* = Р.п. от *он, она, они*). Согласно М. Guiraud-Weber [5, с.44], современный русский язык «так проявляет наследие древнеславянского языка, в личную систему местоимений которого вошли только первые два лица, непосредственные участники акта речи: говорящий и собеседник».

Важно указать, что употребление притяжательных прилагательных в английском и французском языках гораздо шире, чем в русском языке. Следовательно, использование английских и французских притяжательных прилагательных не всегда подразумевает употребление притяжательного местоимения в русском языке и в этом случае мы можем говорить о нулевом использовании притяжательного местоимения: *Она вздрогнула и позвала мужа.* - *She flinched and called her husband / Elle sursauta à l'appel de son mari.* В данном примере мы можем увидеть, что в русском языке нет необходимости уточнять чей муж, используя притяжательное местоимение *свой*, так как сам контекст указывает на то, что *она* позвала своего мужа, а не чужого.

Притяжательное местоимение *свой* является специфическим элементом русского языка, не имеющим эквивалента ни в английском, ни во французском языках. Однако, мы попытаемся показать, что найти его эквивалентное употребление в обоих языках возможно. В действительности, это местоимение отсылает к субъекту обладания, ранее заявленному в предложении, поэтому рассмотрим сначала посессивное значение: *Он увидел своего друга* – *He saw his friend* – *Il a vu son ami* -. Так, мы можем выстроить пресуппозицию - *У него есть друг*, что указывает на посессивный характер местоимения *свой*. Местоимение *свой* используется, когда субъекта обладания путают с субъектом предложения: *Он посмотрел на свой палец* – *He looked at his finger* – *Il a regardé son doigt*.

Местоимение *свой* может употребляться там, где возможно использование притяжательного местоимения или оно совсем необязательно: *Мы дорожим своими клиентами (нашими / ø) – We value our clients – Nous tenons à nos clients*. Если мы проанализируем фразу *Я беру свою (мою / 0) книгу*, то становится очевидным, что в английском и французском языках мы обязательно употребим притяжательное прилагательное *мою*: *I take my book / Je prends mon livre*.

Если же в этом примере мы употребим притяжательное местоимение *её*, то обладатель будет отличным от субъекта предложения, т.е. кто-то другой: *Я беру её книгу (Катину книгу) – I take her book (Kate's book) / Je prends son livre (le livre de Catherine) /*.

В действительности, обладатель не является субъектом предложения, поэтому категория обладания выражается родительным падежом личного местоимения 3-го лица (*её*). Отсюда следует, что противопоставление использования притяжательного местоимения *свой* и притяжательного местоимения *его, её* не ведет к какой-либо двусмысленности в независимых или простых высказываниях (простых предложениях).

Отметим, что притяжательное местоимение *свой* выражает не только собственно отношение принадлежности субъекту, но также может употребляться в значении определения и иметь значение, противоположное значению *чужой*. Например: *У меня есть свой дом – I have my own house – J'ai ma maison à moi*. В данном примере мы наблюдаем именно определительное значение притяжательного местоимения *свой* (свой собственный в противоположность от других), которое позволяет такое его использование. В этом контексте притяжательное местоимение не отсылает к объекту выражения, оно является эпитетом самого объекта *дом* в анализируемой фразе.

Если же местоимение *свой* репрезентирует значение принадлежности, то в английском и французском языках, наряду с уже существующим притяжательным прилагательным, всегда будет употребляться дополнительный элемент, такой как артикль или прилагательное *propre* (фр.) и *own* (англ). Например: *«Мы организуем свою площадку – Nous allons organiser notre propre site / We will set our own site*.

Таким образом, мы можем заключить, что реализация отношений притяжательности в английском, французском и русском языках, происходит по-разному: в английском и французском языках путем установления связи между субъектом и объектом действительности, где субъект обладания выходит на первое место, тогда как в русском языке происходит локализация обладателя через пространственную привязку к объекту обладания.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.
2. Кравченко А.В. Что такое «когнитивная структура», или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. – 2011. – Вып. 9 : Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – С. 96–104.
3. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – Москва : Наука, 1969. – 308 с.
4. Garde P. Grammaire russe. – Paris: Institut d'Etudes slaves, 1999. – 480 p.
5. Guiraud-Weber M. L'appartenance: le cas du russe // Faits de langues. – 1999. – Vol. 4, no. 7. – P. 139–148.

10.02.04

Т.М. Белова, К.Э. Вяльяк, Л.В. Маринина

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, tatbel42@mail.ru, kristavyalyak@mail.ru, marlvas@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КИНОДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА РОБЕРТА ЗЕМЕКИСА «ФОРРЕСТ ГАМП»)

Антропоцентрический подход к языку обусловил перенос фокуса внимания исследователей на изучение языковой личности. Человек (языковая личность) с его индивидуальными языковыми, когнитивными, поведенческими особенностями становится объектом исследования, в котором предпринимается попытка продемонстрировать многогранность характера киноперсонажа посредством его речевого поведения.

Ключевые слова: язык, языковая личность, речевое поведение, кинодискурс.

Понятие *языковая личность* возникло в антрополингвистике еще в XVIII–XIX вв. в трудах В. фон Гумбольдта и И. Г. Гердера. В 30-е годы XX века на данный термин обращают внимание немецкий языковед Й.Л.Вайсгербер и русский филолог В.В. Виноградов. Й.Л.Вайсгербер отмечает индивидуальный характер владения языком [1], рассматривая языковую личность как часть определенного языкового сообщества, а язык как культурное достояние такого сообщества. В работе В.В. Виноградова

«О художественной прозе» [2] термин *языковая личность* понимается как интегративное образование, включающее две стороны, коллективную (социальную) и индивидуальную. Важным аспектом реконструкции языковой личности является то, что автор обращает внимание на ее речевую структуру, что свидетельствует о живом понимании языка с учетом его функциональных характеристик [там же].

Проблема развития *языковой личности*, речевого поведения продолжает оставаться в центре внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов (Эм. Гриффин, Дж. Лакофф, Р. Барт, Дж. Филипсен, Г. И. Богин, В. В. Красных, В. И. Карасик, Ю. М. Лотман и др.).

Базовым определением термина *языковая личность* в работе является определение Ю. Н. Караулова: любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определённых целей в этом мире [3]. Вслед за Л.А. Миловановой считаем, что речевое поведение составляет сущностную характеристику языковой личности [4]. Размышляя над содержанием понятия языковая личность,

Ю. Н. Караулов подчеркивает, что языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) её изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в её картине мира, в её тезаурусе [5].

Цель данного исследования – проанализировать взаимовлияние разных сторон языковой личности киноперсонажей на формирование их целостного законченного образа. Материалом исследования послужил фильм «Форрест Гамп» режиссера Р. Земекиса, получивший высокую оценку кинокритиков. Для анализа материала использовался описательный метод речевого поведения киноперсонажей фильма.

По мнению создателя фильма, секрет успеха заключается в том, что фильм является своего рода «историческим полотном» американской жизни, которое мы видим глазами героя, поэтому его интересно смотреть [6]. Действие фильма разворачивается на протяжении нескольких десятилетий в США во второй половине XX века. Зритель становится очевидцем становления личности главного персонажа Форреста Гампа, страдающего задержкой умственного развития. Герой с раннего детства подвергается жестоким насмешкам и издевательствам со стороны людей, живущих с ним по соседству, а позже со стороны своих одноклассников. Мать Форреста, энергичная и решительная женщина, убеждает своего сына в том, что он такой же, как все, мотивирует его достигать целей и быть успешным. Рассмотрим несколько примеров. Так, в сцене разговора с директором школы, не соглашающимся принять Форреста в учебное заведение по причине низких результатов IQ-теста, мать говорит: *"My boy Forrest is gonna get the same opportunities as everyone else"* (У моего мальчика будут такие же возможности, как у любого другого). Она добивается того, чтобы ее сын учился в престижной школе и получил хорошее образование. Провожая сына в первый класс, мать дает ему напутствие *"You do your very best now Forrest"* (Ты сделаешь все возможное, Форрест).

Мать внушает сыну, что он ничем не отличается от других людей: *"You are the same as everybody else. You're no different"* (Ты такой же, как любой другой человек. Ты ничем не отличаешься от других); *"Don't ever let anybody tell you they're better than you, Forrest. If God intended everybody to be the same, he'd have given us all braces on our legs"* (Никогда не позволяй никому говорить, что они лучше чем ты, Форрест. Если бы Бог хотел, чтобы все были одинаковыми, он всем бы дал браслеты на ноги). В сцене прощания мать дает сыну последнее напутствие. С этого момента персонаж начинает понимать значение слова *destiny* (судьба). Можно предположить, что заслуга матери состоит в том, что она воспитала сына в любви и уважении к людям. Именно она сыграла определяющую роль в формировании его личности. *"I happened to believe you make your own destiny. You have to do your best with what God gave you"*. *"You're going to have to figure that out for yourself"* (Я верю, что ты хозяин своей судьбы. Ты должен правильно распорядиться тем, что дал тебе Бог. Ты сам для себя должен понять это).

Актриса Салли Филд, исполнившая роль матери Форреста, отмечает, что мама для этого героя – это поддержка, которую он чувствует всю жизнь. Ее голос дает ему силу, мудрость и безусловную любовь [6]. Говоря о своем персонаже, актёр Том Хэнкс замечает, что мать всегда знала, что ее сын особенный, но не собиралась прятать его. Она говорила, что ее сын будет иметь равные возможности с другими. Слово мамы – закон, ее мудрость – настоящая. Форрест слышал из уст матери только правду, что было очень важно для его взросления [6]. *"My Momma wanted me to have the finest education"* (Мама хотела, чтобы я получил самое лучшее образование); *"My Momma always said: 'Life was like a box of chocolates. You never know what you're gonna get'."* (Моя мама всегда говорила: «Жизнь похожа на коробку конфет. Никогда не знаешь, что получишь»). Персонаж следует наставлениям матери. Зритель видит, что он в любом деле добивается успеха благодаря жизненной стойкости, которую воспитала в нем мать. Форрест вспоминает: *"Momma always had a way of explaining things, so I could understand them"* (Мама всегда находила способ объяснить мне некоторые вещи, и я всегда понимал их); *"Mama could always make sense of things"* (Мама всегда понимала суть вещей); *"Momma was a real smart lady"*. (Мама была очень умной женщиной).

В дискурсе протагониста повышенной частотностью обладают слова: *my momma said, my mom could always...* Это прямо указывает на особую значимость матери для сына и его признание ее мудрости, уважение к ней. Однако мать – не единственный человек, кому главный герой фильма безоговорочно верит и чьим советам следует. Одноклассница Дженни становится его настоящим другом и любовью всей жизни. Она помогает ему выработать твердость характера и свое личное отношение к жизни. Так, однажды сказанная ею фраза, *"Run, Forrest, run!"* (Беги, Форрест, беги!) становится жизненным принципом Форреста, помогает ему самому выжить во время войны во Вьетнаме, вынести с поля боя раненых

товарищей, принимать правильные решения в непростых жизненных ситуациях. *"I ran and ran, just like Jenny told me to"* (Я бежал и бежал так, как сказала мне Дженни); *"From that day on, if I was going somewhere, I was running!"* (И с тех пор, куда бы я ни направлялся, я бежал).

Все вышесказанное подтверждает позицию С.А. Панкратовой о том, что именно через языковой портрет героев, их вербальное и невербальное взаимодействие зритель понимает, что хорошо, а что – плохо. Лингвистика [...] постулирует возможность познания языковой личности сквозь призму ее языковых примет [7].

Проведенный анализ позволяет заключить, что главные персонажи имели тесную духовную связь и были созвучны друг другу по своему внутреннему состоянию, что предопределило личностное развитие Форреста Гампа. В перспективе видится интересным рассмотреть соотношение вербального и невербального поведения киногероев как инструмента киноязыка в фильме «Форрест Гамп».

Список литературы

1. Хуранова Л.А. Типология языковой личности в отечественной и зарубежной лингвистике [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-yazykovoy-lichnosti-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-lingvistike/viewer>. (Дата обращения: 10.04.2022).
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980 // Избранные труды. Т. 5
3. Русский язык: Энцикл. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БРЭ, 1997. 704 с. С.671
4. Милованова О.А. Языковая личность: факторы становления и развития [Электронный ресурс]. – URL: <file:///C:/Users/%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%B9/Downloads/yazykovaya-lichnost-factory-standovleniya-i-razvitiya.pdf> (Дата обращения 06.05.2022).
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с. – С.36.
6. Forrest Gump: как снимали один из лучших фильмов в Истории Кино. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-VbScZfN03o&ab_channel=%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%3A%D0%B2%D1%81%D1%91%D0%BE%D1%81%D1%8A%D1%91%D0%BC%D0%BA%D0%B0%D1%85 (Дата обращения: 30.03.2022).
7. Панкратова С.А. О некоторых аспектах языкового портрета киногероев (на примере научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи»). [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46342877_70968301.pdf (Дата обращения: 19.05.2022).

10.02.04

**Е.Е. Белова канд. филол. наук, Ю.А. Гаврикова, Т.Е. Никольская канд. филол. наук,
О.А. Орлова канд. филол. наук, С.Ю. Филиппова, Э.Д. Шапиро**

ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина,
кафедра теории и практики иностранных языков и лингводидактики,
belova_katerina@inbox.ru, y.a_gavrikova@mail.ru,
ФГБОУ ВО Литературный институт имени А.М. Горького,
кафедра русского языка и стилистики,
Москва, t.e.nikolskaya@gmail.com,
ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
кафедра немецкого языка факультета иностранных языков,
o-orlowa@yandex.ru,
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова»,
кафедра английской филологии,
s.yu.philippova@gmail.com,
НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, elinashap@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ И САМООЦЕНКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Оценка составляет существенную часть коммуникации, познавательной и исследовательской активности человека. Оценка – один из важнейших способов взаимодействия человека и объективной реальности. В данной статье на материале английского языка рассматриваются языковые средства выражения оценки и самооценки. Высказывания, содержащие оценку и самооценку, проиллюстрированы и интерпретированы на основе серии романов о Гарри Поттере.

Ключевые слова: *оценочность, оценочная окраска, языковые средства, английский язык, Гарри Поттер.*

Являясь активным действующим субъектом, познающим объективную реальность, и центральной фигурой языка, человек выражает отношение к его отдельным объектам, их качествам, свойствам, действиям, он оценивает мир. Постигая мир, человек формулирует определенное отношение к объекту познания, наделяет его характеристиками, носящими оценочный характер [3; 8].

Оценочный компонент в интерпретации окружающей действительности играет важную роль и обладает обширным «репертуаром» разноуровневых языковых средств выражения, который охватывает графические, интонационные, лексические, словообразовательные, синтаксические средства [2].

Пропускаемые через сознание эмоции получают свое словесное выражение в речи коммуниканта с помощью понятных для адресата языковых средств. В соответствии с определенным намерением повлиять на сознание (настроение, чувства, мнение) собеседника, говорящий по своему усмотрению «аранжирует» составляющиеся синтагматические группы нужной ему интонационностью, экспрессией, степенью интенсивности.

На *синтаксическом уровне* интенсификация проявляется инверсией, восклицательными предложениями, сравнительными конструкциями, словосочетаниями-плеоназмами (напр, *wonder of wonders*) и повторами.

На *фонетическом уровне* оценка и самооценка могут проявляться как в речи, так и на письме. В речи, когда говорящий использует необычную интонацию, растягивает звуки в словах, делает паузы, ускоряет или замедляет темп речи, происходит интенсификация внешней формы, меняющая содержание высказывания. На письме интенсификация оценки может быть представлена в виде редупликации согласных и/или гласных букв для создания звуковых эффектов, неординарным способом написания слова или целого предложения (например, курсивом или заглавными буквами) или просто выделением буквы в слове. Таким образом, фонетические особенности оценочных высказываний передаются в письменной речи через средства графической интенсификации. Дефисы и тире, выделяющие отдельные буквы или части предложения, разбивающие их на части также свидетельствуют об интенсификации внешней формы [7, с. 46-47].

"HAVE YOU GONE MAD?" Ron bellowed. "ARE YOU A WITCH OR NOT?" [Harry Potter and the Philosopher's Stone]. В погоне за профессором Снейпом Гарри, Рон и Гермиона угодили в дьявольские силки, опутывающие свою жертву сильнее, если та начинает вырываться. В то время как Гермиона пыталась вспомнить, как с ними справиться, Рон начал паниковать, кричать и вертеться. Гермиона вспомнила и сказала, что растение боится огня, но у них нет возможности развести огонь. Эта фраза возмутила Рона, ведь Гермиона могла наколдовать огонь, о чем он ей и напомнил. Интенсификация прямого оценочного высказывания происходит на письме за счет выделения заглавными буквами, что дает понять, что в речи говорящий повысил свой голос.

Морфологический уровень, охватывающий структуру слов и образование связей между ними, призван осуществить интенсификацию оценочности за счет различных способов словообразования [6].

Как показывает исследование, на морфологическом уровне оценка и самооценка интенсифицируется [5] самым элементарным способом за счет синтетических (*-er* и *-est*) и аналитических (*more* и *most*) форм степеней сравнения прилагательных и наречий, эмфатического оператора *do*, прерывистую морфему *to be ...ing* для преувеличения привычного действия, а также через лексические аффиксы «увеличительности» и «уменьшительности» [7, с. 49].

"He works in the most boring department," said Ron. "The Misuse of Muggle Artifacts Office." [Harry Potter and the Goblet of Fire].

Когда Гарри впервые посетил дом Рона, тот стал ему рассказывать о своей семье. Когда разговор коснулся отца Рональда, он сказал, что он работает в Министерстве Магии, в самом скучном отделе, посвященном делам маглов. Пример является образцом прямого оценочного высказывания, где оценка передана через прилагательное *boring* в превосходной степени – *the most boring*.

"So that's a house-elf?" Ron muttered. "Weird things, aren't they?"

"Dobby was weirder" said Harry, fervently [Harry Potter and the Goblet of Fire].

Рон, Гарри и Гермиона впервые видят эльфа-домовика по имени Винки и Рон оценивает ее как «чудная, странная». Но Гарри, уже имевший дело с другим эльфом по имени Добби, тоже оценивает его через прилагательное *weird*, но уже в сравнительной степени – *weirder*.

Следующими способами влияния на «оценочную окраску» слов разных частей речи являются аффиксы [1; 4]. Для образования такого рода существительных используются *-ie(y)*, напр., *birdie, dolly, ducky, laddie, mummy, piggy, puppy, sonny, Annie, Bobby, Freddy*; *-let*, напр., *booklet, cloudlet, leaflet, nutlet, ringlet streamlet, toothlet*.

Суффикс *-ling* в древнеанглийский период не имел оценочной окраски. В современном английском языке он также используется для обозначения пренебрежительности и для образования существительных с уменьшительно-ласкательным или уменьшительно-презрительным значением, например, *chickling, duckling, fingerling, firstling, fledgling, godling, gosling, lordling, princeling*.

Агентивный суффикс *-ster* имел в древнеанглийском форму *-estre* для образования имен женского рода от глагольных и именных основ. Словари показывают, что в современном

английском языке этот суффикс может иметь отрицательно-оценочные коннотации: *fibster*, *flogster*, *gangster*, *geekster*, *huckster*, *jobster*, *nagster*, *rhymester*, *roadster*, *sadster*, *shyster*, *spinster*, *tapster*, *whipster*.

В создании оценочности имен прилагательных широко используется оценочный суффикс *-ish*. *'Now, Mr Potter, let us not play childish games'* [Harry Potter and the Order of the Phoenix]. *Crabbe and Goyle chuckled trollishly* [Harry Potter and the Prisoner of Azkaban]. *They were both wide and musclely; Crabbe was taller, with a pudding-bowl haircut and a very thick neck; Goyle had short, bristly hair and long, gorilla-ish arms* [Harry Potter and the Prisoner of Azkaban]. *I thought that was a bowler hat, said Ron sheepishly* [Harry Potter and the Prisoner of Azkaban].

Слова с суффиксом *-ish* используются писателем для оценки поведения или предмета через сравнение его с характерным героем или животным, тем самым воображению читателя дается яркий образ: *trollishly* – хихикающие как тролли Крэбб и Гойл, *gorilla-ish* – гориллоподобные руки Гойла, *sheepishly* – застенчивый, смущенный как овечка Рон.

Таким образом, словообразовательные средства и разнообразные морфемы также играют важную роль в создании оценочных и самооценочных высказываний, и тем самым значительно расширяют их выразительные возможности. Морфемы являются постоянным средством экспликации оценочной семантики в языковых единицах.

Изучение оценочных и самооценочных высказываний показывает, что они затрагивают самые разные стороны в языковой системе, являясь неотъемлемой частью поиска коммуникативных параметров языка, обеспечивающих не абстрактный обмен информацией, а реальный процесс общения.

Список литературы

1. Вендина Т.И. Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования // Славяноведение. Журнал РАН М.: Наука, 1997. № 4. С. 41-48.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки М.: Наука, 1985. 232 с.
3. Лабзина П.Г., Меньшенина С.Г. Междисциплинарное взаимодействие как условие развития гибких навыков студентов вуза // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №2. С 2.
4. Люляева Н.А., Морозова Н.А. Современное английское словообразование в филологическом и лингводидактическом аспектах. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. №7 (204). С. 158-167.
5. Малинина И.А., Терентьева Е.В. Морфологические средства выражения интенсивности признака // Молодой ученый. 2011. № 10-2. С. 23-25.
6. Стернин И.А. Эмоциональность и оценочность в аспекте семной семасиологии. Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. 48 с.
7. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке М.: Высшая школа, 1990. 172 с.
8. Чикова О.А., Золотавин В.С., Каменев Р.В., Максимова Л.А. Новая структурная модель измерения пространственного интеллекта // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, № 4. С.9.

10.02.04

¹Р.В. Гатауллина, ²Л.Г. Чумарова, ³Р.И. Мухаметзянова¹Казанский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков ИЭ,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

²кафедра иностранных языков ИМО,³кафедра теории и практики перевода ИМО,

Казань, gosa-5@mail.ru, chumarova@yandex.ru, rezidamuh@gmail.com

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТ СЧАСТЬЕ
НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

В статье в психолингвистическом аспекте исследуются фразеологические единицы английского и русского языков со значением счастье, удовлетворенность. В работе исследуются вербализация концепта счастья, описаны образность фразеологических единиц на примере двух неродственных языков.

Ключевые слова: *английский язык, русский язык, фразеологические единицы, образность, концепт счастье.*

Актуальность исследования обусловлена значимостью исследуемого концепта «счастье», в языковой картине неродственных языков. Изучение семантики и образности ФЕ в психолингвистическом русле дает возможность определить точки соприкосновения в неродственных языках. Целью данного исследования явились изучение образности ФЕ английского и русского языков, характеризующие счастье и их сопоставительный анализ. Материалом исследований явились фразеологические единицы, которые были отобраны из фразеологических справочников английского [8] [9] и русского языков [10]. В данном исследовании были использованы работы таких ведущих ученых в области сопоставительного языкознания как: Е.Ф. Арсентьева [1], [2], А.В. Шарипова [11], М.Н. Крылова [7]. Общие проблемы фразеологии английского языков нашли отражение в работах А.В. Кунина [8], вопросы фразеологии русского языков в работах А.И. Фёдорова [10]. Сопоставительное исследование фразеологических единиц русского и татарского языков нашли свое отражение в работе И.М. Габдулхаковой, Н. Х. Шарыповой [3].

Концепт счастье имеет широкую сферу употребления и рассматривался на протяжении многих веков как явление экзистенциальное, религиозное, философское. В настоящее время это понятие определяется как явление социологического и психологического порядка, которое становится основным мерилем успеха человека. О важности этого концепта свидетельствует тот факт, что в социологических и психологических исследованиях исследователи оперируют такими показателями как «удовлетворенность населения», «международный индекс счастья», «всеобщее счастье» и «валовое национальное счастье».

В Оксфордском словаре счастье определяется как «удовлетворенность», «переживание» или демонстрация удовольствия» [12]. В психологии личности счастье определяется синонимично понятию «субъективное благополучие» как состояние, соответствующее «наибольшей удовлетворенности» собой и жизнью. Согласно другой точки зрения, эмоция радости представляется как кратковременное, переживание, а более продолжительное переживание радости определяется как счастье.

Как показали результаты исследования ФЕ, описывающие положительные эмоциональные состояния в сравнении с ФЕ, характеризующими отрицательные эмоциональные переживания, не представляют репрезентативной группы ФЕ в исследуемых языках [4], [5], [6]. Этот факт обусловлен тем, что отрицательные эмоциональные состояния вызывают в человеке более определенный отклик, нежели положительные эмоциональные состояния чаще используются в речи, а также на фразеологическом уровне исследуемых языков.

Мимика стали основой для образного переосмысления следующих английских ФЕ, характеризующих чувство удовлетворенности, сопряженной с радостью: *(be) as happy as a king/prince, as happy as a marriage-bell, look like the cat after it had eaten the canary, look like as a dog with two tails*. В качестве примеров фразеологических единиц русского языка можно представить следующие ФЕ: *сиять как масленичный блин, как медный таз, как начищенный пятак*. Ниже приводим примеры использования ФЕ, отражающих чувство удовлетворенности:

(анг.) *«When Sissy got into the school here,» he pursued, «her father was as pleased as Punch».* (Ch. Dickens, 'Hard Times', book I, Ch. VI).

(рус.). «По дороге, в метро, от счастья я сиял, как медный таз, а все пассажиры вокруг смотрели на меня и улыбались.» (А. В. Мальцев «Два мира»).

Активная пантомимика, неадекватные действия, переживающего радость и сильное чувство удовлетворенности человека, стали образным стержнем следующих фразеологических единиц:

(анг.) *as merry as the day is long, ФЕ to be / jump over the moon, ФЕ embrace the whole world, ФЕ has /put tail up/tails up, ФЕ look like the cat /after it had eaten (who swallowed) the canary, ФЕ as a dog with two tails;*

(рус.) *не слышать /не чують/не чувствовать ног под собой; летать на крыльях.*

В образности третьей группы ФЕ нашли свое отражение религиозные поверья носителей языка, так, согласно библейским источникам небо представляется как семь вращающихся сфер, седьмая сфера — это рай; согласно языческим верованиям, у древних славян мир состоял из семи небес, седьмое небо являлось защищенным, счастливым, благополучным местом пребывания. К этой группе ФЕ относятся следующие фразеологические единицы:

(рус.) *на седьмом небе (от счастья), безоблачное счастье, как в раю, рай земной, попасть на седьмое небо, счастье улыбнулось (кому-л) родиться под счастливой звездой, счастья полные штаны, быть на верху блаженства и др.*

(анг.) *be on cloud nine / on clouds /on air, (be) in the seventh heaven, be over the moon, (be) floating on a cloud, sit / be on the top of the world, (one`s) cup of happiness is overflowing;*

В результате анализа среди фразеологических единиц, обозначающих концепт счастье были выделены следующие ФЕ со схожей образностью и схожим лексемным составом:

(анг.) *be on the seventh heaven –*

(рус.) *на седьмом небе (от счастья)*

(анг.) *be floating on a cloud –*

(рус.) *летать на крыльях*

(анг.) *be on the top of the world –*

(рус.) *быть на верху блаженства*

(анг.) *look like the cat /after it had eaten (who swallowed) the canary –*

(рус.) *счастья полные штаны*

Наличие ФЕ со схожими лексемами обусловлено общностью базовых положительных эмоций как универсального для всех людей явления. ФЕ, обозначающие чувство удовлетворенности и счастья в анализируемых нами языках, отражают веру в прекрасное будущее, которое в сознании носителей языка прочно соотносится с концептом счастье.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале рус. и англ. языков). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 171с.
2. Арсентьева Е.Ф. Эмотивно-оценочный компонент коннотации фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языков /Е.Ф.Арсентьева, Ю.С.Арсентьева // Czlowiek Swiadomosc Komunikacja Internet, Tom I, Warszawa, 2017. - С. 97-103.
3. Габдулхакова И.М. Сопоставительное исследование фразеологических единиц русского и татарского языков (на материале произведений А. Еники) / И.М. Габдулхакова, Н.Х. Шарыпова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10-1(88). – С. 81-84.
4. Гатауллина Р.В. Фразеологические единицы, со значением радость в немецком и татарском языках / Р. В. Гатауллина, Р. И. Мухаметзянова, В. В. Тарасова // Казанская наука. - 2021. - № 6. - С. 54-57.
5. Гатауллина Р.В., Чумарова Л.Г., Ярхамова А.А. Фразеологические единицы, характеризующие неприязнь и ненависть на материале немецкого, английского, русского и татарского языков "Казанская Наука", №8, Казань, Издательство Казанский Издательский Дом, 2018. – С.30 – 33.
6. Гатауллина Р.В., Фассахова Г.Р., Чумарова Л.Г. Образность фразеологических единиц, характеризующих враждебность (на материале немецкого, английского, русского и татарского языков) «Вестник ЧГПУ им. Яковлева», №3 (99), 2018. – С.42 – 49.
7. Крылова М.Н. Фразеологизмы со значением «радость» в русском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 23. – С. 33–37. <http://e-koncept.ru/2016/56387.htm>.
8. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984, 944с.
9. Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь /[авт.-сост. Е.Ф. Арсентьева и др.]. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – 719с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. - 3-е изд., испр. - Москва: АСТ: Астрель, 2008. - 878 с.
11. Шарипова А.В. The Realization of Binary Opposition Joy/Sorrow in Contemporary German Fiction Discourse Review of European Studies; Vol. 7, No. 6; 2015, P.70-76.
12. Oxford Learner's Dictionary of Academic English <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/academic>

10.02.04

П.А. Гедими́на, С.А. Тихонова канд. филол. наук

Краснодарский государственный институт культуры,
информационно-библиотечный факультет,
кафедра русского и иностранных языков и литературы,
Краснодар, polina.gedimina@mail.ru, svetd@bk.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Авторы рассматривают лингводидактический потенциал аутентичных художественных текстов при обучении диалогической речи учащихся средней школы. В рамках индуктивного обучения диалогической речи в качестве опоры рассматривается авторское повествование, в то время как аутентичный художественный диалог выступает опорой для дедуктивного пути. Проведенный анализ и разработанные принципы использования аутентичных художественных произведений на уроках английского языка в средней школе позволяют заключить, что использование художественных текстов обеспечивает эффективность процесса становления диалогической речи.

Ключевые слова: *диалогическая речь, художественный текст, художественный диалог, обучение иностранному языку.*

В настоящее время важность владения иностранным языком не как языковой системой, а как средством коммуникации не подлежит сомнению. Этот принцип отражен и в федеральном государственном образовательном стандарте. Результатом обучения иностранным языкам в средней школе, согласно ФГОС, является «сформированность коммуникативной иноязычной компетенции, необходимой для успешной социализации и самореализации, как инструмента межкультурного общения в современном поликультурном мире» [4, с. 10]. В рамках преподавания иностранных языков в школе можно говорить об обучении таким формам речевой коммуникации, как монологическая и диалогическая речь. Однако на практике уровень сформированности умений как диалогической, так и монологической речи не всегда соответствует установленным стандартам. Следовательно, в практике преподавания иностранных языков требуется найти новые способы решения этой проблемы и повышения мотивации учащихся. Этим и определяется актуальность выполненной работы.

Цель данной статьи – выявить особенности и преимущества использования аутентичного художественного текста как основы для развития диалогической речи школьников на среднем этапе

Научная новизна проведенного исследования заключается в определении и описании возможностей использования аутентичных художественных текстов при обучении диалогической речи на уроках иностранного языка в средней школе.

Практическая значимость исследования состоит в разработке принципов использования аутентичных художественных произведений на уроках английского языка в средней школе для развития умений диалогической речи.

В отечественной методической литературе выделяется два пути обучению диалогической речи: дедуктивный (с опорой на диалог-образец) и индуктивный (без опоры на диалог-образец). При обучении диалогу в средней школе используются разнообразные виды опор. Представляется, что художественный текст может быть отнесен к опоре для стимулирования диалогической речи учащихся, поскольку он способен обеспечить их как определенным предметным содержанием (о чем говорить), так и определенными языковыми средствами для активного усвоения (как говорить).

Методисты – исследователи и практики – значительную роль в речевом развитии учащихся отводят именно художественной литературе и таким ее аспектам, как композиция произведения, образность и эмоциональность, отражение национальной культуры. Рассмотрим преимущества художественного текста, используемого в качестве опоры для формирования умений диалогической речи. Е.Г. Беляевская [1] указывает, что в ткани художественного текста переплетаются такие виды контекстно-вариативного членения как авторская речь и речь персонажей, называемая также художественным диалогом. Как подчеркивает Е.Г. Беляевская, «обе эти линии повествования (от автора и от персонажей) не могут существовать друг без друга» [1, с.14]. Однако для методических целей представляется логичным их разграничение и использование как опоры для вышеобозначенных путей обучения диалогу: рассказ автора-повествователя – опора в рамках индуктивного обучения диалогической речи и высказывания персонажей – опора для дедуктивного пути.

Аутентичный художественный диалог представляет собой образец узуальной ситуативно обусловленной речи носителей изучаемого языка, выступающих в различных социальных ролях. Узуальный аспект при этом играет важную роль при обучении иностранному языку, поскольку, как указывает И.Ф. Мишин [4], он связан с лингвострановедческим аспектом и речевым этикетом. Художественный диалог позволяет учащимся, которых направляет учитель, выявлять устойчивые формы высказывания в определенных типичных ситуациях и знакомит их с общими закономерностями построения высказывания на изучаемом языке [4, с. 58]. Кроме того, представляется, что частотность различных видов диалогов (диалог-повествование, диалог-побуждение, диалог-рассуждение и т.д.) также зависит от жанра литературного произведения.

Проиллюстрируем возможности использования аутентичного художественного диалога на примере книг Роальда Даля «Charlie and the Chocolate Factory» [5].

Во второй главе происходит диалог Чарли и его деда о Вилли Вонке:

«Is it *really* true that Wonka's Chocolate Factory is the biggest in the world?»

'True?' cried all four of them at once. 'Of course it's true! Good heavens, didn't you know *that*? It's about *fifty* times as big as any other!'

'And is Mr Willy Wonka *really* the cleverest chocolate maker in the world?»

'My dear boy,' said Grandpa Joe, raising himself up a little higher on his pillow, 'Mr Willy Wonka is the most *amazing*, the most *fantastic*, the most *extraordinary* chocolate maker the world has ever seen! I thought everybody knew that!'

'I knew he was famous, Grandpa Joe, and I knew he was very clever . . .!« [5, 6].

Работа с этим диалогом включает следующие этапы:

1. На рецептивном этапе – чтение диалога в парах, закрепление грамматического правила формирования превосходной степени прилагательных, усвоение общеупотребительных междометий, восклицаний, обращений.

2. На репродуктивном этапе – воспроизведение диалога наизусть.

3. На продуктивном этапе – составление собственного диалога об известных людях.

Рассказ автора-повествователя в рамках художественного текста может стать прекрасным стимулом для учащихся к обсуждению разнообразных тем, поднятых в литературном произведении, и при этом сделает обучение личностно-значимым. Кроме того, именно диалог, в центре которого лежит обсуждение содержания произведения, поступков его героев, авторского посыла, обладает такими качествами как ситуативная обусловленность, эмоциональность и реактивность.

Рассмотрим виды подготовительных упражнений для формирования умений диалогической речи, к которым Л. С. Банникова и Д. М. Кошман [2] относят умения реплицирования, умения восприятия и понимания речи на слух, умение взаимодействия, конструктивно-технические умения, компенсаторные умения. Диалоги-рассуждения, диалоги-обмен мнениями, диалоги-споры предполагают умение использовать таких клишированных вводных конструкций, как *I think*, *to my mind*, *I'd like to point out*, *I can't agree with you*, *I see your point but* и т.д. Следовательно, усвоение таких клише должно быть

включено в систему упражнений по развитию навыков диалогической речи. Примером таких упражнений может служить следующее: Discuss in pairs: do you think that Willy Wonka was happy owning his factory?

Диалог-расспрос и диалог-переспрос предполагают владение вопросительными конструкциями, поэтому учащимся можно предложить следующее задание на формирование этого навыка: учащиеся разбиваются на пары и выбирают карточку с тематикой диалог-расспроса по художественному произведению (например, «Персонажи», «Локации на фабрике» и т.д.). По команде учителя школьники начинают задавать друг другу вопросы по предложенной теме и отвечать на них, затем, спустя пять минут, учащиеся меняются собеседниками.

Таким образом, подводя итог можно заключить, что при обучении иностранному языку использование художественных текстов, в которых присутствуют диалоги между героями или которые дают основу для создания самостоятельных диалогов, обеспечивает эффективность процесса становления диалогической речи школьников на среднем этапе. При этом, необходимо помнить, что достижение подобного эффекта возможно только в случае соблюдения таких факторов обучения, как: учет возрастных особенностей обучаемых, использование аутентичных материалов, применение разнообразных форм учебной деятельности и коммуникативных технологий обучения.

Список литературы

1. *Беляевская Е.Г.* Диалог в художественной прозе – текст в тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – №19 (730). – С.9-18
2. *Банникова Л.С., Кошман Д.М.* Методы активного обучения как средство формирования умений диалогической речи учащихся в процессе изучения иностранного языка // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2012. – №1 (34). – С.68-73
3. *Мишин И.Ф.* Функциональная стилистика речи как производное речевого узуса // Язык и культура. – 2008. – №3. – С.51-62
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. – URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/> (дата обращения: 28.05.2022).
5. *Dahl R.* Charlie and the Chocolate Factory. – URL: <https://englishfox.ru/wp-content/uploads/2017/08/Charlie-factory.pdf> (дата обращения: 28.05.2022).

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²Г.А. Агеева, канд. филол. наук,
²И.В. Пашаева канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,

²ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков № 2,

Иркутск, vecotd@yandex.ru, galina.ageeva2707@gmail.com, pashaeva@istu.edu

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕНСИВНОСТИ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В СИТУАЦИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ

В статье представлены основные результаты лингвистического эксперимента влияния репрезентации воспоминаний говорящего на интенсивность вербализации интенциональных состояний. Проанализированы различные варианты вербализации воспоминаний говорящих на определенную ситуацию. Делается вывод о том, что использование фразеологических интенсификаторов усиливают выраженность интенционального состояния говорящих.

Ключевые слова: *интенсивность, интенциональность, фразеологический интенсификатор, вербальные средства, воспоминания.*

Проблема, касающаяся воздействия фразеологических интенсификаторов на собеседника, исследуется на материале различных языков. Анализ лингвистической литературы в области фразеологии показал, что фразеологические интенсификаторы наиболее эффективны благодаря аргументированному общению в том случае, когда собеседник находится в определенном интенциональном состоянии в момент речи [1], [2], [3]. Целью нашего исследования являлось дополнить имеющиеся данные о связи интенсивности и интенциональности. Для этого мы провели лингвистический эксперимент, главной задачей которого является изучение того, как ситуация репрезентации влияет на интенсивность вербализации интенциональных состояний.

Человеку свойственно тем или иным образом воспринимать окружающий мир, всё то, что происходит вокруг него, а позднее вспоминать все это. Феноменологией явления воспоминаний занимались многие как отечественные, так и зарубежные ученые. Ученые рассматривают данное явление как один из типов дискурса, который можно описывать, учитывая специфику жанра. Так, Л.Г. Гынгазова и Т.А. Демешкина изучали воспоминание с позиции диалектологии, где общение происходит с носителем говора с исследователем-диалектологом [7], [8]. С.В. Волошина, в своих диалектологических трудах подчеркивает, что воспоминание представляет из себя не только самостоятельный речевой жанр, но может быть и автобиографическим рассказом [5]. Исследователи изучали проблему реализации жанра воспоминания в различных формах языка – в форме рассказа-воспоминания [10], в форме фольклорного текста [9], в различных ситуациях общения [4]. Вспоминая какое-либо событие, человек пытается достроить потерянные элементы воспоминания, включая воображение. Те события, которые человек держит в памяти и в воображении, тесно связаны на уровне интенциональной направленности.

В своём исследовании мы опирались на теорию английского психолога Фредерика Бартлетта, которая, на наш взгляд, является наиболее приемлемой для решения нашей задачи. Исследователь считает, что прошлое – это некая организованная масса, а не отдельные элементы, которые сохраняют свою специфику. Человек имеет только общее впечатление о целом, используя которое, он способен воспроизвести некоторые возможные детали. Пытаясь припомнить какие-либо события, человек задействует свои личные эмоции,

интересы, установки и ту реальную ситуацию, которая была воспринята им в прошлом. Опираясь на это, он заново воспроизводит их в социальном и интеллектуальном направлении [12].

В нашем лингвистическом эксперименте мы использовали информантов (носителей языка), чьи ответы являлись материалом для исследования. Информанты конструировали свои ответы вербально, стараясь вспомнить конкретную ситуацию и, те интенциональные состояния, которые с ними связаны. Интерпретация воспоминаний и связанные с ними интенциональные состояния, на наш взгляд, зависят от ситуации их репрезентации.

Нами были выдвинуты две гипотезы. Первая гипотеза заключается в выявлении связи между интенсивностью и интенциональностью. Вторая гипотеза предполагает наличие средства усиленного выражения интенциональности, которым может являться фразеологический интенсификатор. Эксперимент заключался в изучении влияния ситуации описания воспоминаний на то, какое из вербальных средств было выбрано для усиления интенциональное состояние информанта.

Мы использовали метод тестирования, включающий текст задания, в котором воспроизведены гипотетические ситуации репрезентации воспоминаний и варианты вербальных реакций на эти ситуации. В эксперименте принимали участие 30 носителей английского языка, разных возрастов, социальных групп и имеющих различное образование. Объектом воспоминаний в нашем эксперименте была взята такая ситуация, когда информант находился в таком эмоциональном состоянии, как страх или гнев. По мнению З.Р. Хестанова, любая ситуация рассматривается с определённого поля зрения, охватывая увиденное из какой-либо точки горизонта [11]. В данном эксперименте, информантам предлагалось две ситуации: в первой – участник являлся сторонним наблюдателем, представляя не такие яркие воспоминания, во второй – описывались вновь переживаемые воспоминания. Следует отметить, что в эксперименте мы приводили четыре ситуации, где необходимо было выбрать только две, используя вербальные реакции на неярко выраженные и вновь переживаемые воспоминания.

Результаты эксперимента показали, что 70% информантов, вербализуя неярко выраженные воспоминания и связанные с ними интенциональные состояния выбрали 1 и 3 пары высказываний, которая состоит из лексического интенсификатора *very*. Что касается описания вновь переживаемого события, то в этом случае, были выбраны 2 и 4 пары высказываний, в которых был использован фразеологический интенсификатор *as hell* и глагольные фразеологические единицы со значением усиления.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что информанты использовали различные варианты вербализации воспоминаний на определенную ситуацию. Также нами было отмечено, что информант, который выступал в роли наблюдателя, пытался отдалиться от собственного переживания, в отличие от говорящего, вновь переживающего ситуацию. Как указывает Х. Гадамер, переживание содержит определённый опыт в памяти, являясь, в тоже время, непосредственностью, и искренностью, которая появляется во время общения в момент откровения, тем самым, привлекая в структуру переживания значение интенсивности [6]. Именно то психологическое напряжение или интенциональное состояние информанта является источником переживания ситуации, возникающее в случае, когда сознание говорящего направлено на встречное, способное к сопереживанию и пониманию сознание. Сознание, направленное на определенное переживание, является сутью интенциональности, интенсивность которой, является показателем интенциональности данного переживания. Интенционально сильнее оказываются вновь переживаемые воспоминания, чем “угасшие” воспоминания стороннего наблюдателя. Степень интенционального состояния говорящего определяется теми средствами выражения, которые существуют в его языковом сознании. Выбирая средства для выражения интенционального состояния, интересным является, на наш взгляд, то, какие конкретно языковые единицы являются наиболее или наименее интенсивными. Наш лингвистический эксперимент даёт право утверждать, что при вербализации интенциональных состояний говорящий, который переживает воспоминания

снова, включает в своё описание языковые единицы, которые несут в себе оценочно-эмотивное отношение говорящего к происходящим событиям, т.е. фразеологические интенсификаторы. Говорящий, который является сторонним наблюдателем, описывает интенциональные состояния при помощи лексических интенсификаторов.

Таким образом, результаты данного эксперимента подтверждают выдвинутые нами гипотезы о том, что существует взаимосвязь между интенциональностью состояния и интенсивностью, где усилителями выраженности интенционального состояния говорящего, являются фразеологические интенсификаторы.

Список литературы

1. Баребина Н.С., Баребина А.Д. Проблема формирования навыков аргументации в обучении академическому письму. Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 1. С. 30.
2. Баребина Н.С., Костюшкина Г.М., Фан Ч. Векторы аргументированной ориентации в изучении динамики языковых аспектов политического медиадискурса. Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 1. С. 98-102.
3. Боброва Е.А. Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения в пути // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 3. С. 28.
4. Бородин И.В. Реализация речевого жанра воспоминания во время юбилеев работников образования // Педагогическое образование в России. – 2015. – №1. – С. 155-158.
5. Волошина С.В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2008а. – № 308. – С. 11-14.
6. Гадамер Х. Истина и метод: Основы философской герменевтики – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1-3 декабря 1997 года). – Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 167-174.
8. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.
9. Мамонова М.А. Живая история в речевом жанре мемората // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. научн. статей. – 2015. – Т. 6. – № 6. – С. 58-67.
10. Сухотерина Т.П. Графико-пространственная характеристика воспоминаний как речевого жанра // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 12-1 (67). – С. 122-126.
11. Хестанов З.Р. Трансцендентальная феноменология и проблема истории // Логос. – 1991. – № 1. – С. 67 – 75.
12. Bartlett F.S. Remembering – Cambridge: Cambridge Mass., MIT Press, 1950. – 270 p.

10.02.04

Т.С. Гулевич канд. филол. наук

Пятигорский государственный университет,
институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, tan323@yandex.ru

**О КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ
РАСШИРЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОСТПОЗИТИВА “UP”
В СОСТАВЕ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается эволюция прототипического значения постпозитива «up» с позиций когнитивной семантики. Прослеживается взаимосвязь разных смыслов данного постпозитива. Доказывается, что наличие постпозитива «up» в структуре разнообразных фразовых глаголов английского языка мотивировано и объяснимо при помощи универсальных механизмов концептуализации.

Ключевые слова: *фразовые глаголы, постпозитив, концептуализация, образ-схема, траектор, ориентир.*

Фразовые глаголы (*give up, let down, come up with* и т. п.) представляют собой огромный пласт лексики английского языка. Их употребление, особенно в разговорной коммуникации, значительно превышает употребление обычных, нефразовых глаголов. В то же время, овладение фразовыми глаголами при изучении английского языка как иностранного зачастую вызывает большие сложности у студентов по ряду причин. Во-первых, фразовые глаголы есть далеко не в каждом языке, во вторых – значения фразовых глаголов могут не складываться из значений их компонентов; и в-третьих, фразовым глаголам свойственна полисемия, что не упрощает процесс их усвоения [3, 4, 6]. Так, например, сто наиболее часто употребляемых фразовых глаголов английского языка имеют в среднем по 5.6 значений [6]. Неудивительно, что фразовые глаголы английского языка являются объектом пристального внимания лингвистов уже долгое время, и интерес к ним лишь растет [4, 5, 7, 9].

Под фразовым глаголом понимается сочетание глагола и адвербиальной частицы или предлога, которое имеет хотя бы одно значение, не вытекающее из буквальных значений его компонентов [4]. Постглагольные адвербиальные или предложные частицы обобщенно называются послелогоми, постпозитивами или сателлитами [2, 4, 6, 7].

Одним из наиболее продуктивных постпозитивов в составе английских фразовых глаголов является постпозитив *up* (20,85% в корпусе *BNC*) [6, 10], что делает его интересным объектом для исследования с различных точек зрения.

В традиционной лингвистике фразовые глаголы изучались преимущественно на предмет их синтаксических характеристик, а также с позиций пространственных и аспектуальных значений постпозитивов в их составе. Выделялись постпозитивы с буквальным (*to look up in the sky*) и переносным значением (*to look up a word in the dictionary*). Значение глагольного постпозитива рассматривалось при этом как структура с ядерным значением в центре, окруженным переносными значениями, разноудаленными от ядра по степени близости к базовому значению [4: 99-104]. Однако при этом не устанавливалось никакой системной связи между этими значениями. Считалось, что постпозитивы определяют значение фразового глагола только в сочетании с семантически простыми глаголами, такими как *be, do, make, get* или *have* [7], а в остальных случаях – вообще не наделены каким-либо смыслом и обладают лишь фонологическими и синтаксическими характеристиками [5].

Приверженцы когнитивного подхода, напротив, полагают, что произвольный и идиоматичный характер значения фразовых глаголов объясняется влиянием семантики постпозитивов в их составе, поскольку значение глаголов достаточно конкретно и фиксировано. Значения постпозитивов в составе фразовых глаголов формируют сеть взаимосвязанных смыслов, где одно или несколько значений являются прототипическими (центральными), а все остальные – периферийными [8; 9]. Центральное значение постпозитива соотносится с локализацией в пространстве или движением, тогда как периферийные значения – более абстрактные – результат эволюции пространственных значений путем метонимического или метафорического переноса [1, 2, 9].

Центральное значение, ассоциируемое с определенным постпозитивом, именуется *прото-сценой* и подразумевает наличие пространственных отношений между траектором и ориентиром, которым соответствуют участники события, актуализируемого данным фразовым глаголом [9]. Центральное значение постпозитива *up* представляется как изменение пространственной локализации траектора из низкого в более высокое на оси координат (*pick sth up, stand up, put sth up*):

1) *But she **put up** a barrier around her and allowed no one to pass. (BNC, BPA)*

Следовательно, *up* – это пространственный постпозитив, подразумевающий наличие двух вертикально организованных ориентиров, относительно которых перемещается траектор [9: 313].

Концептуальная схема постпозитива *up* представляет собой сочетание двух образ-схем: схемы НИЗ→ВЕРХ (как вариант схемы ВЕРТИКАЛЬНОСТИ) и схемы ПУТЬ (поскольку траектор при этом перемещается от первого ориентира ко второму).

Функциональным элементом такой прото-сцены является бо́льшая заметность или доступность траектора, принимающего более высокое положение на оси координат, с позиции наблюдателя, что является базой для возникновения дополнительного значения, при котором *выше – в поле зрения, доступно, известно* (*bring sth up, come up, show up*):

2) *Ortega's limousines **showed up** about midnight that night. (BNC, CFH)*

Понятие *поле зрения* подразумевает наличие в образ-схеме третьего участника – концептуализатора, воспринимающего сцену, в которой траектор возникает на фоне ориентира. При этом в фокусе наблюдателя находится момент появления траектора в поле зрения без предшествующего тому вертикального движения траектора. В основе такой концептуализации лежит метафора ЗНАТЬ=ВИДЕТЬ. Это связано с тем, что в младенческом возрасте люди, обладающие зрением, получают большой объем информации посредством зрительного восприятия. Поскольку предметы, расположенные выше, более заметны, с раннего возраста человек привыкает к корреляции между движением вверх, видимостью и известностью.

Бо́льшая часть расширения значения глагольных постпозитивов базируется на нашем восприятии окружающего мира сквозь призму собственного телесного опыта. Мы познаем мир телом, а не разумом [1]. Соответственно, язык отражает не реальный мир, а концептуальный, сформированный в результате нашего телесного взаимодействия с объективным миром.

Другим семантическим расширением базового значения постпозитива *up* является *выше – больше*. Это значение происходит из эмпирической корреляции между пространственной ориентацией и количеством, при которой увеличение количества соотносится с повышением по вертикальной оси (*stack up, turn up, build sth up*):

3) *She ignored him and **turned up** the sound on the telly. (BNC, CH0)*

Такое расширение значения объясняется ориентационной метафорой БОЛЬШЕ=ВВЕРХ, основанной на эмпирическом представлении о том, что, если складывать объекты друг на друга или в контейнер, уровень повышается [7].

Логичным расширением указанного значения становится *повышение или заполнение до предела* (*fill up, wrap up, seal up*):

4) *She **filled up** Franca's glass and her own. (BNC, APM)*

Такое расширение значения происходит в результате сочетания нескольких эмпирических представлений о контейнере:

- а) наполнению контейнера (стакан в примере (4)) сопутствует вертикальное повышение уровня жидкости, заполняющей контейнер;
- б) предел наполнения контейнера жидкостью соответствует верхнему краю контейнера;
- в) контейнер при этом задействован полностью.

Ассоциация постпозитива *up* с полнотой закрепилась настолько, что это значение фигурирует даже в тех контекстах, где не прослеживается ни вертикализация, ни увеличение количества:

- 5) *"Why is it," he enquired, "that we always **finish up** arguing?"* (BNC, HA6)

Отвлеченное значение доведения действия до финала позволяет постпозитиву *up* входить в состав фразовых глаголов с противоположным значением:

- 6) *I went into care when my family **broke up**.* (BNC, AA8)
 7) *Edie Meadows and her boyfriend **made up** their quarrel and became engaged.* (BNC, G16)

Тесно связано со значением достижения предела значение **приближения к цели или пункту назначения**:

- 8) *I **drove up** and parked outside the office door.* (BNC, BMB)

Это значение постпозитива *up* подразумевает буквальное или фигуральное перемещение траектора по направлению к цели или пределу с фокусом на финальном отрезке пути. Это значение соотносится с движением по горизонтальной, а не вертикальной оси. Применимость данного постпозитива для обозначения приближения можно также объяснить тем, что приближающиеся объекты воспринимаются человеческим глазом как увеличивающиеся.

Рассмотренные расширения значения постпозитива *up* работают и в сочетании с одним и тем же глаголом, например с глаголом *come*, в составе одного из самых частотных фразовых глаголов английского языка [6]:

- 9) *And when the sun **came up** in no-man's-land, it was hot.* (BNC, A06) – движение траектора вверх, центральное значение

- 10) *The issue of violence in the art **came up**.* (BNC, A6C) – появление траектора в поле зрения наблюдателя

- 11) *She closed her eyes and a surge of sickness **came up** inside her.* (BNC, ADA) – возникновение или рост интенсивности

- 12) *The King's horse Anmer **came up** and Miss Davison went towards it.* (BNC, AD7) – приближение

Эволюцию значений постпозитива *up* можно обобщенно представить в виде следующей схемы:

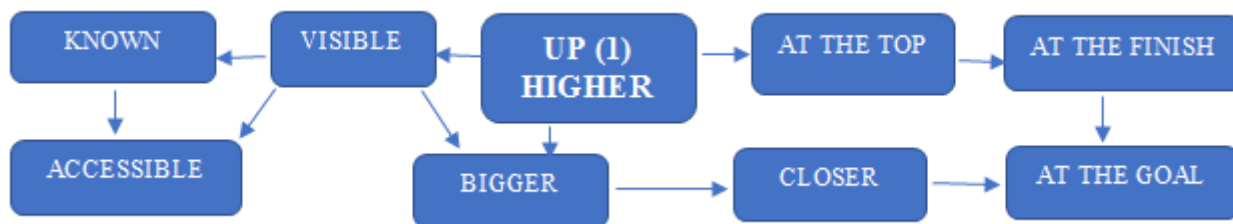

Рис. 1 – Схема расширения значения постпозитива *up*

Хотя вышесказанное не дает повода постулировать определяющую роль постпозитива в формировании значения фразового глагола, это обосновывает мотивированность того или иного постпозитива в его структуре. Полисемия фразовых глаголов – в немалой степени результат расширения значений постпозитивов в их составе, и эти расширения зачастую вполне логичны и объяснимы действием когнитивной метафоры в процессе концептуализации объективного мира. Системный когнитивно-лингвистический подход к семантике постпозитивов облегчает понимание и освоение фразовых глаголов изучающими английский язык как иностранный, предлагая эмпирическое объяснение мотивированности тех или иных постпозитивов в структуре английских фразовых глаголов.

Дальнейшего интереса заслуживает вопрос о взаимодействии значений глаголов и постпозитивов, а также адвербиальных и предложных постпозитивов в составе фразовых глаголов английского языка.

Список литературы

1. Аксельруд Д.А., Бродская М.С. О специфике актуализации события в английской глагольной группе с вершинным глаголом движения. Научный диалог. 2020. № 1. С. 9-26.
2. Гулевич Т.С. Об актуализации компонентов события в английской глагольной группе / Т.С. Гулевич // Казанская наука. – Казань: Рашин Сайнс, 2019. – № 9. – С. 71-75.
3. Дубовский Ю.А., Кучер Ю.А. Типологические и специфические черты в английском и русском языках. Пятигорск, 2000. – 169 с.
4. Bolinger D. The Phrasal Verb in English, Cambridge: Harvard University Press, 1971. Pp. xviii + 187. – Volume 22 Issue 1.
5. Fraser B. The verb–particle combination in English. Taishukan Studies in Modern Linguistics. New York: Academic Press, 1976, pp. vii + 125.
6. Gardner D., Davies M. Pointing out frequent phrasal verbs: A corpus-based analysis. TESOL Quarterly, 41 (2). 2007. – pp. 339-359.
7. Lipka L. Semantic structure and word-formation: Verb-particle constructions in contemporary English. München: Wilhelm Fink Verlag, 1979, – 251 p.
8. Radden G., Dirven R. Cognitive grammar. John Benjamins Pub., 2007, – 374 p.
9. Tyler A., Evans V. The Semantics of English Prepositions. Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, xii+254p.
10. BNC – The British National Corpus

*10.02.04***Н.А. Каразия**

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
факультет филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков и переводоведения,
Петропавловск-Камчатский, karna2602@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВЕ ТУРИСТА

В работе представлены результаты изучения специфики реализации регулятивной функции в текстах туристического дискурса. Исследование выполнено на материале англоязычных интернет-отзывов туристов, посетивших Камчатский край. Рассмотрены лингвопрагматические средства реализации директивности в контексте ряда речевых актов.

Ключевые слова: *туристический дискурс, прагматика, регулятивная функция, речевой акт.*

Современные лингвистические исследования, выполненные в рамках антропоцентрической, коммуникативно-прагматической научной парадигмы, в большинстве случаев ориентированы не на изучение языковой системы, а на особенности использования языковых структур в естественной, живой речи, которая представляет собой индивидуальное, ситуативно обусловленное психофизическое явление, воплощающее мысль говорящего. Речевые произведения бесконечны в своем разнообразии форм, отражают интенции говорящих и индивидуальный опыт носителей языка, представителей той или иной языковой культуры. Речь подразумевает сбалансированную комбинацию воспроизводимых, клишированных структур и творческих подходов к их использованию, обусловленному рядом социопрагматических и социокультурных факторов.

Определенную проблему представляет сбор фактического материала для речеведческих исследований. Динамику речевых актов можно проследить в речи персонажей художественных произведений, однако здесь всегда присутствует определенная степень стилизации и проявления языковой личности писателя – автора художественного текста. Фиксация естественных речевых произведений в «полевых» условиях, естественных спонтанных коммуникативных ситуациях, не всегда возможна. В качестве источника языкового материала стоит рассмотреть различные сетевые виды и формы коммуникации, представленные в интернет-пространстве. Общение посредством компьютера породило множество новых жанрово-дискурсивных разновидностей, представленных малыми интернет-текстами – отзывами, рецензиями, комментариями и т.д., – которые предоставляют большой объем материала для изучения. В фокусе внимания исследователей оказываются разновидности дискурса, дающие возможность анализировать речевые произведения носителей языка самой разнообразной тематики. Одной из таких разновидностей является туристический дискурс, представляющий собой динамично развивающуюся сферу коммуникации благодаря значимому месту туризма в области современной экономики и культуры.

Данный вид дискурса является объектом изучения ряда исследователей в области различных направлений гуманитарного знания. Л.Р. Сакаева и Л.В. Базарова, рассматривая понятия туризма и туристического дискурса в современной научной парадигме, определяют туристический дискурс как совокупность текстов, представляющих собой продукт речевой деятельности в сфере туризма [4, с. 161] и акцентируют внимание на актуальных видах и жанрах туристического дискурса и особенностях перевода туристических текстов, в

частности – текстов путеводителей. Авторы отмечают, что туристический путеводитель является сложным жанром туристического дискурса и обладает особой структурной организацией и разнообразием речевых тактик.

Многие исследователи подчеркивают межкультурный характер туристического дискурса. Так, Е. Манка описывает туристический дискурс как кросс-культурный диалогический процесс, участниками которого являются путешественники, исследующие новые места, и сотрудники туристической отрасли, продвигающие туристические направления. Данный процесс не сводится к досугу и развлечению, он рассматривается как репрезентация и раскрытие культурной идентичности той или иной страны [8, с. 1]. В этой связи, выбор лексико-грамматических структур, используемых для характеристики туристических направлений либо объектов в буклетах и путеводителях, а также способы организации двусторонней коммуникации между потребителями и промоутерами туристических услуг в рамках веб-сайтов, отражает социокультурные предпочтения коммуникантов и представляет перспективное поле лингвопрагматических исследований.

Л.П. Тарнаева и В.П. Дацюк рассматривают туристический дискурс как разновидность институционального делового дискурса, в котором авторы выделяют три подвида – профессиональный, академический и публичный, – различия между которыми проявляются в лексической организации. В профессиональной и академической сферах используются, по преимуществу, аргументативные стратегии, в публичной сфере на передний план выходят стратегии манипулятивные. Особенностью профессионального и академического туристического дискурса является широкое использование узкоспециальных терминов, публичный же туристический дискурс гораздо менее терминологичен и отличается наличием широкого пласта лексики с оценочными и эмотивными коннотациями. В качестве специфики жанрово-стилистической организации туристического дискурса авторы отмечают использование персуазивной риторики, которая характерна для каждого подвида данного дискурса, но наиболее ярко проявляется в публичном туристическом дискурсе [6, с. 235].

Отдельные аспекты туристического дискурса освещены в исследованиях, посвященных анализу функционирования в нем определенных языковых единиц. Так, М.А. Серегина рассматривает лингвосомиотические особенности функционирования паремий в путеводителях на русском и немецком языках. Анализируя лексико-семантическую структуру русских и немецких фразеологизмов на базе материала, обладающего национально-культурной спецификой, автор приходит к выводу о наличии синтаксических и прагматических средств, нацеленных на обеспечение связности и целостности туристического дискурса, привлечение внимания и усиление заинтересованности адресата в предлагаемых услугах [5].

Функционально-прагматический подход к исследованию различных видов и жанров дискурса открывает широкие перспективы для комплексного описания специфики выбора лингвистических средств, необходимых для достижения коммуникативных целей дискурсивных образований. Прагматика, в трактовке Дж. Мея, описывает совокупность прагматических функций и прагматическую перспективу, то есть, механизм действия этих функций [9, с. 9]. Таким образом, можно говорить о прагматике как о функциональном подходе к языку, состоящем в рассмотрении языковых явлений с точки зрения их естественной адаптируемости к нуждам коммуникации. Понятие прагматической функции тесно связано с целевым компонентом коммуникации.

Процесс коммуникации как определенный вид деятельности имеет целенаправленный характер. Реализация целевых установок (стратегий) осуществляется через облечение конкретных интенций (тактических ходов) в лингвистическую форму. Психолингвистика рассматривает интенцию (цель, задача, коммуникативное намерение) адресанта речи как центральный компонент довербального этапа речепорождения, который предшествует выбору средств осуществления акта деятельности и является наиболее важной составляющей ситуации непосредственного общения. А.А. Леонтьев связывает выделение интенции с тем, что «есть какая-то неречевая задача, для выполнения которой и осуществляется речевая

деятельность, и которая решается языковыми средствами» [1, с. 25]. О.Г. Почепцов рассматривает интенцию как разновидность желания, а именно как желание, для реализации которого будут предприняты определенные шаги [3, с. 74]. Таким образом, признается, что в процессе реальной коммуникации именно интенция говорящего определяет выбор и комбинацию языковых средств.

Среди онтологических характеристик языка функциональность всегда занимала центральное место. Понимание языка как целенаправленной системы с набором функций как единого целого, так и функций отдельных элементов, сложившееся в Пражской школе функциональной лингвистики в первой половине 20 века и восходящее к трудам Аристотеля, позволяет говорить о наличии прямой зависимости лингвистического оформления высказывания от целеустановки автора речевого произведения. В отличие от функций языка, которые являются величинами постоянными и универсальными, функции речи не сводятся к какому-либо ограниченному набору, они предстают окказиональными, факультативными феноменами и получают свое название в процессе филологического анализа.

Известны попытки систематизировать речевые функции, выделить среди их многообразия наиболее общие категории. Р.О. Jakobson, развивая концепцию К. Бюлера о языковых и речевых функциях в их отношении к структуре речевого акта, выделяет референтивную (номинативную, денотативную, когнитивную), эмотивную (эмоционально-экспрессивную), конативную (призывно-побудительную, аппелятивную), фатическую (контактоустанавливающую), эстетическую (поэтическую) и метаязыковую функции [цит. по 2, с. 14]. Многие современные исследователи речевых актов и механизмов речевого взаимодействия обращаются к функциональному аспекту дискурса и в качестве одной из наиболее частотных функций, реализующихся в коммуникации упоминают функцию, состоящую в управлении поведением адресата речи, для обозначения которой используется ряд терминов – волюнтаривная, конативная, побудительная, манипулятивная, директивная, регулятивная.

Прагматическая категория директивности чаще всего интерпретируется как один из аспектов побудительности. В основе самого побудительного значения лежит волеизъявление адресанта речи, которое проявляется в речевом принуждении адресата сообщения к определенному поведению [7, с. 6]. В языковой системе имеется закрепленный набор средств, наиболее часто использующийся для выражения директивной интенции, поскольку само явление директивности широко распространено во всех языках и играет весьма значимую роль в дискурсивной деятельности участников как диалогической интеракции, так и авторов монологических высказываний, нацеленных на оказание определенного прагматического эффекта на адресата. Управление поведением адресата является неотъемлемым компонентом бытового и институционального общения.

Исследование, лежащее в основе данной статьи, посвящено изучению особенностей реализации регулятивной функции в текстах Интернет-отзывов иностранных туристов, посетивших Камчатку. Материалом исследования послужили 38 англоязычных отзывов туристов, размещенных на сайте www.tripadvisor.com в разделе, посвященном путешествиям по Камчатскому краю. Данный сайт является одним из самых популярных туристических ресурсов и дает возможность произвести выборку аутентичных текстов, содержащих авторскую оценку путешествия и сопутствующих ему услуг.

Анализ материала показал, что в Интернет-отзыве туриста регулятивная функция актуализируется посредством ряда речевых актов, включающих директивные, экспрессивные и информативные речевые акты. В первой группе регулятивная функция является доминирующей и проявляется благодаря широкому диапазону конвенциональных лингвистических средств и способов выражения – явных и косвенных. В двух последующих группах речевых актов регулятивная функция предстает второстепенной и выражается имплицитно, с помощью косвенных средств.

Директивные речевые акты в отзывах туристов представлены, главным образом, речевыми актами совета, рекомендации, предупреждения. Прямой способ их выражения включает использование побудительных конструкций с глаголами в повелительном наклонении («Wrap up warm and be prepared for sudden changes in the weather» / «Just be aware that this is a wild and remote place» / «Just be prepared the prices are a bit higher and services are not top notch» / «Be prepared for weather delays»), перформативного глагола recommend («There is some down time, so I definitely recommend bringing cards or books (we didn't have access to electricity and power for many days)» / «really beautiful place so definitely recommend»). Предупреждения о нежелательности тех или иных действий чаще всего также выражены с помощью перформативного глагола recommend с отрицанием («It's too bad as this could have been great. I don't recommend going with this outfitter»).

Косвенный способ выражения директивных представлен структурой should (not) с глаголом, причем предложение не имеет дейктических отсылок к адресату («It is really impressive, and should not be missed» / It's a place that all nature lovers should not miss»). Встречаются подробные рекомендации и предупреждения, включающие описание желательных действий, подкрепленное аргументацией: «I just came back from Kamchatka and wanted to report another way to do independent travel there – by renting a four-wheel drive car. This is not as cheap as what Emorre just described, but significantly less expensive for families than joining a tour. There are five people in my family, so it would be pretty expensive if each member joined a tour. By renting a car, it is possible to go out of town to some of the more scenic sites on your own, at your own pace, without spending a fortune. Companies like Hertz or Avis do not operate in Kamchatka, but we went with a local company called CarGo41, run by a Russian named Sergey» / «We arrived in Esso around 17pm. We stayed at Grushanka guesthouse, which I would highly recommend, as Vladimir is one of the only people we have encountered in Esso who could speak English well» / «One caution that I have about independent travel in Kamchatka is that the English level is not very high, so I had to communicate using a google translator. Despite not being able to read Russian, it was relatively easy to find places using the GPS on the phone and an app called maps.me»).

Экспрессивные речевые акты, отражающие эмоциональное состояние адресанта, создают привлекательный образ места пребывания туриста и оказывают эмоциональное воздействие на адресата, тем самым косвенно побуждая последнего посетить туристический объект или локацию и разделить положительные эмоции автора отзыва. Восхищение передается с помощью оценочной лексики (частотными являются такие лексические единицы, как impressed, beauty, fantastic, cool, amazing) и экспрессивного синтаксиса. Для повышения экспрессии автор может использовать риторические вопросы и синтаксический параллелизм: «Would I go back? No, as I have now been, seen and have fantastic photos. Would I recommend it? Yes, for the experience, but prepare yourself for a company that is not really». Используются графические средства эмфазы – заглавные буквы, курсив («Diana was AMAZING! She spoke EXCELLENT English and also made many efforts to keep us happy and comfortable as well, always going beyond her call of duty. We were VERY lucky that they got along super well»).

Многие информативные речевые акты также ориентированы на создание привлекательного образа региона посещения и содержат имплицитное убеждение читателя отзыва в необходимости повторить маршрут автора, получить те же положительные впечатления, либо, наоборот, отказаться от каких-либо действий, связанных с негативными последствиями. Прагматическая цель достигается посредством использования лексико-грамматических средство выражения положительной и отрицательной оценки («I believe everyone got a good appreciation of the beautiful Kamchatka Landscape. That was very much helped by an unexhaustable enthusiasm and knowledge about everything concerning the tour by our Tour Guide, (in fluent English). Larisa the cook provided very, very good food, Vehicle and camping gear was very good» / «I consider that very good value for money» / «We had a bad day

on our second day when the weather conditions at the Kurilskoye Lake was not good enough for the helicopter to land and we were stuck in Petropavlovsk, but this was down to luck not organization»).

Таким образом, актуализация регулятивной функции в Интернет-отзыве туриста провоцирует заранее предсказуемое изменение во внутреннем состоянии адресата и предполагает модификацию его дальнейших действий. Выявленные при анализе материала способы реализации данной функции обнаруживают сходство с особенностями воплощения директивности в рекламном дискурсе, что объясняется жанровой спецификой объекта исследования. Наиболее активно используемые модели речевых высказываний, актуализирующих данную функцию, варьируются от прямых императивов до эмоционально окрашенных языковых структур, выражающих побуждение имплицитно.

Дальнейшее исследование реализации регулятивной функции на материале Интернет-отзывов целесообразно проводить с позиций сопоставления прагматических особенностей англоязычных и русскоязычных отзывов, с учетом прагматических принципов кооперации и вежливости. Изучение подобных жанровых разновидностей открывает широкие перспективы для сравнительно-сопоставительного анализа ценностей представителей различных лингвокультур.

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 18-36.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 2000. – 208 с.
3. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища школа, 1986. – 115 с.
4. Сакаева Л.Р., Базарова Л.В. Понятия «туризм» и «туристический дискурс» в современной научной парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 6 (36): в 2-х ч. – Ч. 1. – С.159-161
5. Серегина М.А. Туристический дискурс: лингвосемиотические особенности функционирования паремий // Филология: научные исследования. – 2021. – №3. – С.59-66. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.3.33475 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33475
6. Тарнаева Л.П., Дацюк В.П. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестник СПбГУ. – Сер.9. – 2013. – Вып.3. – С.229-235.
7. Яковлева Г.Г. Директивный дискурс в диалогическом пространстве разных языков: дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2005. – 322 с.
8. Manca E. Persuasion in Tourism Discourse: Methodologies and Models [Electronic resource]. – Cambridge Scholars Publishing, 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication/332275515_Persuasion_in_Tourism_Discourse
9. Mey J.L. Pragmatics. An Introduction. – USA, UK: Blackwell Publishers, 2001, 2nd ed. – 500 p.

10.02.04

**С.Г. Ларина канд. филол. наук, О.Н. Поддубская канд. пед. наук,
А.В. Сахарова канд. филос. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, larinasvetlanag@mail.ru

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ КОЛЛОКВИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Разговорная речь представляет немало трудностей для лингвистов и переводчиков в силу своих специфических особенностей. Определенные трудности возникают у студентов при изучении художественных текстов, содержащих коллоквиальные конструкции. В статье рассмотрены некоторые проблемы, преодолеть которые студентам поможет изучение коллоквиального синтаксиса.

Ключевые слова: коллоквиальный синтаксис, художественный текст, разговорная речь, экспликация, импликация.

Подготовка будущих учителей английского языка включает не только педагогические дисциплины, но и языковые аспекты, в том числе, лингвистический анализ текста и основы перевода, так как хорошее базовое лингвистическое образование является основой успешной деятельности будущих учителей [2]

Нельзя не согласиться с тем, что процесс изучения иностранного языка должен быть построен с учетом принципа социально-коммуникативной деятельности в естественной языковой среде и направлен на всестороннее развитие иноязычной коммуникативной компетенции [5], однако при подготовке учителей теоретические знания не менее важны. Студенты должны уметь работать с классическим литературным текстом, владеть основами перевода, не говоря уже о лингвистическом анализе художественного текста.

Немалые трудности для перевода представляют собой тексты с большим содержанием разговорной речи. Незнание основ коллоквиального синтаксиса часто приводит к коммуникативным неудачам при переводе художественных текстов, которые неопытный переводчик порой может и не заметить. Подобные трудности могут возникнуть при переводе не только современных, но и классических текстов.

Рассмотрим эти трудности на примере текстов рассказов Дороти Паркер “The Last Tea” и “You Were Perfectly Fine”.

Одной из составляющих коллоквиального синтаксиса является экспликация. Она включает такие компоненты, как избыточность, повтор и уточнение или «расшифровку». “Do you think maybe a drink would make you feel better?” she said. – «Как ты думаешь, если немного выпить, может быть, тебе полегчает?» [8] - избыточная конструкция, где к вопросу добавлен модальный глагол и форма сослагательного наклонения.

Увеличение эмоциональной окрашенности высказывания является причиной чрезмерного наличия в разговоре различного рода усилителей, которые можно комбинировать по-разному.

Среди них можно отметить повтор (репризу). Это повторение звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций достаточно близко друг от друга, что и создает нужный эффект. “Hey, hey, easy on the sugar - one lump is fair enough.” - “Эй, эй, полегче с сахаром - одного куса вполне достаточно” [7] “Oh, dear,” he said. “Oh, dear, oh, dear, oh, dear. Oh.” - “О, боже”, - простонал он. “О, боже, о, боже, о, боже. О-о” [8]

В литературном произведении диалогическая речь является частью художественного текста, поэтому разговорные элементы используются для придания стилистической окрашенности тексту. Так, отдельные слова могут повторяться для того, чтобы акцентировать внимание читателя на деталях происходящего. *"I just got here myself, just about a second ago."* – Я сама только что пришла, только минуту тому назад [7]

Подобный повтор может применяться в рамках одного предложения, в следующих друг за другом фразах в составе одного высказывания или в пределах всего текста: *"...Goodness, there are enough people that are glad enough to take me to tea. I don't know how many people keep calling me up and pestering me to take me to tea. Plenty of people!"* – «...Господи, да вокруг достаточно людей, которые с удовольствием пригласили бы меня попить чаю. Так много людей приглашают меня в кафе попить чаю, что я уже со счета сбилась! Просто куча народу!» [6]

"You were fine! / You were perfectly fine!" – «Ты был великолепен!» - фраза, которая рефреном проходит через весь текст и также служит его названием [8]

Для разговорной речи характерно также употребление грамматически независимых элементов предложения - междометий и вставных фраз, таких как «ah», «oh», «eh», «why», «well», «dear me», «confound it» и т.д.: *"Oh, you were just singing away, there, for about an hour."* – «О, ты просто распевал там около часа»; *"My, you were funny."* – «Боже, ты был забавным» [8]

Интересным приемом является грамматическая инверсия, когда существительное или именная группа может находиться в начале предложения: *"Society's pet, I must have been."* - «Любимчик общества, вот кем я, конечно, был» [8]; *"Say, this little McCall girl, she's had all kinds of offers to go into moving pictures."* – «Слушай, у этой крошки Мак-Кол, у нее полным-полно предложений сниматься в кино» [7]; *"Corking, I am"* – «Великолепно мне» [7]

Не менее важным составляющим элементом разговорной речи является импликация, которую можно определить как способ уменьшения расходования речевых усилий для создания наивысшего уровня понимания со стороны собеседников.

Представления об импликации основаны на теориях И.Р. Гальперина, С.М. Дорофеевой, К.А. Долинина, которые считают, что импликация в той или иной степени может быть выражена в каждом тексте. По определению К.А. Долинина, «имплицитное содержание высказывания - содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено при его восприятии» [3]

"My God," he said. "Clam-juice down that back. And every vertebra a little Cabot" – «Боже мой, - сказал он. - Сок моллюсков на эту спину. И в каждой позвонке маленький Кабот» [8]

Понять скрытое, имплицитное значение этого примера без фоновых знаний действительно очень трудно, и не только студенту. Сноска, которой обычно снабжены русские переводы этого рассказа, относит читателя к Джону Каботу, итальянскому купцу и мореплавателю, состоявшему на английской службе, впервые исследовавшему побережье Канады. Вероятно, поэтому в примечаниях к тексту переводчики соотносят образ мореплавателя, моря, с обилием пролитого соуса. Но в той же Википедии пытливый исследователь может обнаружить сведения об истории некоего американского семейства Кабот (Кэбот), принадлежавшего к аристократическим кругам Бостона и ведущего свою историю с XVII в. [9] Памятуя о том, что Дороти Паркер известна своим едким юмором и пронизательными остротами в отношении городской жизни Америки XX в., можно предположить, что именно привилегированное положение этого семейства имела в виду писательница, намекая на высокое социальное положение персонажа рассказа.

Импликация является действенным способом упрощения разговора и экономии времени. Эллипсис – один из самых ярких элементов импликации.

Рассмотрим примеры эллиптического построения предложения, что довольно часто вызывает трудности перевода у студентов: *"Guess I must be late," he said.* – «Наверное, я опоздал» [7]

При отсутствии местоимения ненужными оказываются и соответствующие предикативные элементы, т.е. грамматические показатели отсутствуют, что иногда создает у студентов ложное представление об «ошибке» или «опечатке»: “*Tell you what I'll do*” – «Расскажу тебе, что я сделаю» [7] “*Know what time I got up?*” – «Знаешь, во сколько я встал?» [8] “*Not feeling so well today?*” *she said.* – «Тебе нехорошо сегодня? – спросила она» [8] “*Look at that hand: steady as a humming-bird.*” – «Посмотри на руку: совсем не дрожит, как крылышки у колибри» [8] “*Sorry you been waiting.*” – «Прости, что пришлось ждать» [7]

В статье приведены лишь некоторые проблемы, с которыми приходится сталкиваться студентам в процессе практической работы с художественным текстом. Изучение коллоквиального синтаксиса не только поможет лучше понять художественный текст, но и положительно скажется на развитии коммуникативной компетенции в целом.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - 4 изд. - М.: КомКнига, 2007. - 148 с.
2. Григорьева Е.Н. Подготовка будущих учителей иностранного языка к осуществлению профессиональной деятельности в условиях реализации ФГОС ООО второго поколения // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2015 г. - №1(85) – С. 113-118.
3. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. - 1983. - №6. - С. 37-47
4. Дорофеева С.М. Специфика реализации импликации в тексте художественного произведения // Филологические науки. - 2016. - №277. - С. 42-52.
5. Ларина С.Г., Поддубская О.Н., Сахарова А.В. Овладение иноязычным дискурсом как социально-коммуникативная деятельность // Казанская наука. – Казань: «РашинСайнс», 2020. – №3. – С. 87–89.
6. Пушина Н.И., Маханькова Н.В., Широких Е.А. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: причины, типология, стратегии минимизации // Вестник Удмуртского университета. – 2015 г. – Т.25, вып.6. – С. 28-34.
7. *Dorothy Parker The Last Tea* [Электронный ресурс]–Режим доступа: <https://gigabaza.ru/doc/107360.html#:~:text=Dorothy%20Parker,THE%20LAST%20TEA> (Дата обращения 20.06.22)
8. *Dorothy Parker You Were Perfectly Fine* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/4538331/page:8/#:~:text=%2B-,You%20Were%20Perfectly%20Fine,-Dorothy%20Parker> (Дата обращения 22.06.22)
9. https://en.wikipedia.org/wiki/Cabot_family (Дата обращения 20.06.22)

10.02.04

Э.А. Лиджиева, А.М. Чудутова, Г.М. Боваева, Т.В. Бураева

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,
гуманитарный факультет,
кафедра германской филологии,
Элиста, lenkira02@mail.ru, a.chudutova.m@mail.ru,
galaelista@yandex.ru, tatyana_buraeva@mail.ru

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Данная статья посвящена исследованию анималистических образов во фразеологизмах немецкого и русского языков. Целью исследования данной статьи является выявление авторами универсальных и национально-специфических особенностей фразеологизмов - зоонимов рассматриваемых лингвокультурах. Ядерными лексемами анализируемых зооморфизмов являются der Hase/Заяц, das Schwein/свинья, der Affe/ Обезьяна. Результатом проведенного исследования в рамках этой статьи является определение метафорических значений зоонимических фразеологизмов с данными лексемами.

Ключевые слова: *фразеологизмы-зоонимы, компонент, универсальные, национально-специфические особенности, ядерные лексемы, анималистические, зоолексема, значение, образ.*

Особую **актуальность** на современном этапе развития лингвистики представляет исследование анималистической лексики. Изучение названий животных как исторически сложившегося специфического пласта лексики представляет большой интерес не только в лингвистическом плане, но и в социокультурном и этнографическом аспектах. Выбор темы научной статьи обусловлен возрастающим интересом лингвистов к роли человеческого фактора в языке, развитием нового направления в лингвистике – антропоцентризма, когда все языковые единицы изучаются не изолированно, а в тесной взаимосвязи с человеком, его деятельностью и культурой, менталитетом.

Научная новизна данной статьи состоит в сопоставительном исследовании анималистических фразеологизмов немецкого и русского языков с целью выявления универсальных и национально-специфических особенностей употребления их в речи.

Зоолексикон в мировой и, в особенности, отечественной лингвистике в последние десятилетия вызывает особый интерес специалистов. Наиболее употребительным термином в научной литературе является «зооним». Этот термин трактуется в лингвистических исследованиях неоднозначно: и как кличка животного («Серко», «Рыжко»), и как нарицательное имя существительное, обозначающее представителя фауны (лошадь, собака, кот). Зоонимы репрезентируют процесс познания и освоения мира фауны в языковой картине мира. Наряду с термином «зооним» исследователи [Мокиенко, Фоякова 1976; Росинене 1978; Балабанова 2008; Горбенко 2009; Багана, Галиаскарова 2010; Михайлова 2006; Яковлева 2018 и др.] также используют термины - «фауноним», «анимализм». Рассмотрим зоонимическую лексику в составе фразеологических единиц. Именно, во фразеологической картине мира вербализуется опыт духовного и культурного развития человека фиксируются наименования предметов и явлений окружающей действительности. «Интерпретация образного основания зоофразеологизмов в знаковом культурно-национальном пространстве» является одной из насущных задач исследования фразеологии[4,215]

Анималистический образ, в основе которого лежит зооморфная метафора, когда человека сравнивают с характерными особенностями животного (зверя), связан с зооморфным кодом культуры. Речь идет о совокупности представлений о мире фауны, представители которого

выступают символом, эталоном определенных качеств. Перенос признаков зверя на человека произошел в результате наблюдения за внешними качествами, особенностями поведения, повадками представителей фауны. Для указания переносного значения зоонимов в лингвистике используется термин «зооморфизм» [1,79]. Именно зооморфизмы составляют особый пласт фразеологических единиц, которые используются как метафоры для характеристики основных черт характера человека или предметов и явлений природы. «Своей семантикой фразеологические единицы направлены на характеристику человека и его деятельности» [2,10].

Рассмотрим фрагменты вербализации анималистических образов *der Hase/Заяц*, *das Schwein/свинья*, *der Affe/ Обезьяна* во фразеологических системах немецком и русском языках.

Зоолексма *der Hase* /заяц(46/29 фразеологических единиц)

В немецком толковом словаре «Duden» мы находим ёмкое определение «зайца»: это дикое млекопитающее с длинными ушами, плотным, мягким, коричневатым мехом и длинными задними ногами [7, 378]. В немецких ФЕ с зоолексемой *der Hase* вербализованы физиологические качества этого животного – его быстрый бег, ловкость в движениях. Заяц изворотлив, старается запутать свои следы, делая большие скачки в стороны и назад. Именно эта его особенность послужила основой вербализации «заячьих» фразеологизмов в языковой системе немецкого языка. Рассмотрим группу анималистических фразеологизмов, выражающих **универсальные особенности** зооморфного образа зайца в немецком и русском языках:

HansHasenfuß (русс. труслив как заяц). *ein wahrer Hase* (настоящий трус). *hasig sein* (быть зайцеподобным): быть трусливым; *Angsthase* (трусливый заяц): пугливый человек; *Hasenfuß* (заячья лапка): трусишка, робкого десятка; *einen Hasen im Busen tragen (haben)* быть пугливым *hasenschreckig sein* (быть испуганным зайцем); *Hasenherz* (заячье сердце);

- *zwei Hasen töten* (убить двух зайцев) означает ‘сразу выполнить два нужных, важных дела; добиться осуществления двух целей’. В основе русского фразеологизма *убить двух зайцев* (устар. *поймать двух зайцев*) лежит поговорка *убить двух зайцев одним выстрелом*.

К группе зоофразеологизмов с зоолексемой заяц, выражающих **национально-культурные особенности** рассматриваемого зообраза в немецкой лингвокультуре, относятся следующие:- *Ein alter Hase* (старый заяц): опытный работник, мастер своего дела; *Hasenreigen* (заячьи хороводы)- символ «любовной связи», «флиртующего парня», «влюбленного жениха»;- *sich um Hasenbalg zanken*(ссориться из-за заячьей шкурки)- пустячный спор; *Der Hase springt über den Adel* (Заяц перепрыгивает дворянство)- значение социального статуса; *sich um Hasenbalg zanken*(ссориться из-за заячьей шкурки)- пустячный спор; *mir ist ein Hase über den Weg gelaufen* (мне заяц дорогу перебежал)- символ неудачи.

Анализ «заячьих» фразеологизмов позволил выявить универсальные и специфические особенности данного зооморфного образа в немецком и русском лингвокультурах. Зооморфный образ зайца в немецкой лингвокультуре отличается от русской. Заяц не только труслив, но и опытный, может иметь значение указания социального статуса, влюбленного русака.

Зоолексема *Affe* /обезьяна(29/15 фразеологических единиц)

В немецком языке зоолексема *Affe* наиболее частотноупотребляема, чем в русском. Обезьяна в немецкой лингвокультуре является любимым диким зверем, об этом свидетельствует большое количество вербализации зоолексемы *Affe* в немецком языке. Исторически это связано с фокусниками, странствующими ранее с ярко разукрашенной обезьяной по Германии. Обезьяны выполняли смешные цирковые трюки. В. П. Даркевич пишет: “Для европейских жителей обезьяна была удивительным животным экзотических стран, одним из гротескных созданий Бога. Их покупали втридорога и содержали в зажиточных домах и даже в жилищах священников...” [3,44]. В словаре В. Даля находим: *хитёр немец: обезьяну выдумал!* ‘говорит народ о заезжих гаерах с обезьянами’ [6,578].

Рассмотрим вербализацию анималистических фразеологизмов в немецком и русском языках, выражающих универсальные особенности рассматриваемого зообраза: *flink wie ein Affesein* (быть ловким/проворным как обезьяна); *mit affenartiger Geschicklichkeit* (с ловкостью обезьяны); ловкий, подвижный как обезьяна; *einen alten Affen (etwas) lehren*; «из хорошей обезьяны не сделаешь и плохого человека» [5,578]

Анималистический образ обезьяны в русской лингвокультуре репрезентирован большей частью с отрицательной коннотацией:

- настоящая обезьяна, уродлив(страшен) как обезьяна, внешность как у обезьяны - о некрасивой внешности;

- кривляются [гримасничают] как обезьяны; гримасничать (корчить гримасы, кривляться, корчить рожи) как обезьяна; подражать кому (дразнить кого, передразнивать кого) как обезьяна; - о подражании и передразнивании кого-либо в поведении;

Вторая группа зоофразеологизмов с данной зоолексемой, выражающая национально-культурные особенности восприятия образа данного животного в немецкой и русской лингвокультуре представлена следующим образом:

- *ein eingebildeter Affe* - «обезьяна-воображаюля, зазнайка; *ein eitler Affe* - самовлюбленная обезьяна; *ein Modeaffe sein*; *wie ein lackierter Affe*; - быть модно (предавать чрезмерное значение одежде), вынаряженной, как обезьяна; *etwas ist ein [wahrer] Affentanz* - танцевать, играть на публику, демонстрируя проявление радости; *ein Affentheater [Affenkomödie] aufführen* - играть комедию; *mit Affenmünze bezahlen* - оплатить шапкой обезьяны в значении: не оплатить; *wie ein Affe arbeiten* - работать, не разгибая спину;

В русском языке этот зоофразеологизм имеет отрицательное значение: мартышкин труд - прилагать напрасные усилия.

Восприятие образа обезьяны немцами во фразеологизмах выражено и с отрицательной коннотацией: *jmdn. zum Affen halten*, *ein dämlicher Affe* - считать за глупую обезьяну; *einen Affen [sitzen] haben* - быть пьяным.

Таким образом, анималистический образ обезьяны в немецкой лингвокультуре представлен во фразеологизмах в наибольшем количестве с положительной окраской значения, нежели с отрицательной. Фразеологическому образу обезьяна в русской лингвокультуре характерны отрицательные признаки; уродлива по внешности и по интеллекту глупа.

Во фразеологической системе немецкого языка образ обезьяны вербализован широким спектром значений: обезьяна - талантлива: хорошо танцует, наряжается по моде, артистична. трудолюбива.

Зоолексема «Schwein» /Свинья (15/9 фразеологических единиц)

Для описания зооморфного образа свиньи в двух лингвокультурах мы систематизировали отобранные методом сплошной выборки анималистические фразеологизмы на группы с общими и национально-специфическими особенностями.

Рассмотрим первую группу фразеологизмов с зоолексемой свинья в немецком и русском языках, выражающих общие, универсальные признаки зооморфного образа: *Das ist eine Schweinerei!* что за свинство! - *Metать бисер перед свиньями*; *Посади свинью за стол, она и ноги на стол*; *Schweinehund* - свинья - подлец.

Национально-специфические особенности зооморфного образа в рассматриваемых лингвокультурах: *Schwein gehabt*; *Das Schwein am Schwanz haben* 'поймать свинью за хвост'; иметь удачу; - *Schweinegeld* - иметь много денег; - *mein Schwein pfeift* - моя свинья свистит; человек услышал что-то невероятное; - *Besoffen wie ein Schwein sein* - пьяный в дым; - *Sauglück* - свинячье счастье; - *Sauklaue* - ужасный, отвратительный почерк, каракули; - *Sauwetter* - свинячья погода: очень плохая, сырая; - *Sauarbeit* - свинячья работа: ужасная работа; - *Unter aller Sau* - ниже всех свиней: ниже всякой критики; - *die Sau rauslassen* - выпускать из себя свинью: веселиться; - знает толк, как свинья в апельсинах - плохо разбираться в ч-л; - грязный как свинья - иметь неопрятный, неряшливый вид; - толстый (полный) как свинья;

Таким образом, анималистический образ свиньи в немецкой лингвокультуре вербализован во фразеологизмах большей частью с положительной коннотацией, чем с отрицательной. Это объясняется тем историческим фактом, что разведение свиней является одним из древнейших направлений сельского хозяйства Германии. Дикие свиньи - (Wildschweine) паслись на территории Германии стадами в лесах низовья Эльбы, питались дубовыми желудями и буковыми орешками.

Проведя анализ анималистических фразеологизмов в немецкой и русской лингвокультурах с целью описания зооморфных образов, выраженных зоолексемами *der Hase/Заяц*, *das Schwein/свинья*, *der Affe/ Обезьяна*, мы выявили следующий спектр их значений: в зооморфном образе зайца - трусость, опыт, влюбленность, социальный статус; во фразеологическом образе обезьяны - талант, глупость, некрасивая внешность, артистичность, трудолюбие; в зооморфном образе свиньи - неряшливость, богатство, удача, полнота. Определен ряд фразеологизмов с рассматриваемыми зоолексемами, относящихся к группе национально-маркированных фразеологических единиц: - *Schweinegeld*, *Schwein gehabt* (очень повезло) *Ein alter Hase* (опытный заяц), *mit Affenmünze bezahlen*, *маптышкин трюд*.

Таким образом, анималистическим образам животных рассматриваемых зоолексем, вербализованных во фразеологических системах немецкого и русского языков, характерны как универсальные, так и национально- специфичные особенности.

Список литературы

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
2. Галимова О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале рус. и нем. языков): автореф. ... к. филол. н. [Башк. гос. ун-т]. – Уфа, 2004. – 22 с.
3. Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве. IX-XV вв. АН СССР, Институт археологии. - М., 1988.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст]/ В.Н. Телия. – М.: Школа русской культуры, 1996. – 288 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.-1-4 т.- М.,1989.
7. Duden/ Das grosse Worterbuch der deutschen Sprache.- Bd1. – Dudenverlag Manheim, 1999.

*10.02.04***Ю.А. Фокеева**

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
Социально-экономический институт,
кафедра «Переводоведение и межкультурная коммуникация»,
Саратов, SolomatinaYA@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ А.П.ЧЕХОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности передачи детских образов на английский язык. Автор анализирует рассказы А.П. Чехова «Ванька» и «Гриша», главными героями которых являются дети. В исследовании приведён сравнительный анализ двух переводов каждого рассказа, выполненных переводчиками К.Гарнетт, А.Литвиновой и М.Фелл.

Ключевые слова: *детский образ, рассказ, перевод, сравнительный анализ.*

Дети являются главными героями многих произведений, написанных на разных языках. В нашей стране наибольший интерес к использованию образов детей в литературе приходится на 19 век. Именно во второй половине 19 века писатели- классики обратились к раскрытию внутреннего мира и особенностям восприятия мира детьми. В творчестве И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, В.Г.Короленко, Н.Г. Гарина-Михайловского и других писателей дети знакомятся с окружающим миром, учатся выживать в нём, переживают радость и горе, счастье и разочарование.

Во многих странах на протяжении десятилетий наблюдается устойчивый интерес к русской литературе, поэтому произведения отечественных классиков в большом количестве переведены на иностранные языки.

Одним из русских писателей, повествующих о детях, стал А.П. Чехов. Его произведения были впервые переведены на французский язык в конце 19 века ещё при жизни автора. В тот же период появляются они и в Германии, сборники «В сумерках» и «Русские люди» перевел Йоханнес Трейман. Переводы на английский язык были опубликованы в литературном журнале «Атенеум» в 1889г., но поначалу не привлекли интереса читателей [3]. В дальнейшем распространение получили произведения А.П. Чехова в переводах английской переводчицы Констанс Гарнетт.

Образы детей в произведениях А.П. Чехова показаны на фоне социальной действительности. Читатель получает информацию о характере ребёнка и об окружающем его быте, что помогает лучше представить детей современников автора. Так, в рассказе «Гриша» описывается мальчик в возрасте двух лет и восьми месяцев. Автор даёт точный возраст ребёнка и описывает его словами «маленький» и «пухлый», кроме того А.П. Чехов «рисует» его словесный портрет, читатель получает информацию об особенностях одежды и движений ребёнка. Окружающий мир подаётся через наивное детское восприятие: «Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста» [5, С. 107]. При передаче хода мыслительного процесса, автор использует риторические вопросы, герой пытается понять, как действовать на улице: «...глядит вопросительно на няньку: не опасно ли?» или недоумевает по поводу ухода тёти: «Куда она исчезает?» [5, С. 108]. Вместе с тем, в некоторых абзацах автор рассказа указывает на конкретные чувства, охватившие мальчика: «душа Гриши наполняется чувством наслаждения» [5, С. 109]. Весь рассказ передаёт события насыщенного дня, мальчика сопровождает нянька. Эти факты и другие, как бы между прочим сделанные замечания, позволяют сделать вывод о том, что Гриша из обеспеченной семьи. Совсем иной детский образ создаётся А.П. Чеховым в другом его рассказе.

В рассказе «Ванька» (1886) главным героем является девятилетний мальчик. В данном произведении А.П. Чехов не даёт описания внешнего вида и черт личности мальчика, но авторское повествование и содержание письма, которое мальчик пишет деду, позволяет представить все трудности, с которыми сталкивается крестьянский мальчик в ученье. Уже первый абзац рассказа содержит намёки на мрачное содержание: «...он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна...», содержание письма раскрывает тяжёлые условия, в которых живёт мальчик, описывая свою жизнь, Ванька просит деда: «...увези меня отсюда, а то помру...» [4, С. 501, 503]

От рассмотрения специфики раскрытия детских образов в текстах оригинала (ТО) перейдём к рассмотрению способов их передачи в переводах. Трудности при переводе текста русской художественной литературы на английский язык возникают, по мнению Н.А. Дудик, «вследствие: 1) особенностей диалогичности ТО; 2) присутствия реалий языка оригинала в ТО; 3) информации о ритуалах языка оригинала в ТО; 4) семантической интенсивности, более характерной для языка ТО» [1, С.5]. Первую трудность автор объясняет сложностями, связанными с поиском и подбором переводческого эквивалента, вызванными лингвокультурными особенностями текстов, также особую сложность часто вызывают реалии в тексте оригинала, поскольку являются трудными для понимания самим переводчиком, а также читателями. Под ритуалами понимается упоминание в тексте атрибутов религиозных празднований и действий, также «для русского языка характерна более высокая степень категоричности и смыслового усиления», которую также бывает сложно передать на другие языки. [1, С.12]

Как справедливо отмечено в статье «Грамматические трансформации в переводе произведений А.П. Чехова на английский язык: «Изучение текстов ставших классикой, и их соотнесение с оригиналом, позволяет проникнуть в процесс работы переводчика, оценить результат переводческой деятельности, выявить характерные приёмы, стратегии и тактики интерпретации» [2, С.306]. Рассмотрим особенности переводов нескольких авторов и выявим средства передачи детских образов. Читаем у А.П. Чехова: «*Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать*». Перевод К. Гарнетт: «*Vanka Zhukov, a boy of nine, who had been for three months apprenticed to Alyahin the shoemaker, was sitting up on Christmas Eve*». Перевод А. Литвиновой: «*NINE-YEAR-OLD Vanka Zhukov, who had been apprenticed three months ago to Alyakhin the shoemaker, did not go to bed on Christmas eve*».

Первое предложение оригинала рассказа начинается с имени собственного, имени героя произведения. Сравнив переводы Констанс Гарнетт и Айви Литвиновой, можно увидеть, что первый перевод также как и оригинальный текст начинается с имени мальчика, в то время как второй переводчик на первое место вынес возраст героя, по-видимому, он посчитал, что указание возраста является более важной информацией, чем имя.

Рассмотрим другой пример: «... он несколько раз **пугливо оглянулся** на двери и **окна**, **покосился** на темный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул». К. Гарнетт: «... he several times **looked round fearfully** at the door and **the windows**, stole a glance at the dark ikon, on both sides of which stretched shelves full of lasts, and heaved a broken sigh». А.Литвинова: «... he **glanced** several times **anxiously** at the door and **window**, peered at the dark icon, with shelves holding cobbler's lasts stretching on either side of it, and gave a quivering sigh».

Описывая действия мальчика К. Гарнетт использовала фразовый глагол *look around*, грамматическое число существительного *the window* совпадает с авторским, во втором переводе автор использует глагол *glance*, который предполагает быстрый взгляд. Наречия, относящиеся к данным глаголам также различаются, в первом случае более сильное *fearfully*, во втором – *anxiously*. Имеют качественные различия и определения к слову *sigh*.

Предложения начала самого письма Ваньки отличает простота построения. Айви Литвинова использует слово *Mumtje*, характерное для детской речи, но до конца не отражающее смысл слова *маменька*, К. Гарнетт даёт нейтральный вариант *mother*, тем самым полностью нивелируя национальный колорит.

Обращения к деду проникнуты теплом и нежностью, четыре раза в письме мальчик обращается к деду словами «милый дедушка». При переводе оба переводчика используют слово *dear*, однако слово «дедушка» передано различными лексемами *grandfather* и *grandad*.

Автор произведения создаёт образ думающего и умеющего выразительно передать свои мысли ребёнка: «*Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой...*». К. Гарнетт: «*My life is wretched, worse than any dog's. . .*». А. Литвинова: «*I have such a miserable life worse than a dog's*».

Вышеуказанное предложение в текстах перевода имеет отличия от оригинала. Так, в первом переводе также как и в первоначальном тексте подлежащим является слово «жизнь». В переводе А. Литвиновой подлежащим становится местоимение 1 лица ед.ч.

Из текста можно сделать вывод, что мальчик хорошо воспитан и добр. Несмотря на тяжёлую жизнь, он не забывает о других, вспоминает знакомых людей и события, значимые предметы (например, гармонию). В предложении «А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай», слово *кланяюсь* получает различные переводы [4, С. 504]. Оба переводчика используют традиционные клише, К. Гарнетт: *I send greetings to ...*, А. Литвинова: *And I send my love to* [6, 7].

Рассмотрим два перевода рассказа «Гриша», выполненные Констанс Гарнетт и Мэриан Фелл. В данном произведении авторское повествование переплетается с восприятием окружающего мира главным героем. Читатель будто видит мир глазами ребёнка: «*За этой комнатой есть еще другая, куда не пускают и где мелькает папа — личность в высшей степени загадочная!*» К. Гарнетт: «*Beyond that room is still another, to which one is not admitted, and where one sees glimpses of papa — an extremely **enigmatical** person!*» М. Фелл: «*Still farther beyond lay another room, where one was not allowed to go, and in which one sometimes caught glimpses of papa, a very **mysterious** person!*»

Структура предложения в переводе К. Гарнетт повторяет оригинал, также как у А.П. Чехова использовано тире, в свою очередь М. Фелл его опускает. Существенным различием является слово «загадочная». В первом примере перевода использовано слово *enigmatical*, которое может быть переведено как «таинственный, загадочный, неведанный», во втором варианте видим слово *mysterious*, что означает «загадочный, мистический». Думается, слово *mysterious* больше соответствует детской речи, поскольку проще по произношению и является более употребимым.

Гриша постоянно открывает что-то новое, всему удивляется: «*Но страннее и нелепее всего — лошади*». К. Гарнетт: «*But what is **stranger** and more **absurd** than anything is the horses*». М. Фелл: «*But the **funniest** and **oddest** things of all were the horses*».

Представляется, что перевод М. Фелл лучше раскрывает детский образ, поскольку ребёнок в указанном автором возрасте использует более простые слова и короткие предложения, что и делает переводчик.

При описании эмоций и чувств мальчика автор использует настоящее время, К. Гарнетт следует за оригиналом, в то время как М. Фелл применяет грамматическую трансформацию и заменяет время на прошедшее: «... душа Гриши **наполняется** чувством наслаждения и он **начинает хохотать**». К. Гарнетт: «... *Grisha's soul **is filled** with a feeling of enjoyment and he **begins to laugh***». М. Фелл: «... *all **struck** Grisha as so amazingly new and yet unterrifying, that his heart **overflowed** with delight and he **began to laugh***».

Пока няня в компании разговаривает и пьёт, мальчику становится скучно и он зовёт: «Ма-а-ма! — тянет он.» Автор использует повтор гласного, графически воссоздавая звучащую речь. Наиболее близким переводом данного предложения является вариант К. Гарнетт: «*Mam-ma,*» *he drawls*. Переводчик использовал тот же приём, однако повторяя

согласный. Переводческое решение М.Фелл в большей степени отличается от оригинала: *"Ma-a-in-ta!" he wailed.*

Глядя на выпивающую нянюку и её знакомых, Гриша тоже просит попить. При этом для привлечения внимания он использует слово «няня». В своём переводе М. Фелл заменила стилистически нейтральное слово на форму *nursie*, видимо в попытке приблизить текст к речи маленького ребёнка.

Проанализировав рассказы А.П. Чехова, можно прийти к определённым выводам. Так, автор, обращаясь к детским образам, даёт подробное, но не навязчивое описание внешности, жизненных обстоятельств и характеров героев, вследствие чего создаёт правдивые образы детей. Воссоздание детских образов на иностранном языке требует от переводчика знаний детской психологии и специфики их речи, что позволяет сделать образы реалистичными.

Список литературы

1. Дудик Н.А. Проблемы переводимости русскоязычного текста на английский язык (на примере переводов рассказа А.П.Чехова «Ванька»)// Вестник РУДН, серия Лингвистика.– 2014.- №3.– С.140-154.
2. Моисеева И.Ю., Ремизова В.Ф., Нестерова Т.Г. Грамматические трансформации в переводе произведений А.П. Чехова на английский язык// Балтийский гуманитарный журнал.– 2019.- Т.8. №3 (28).– С. 306-310.
3. Раздобудько А.В. История перевода произведений А.П. Чехова// Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2017/razdobudko-2017.html> (дата обращения 15.05.2022).
4. Чехов А.П. Ванька/ Собр.соч. в 12 томах.Т.4. 1961– С.501-505.
5. Чехов А.П. Гриша/ Собр.соч. в 12 томах.Т.4. 1961– С.107-110.
6. Chekhov A. Vanka (translated by C.Garnett) URL: https://celz.ru/anton-chekhov/page,7,141860-selected_short_stories_-1882-1887-_translated_by_constance_garnett.html
7. Chekhov A. Vanka (translated by I. Litvinov) URL: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/vanka.html>
8. Chekhov A. Grisha (translated by M. Fell) URL: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/grisha.htm>
9. Chekhov A. Grisha (translated by C. Garnett) URL: <https://readandripe.com/grisha/>

*10.02.04***¹М.С. Харченко, ²Е.С. Глухова, ³Т.В. Горбунова**

¹Иркутский государственный университет,
педагогический институт,
отделение гуманитарно-эстетического образования,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

²Байкальский государственный университет,
институт мировой экономики и международных отношений,
кафедра иностранных языков для профессиональных целей,

³Иркутский национальный исследовательский технический университет,
институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков для технических специальностей №1,
Иркутск, porova-mary@mail.ru, dovgy@inbox.ru, tanya.mironchuk@hotmail.com

ГЛАГОЛЫ КАУЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БОЛИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению глаголов каузации эмоциональной (психологической) боли с позиций прототипической семантики. Предпринимается попытка определения прототипической ситуации каузации боли и деления исследуемых глаголов на семантические группы.

Ключевые слова: *прототип, каузация, глаголы боли.*

В общепринятом смысле боль — это «... неприятное или мучительное ощущение, переживание физического или эмоционального страдания» [2]. Глаголы причинения физической боли были рассмотрены нами ранее [7]. Эмоциональная боль, с одной стороны, является исключительно субъективным, личным переживанием, с другой стороны, все люди способны переживать одни и те же эмоции. Настоящая работа посвящена изучению вопроса репрезентации ситуаций каузации (причинения) эмоциональной боли. Под термином каузация мы понимаем «связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [6]. Прототипический подход позволяет структурировать многочисленные ситуации вокруг прототипической, которая определяется как ситуация, существующая в голове у говорящего и опознается им в первую очередь, и, как следствие, делает возможным семантическое и синтаксическое предсказание элементов предложения или конструкции. [4] Для прототипической ситуации каузации характерно наличие следующих признаков: «... наличие Агенса (Субъекта) (1), у которого есть цель (2) физически изменить Объект (3), план (4) и программа (5) выполнения этой цели; Агенса (Субъекта) контролирует (6) программу, ответственен (7) за ее выполнение (8) при помощи физического контакта (9) и органов восприятия (10), а также воспринимает (изменения) (11); отношения между Агенса (Субъектом) и Объектом — это отношения источника и цели приложения энергии (12)» [11, с. 71-72]. Однако, в след за Л.М. Ковалевой, мы рассматриваем описанную ситуацию, как гипотетическую, поскольку в языке не существует конструкции, в которой были бы реализованы все перечисленные элементы [2]. В языке ситуации причинения эмоциональной боли категоризируются при помощи предложений с глаголами каузации боли. Прототипическая ситуация имеет следующий вид: «Субъект является причиной появления у Объекта негативной эмоции». Однако важно подчеркнуть, что вызванная эмоция есть результат восприятия и определения Объектом Субъекта, его слов или действий, как нежелательных для себя, или негативных. Далее речь пойдет о языковой репрезентации таких базовых (согласно классификации Роберта Плутчика [10]) эмоций, как печаль, гнев, страх.

Группа 1. Глаголы со значением «опечалить» (to make someone feel sad).

Глаголы: to sadden, to grieve, to dispirit, to dishearten, to discourage, to distress, to oppress

Прототипическая ситуация: «Субъект является причиной появления у Объекта эмоции печали»

Психологический словарь дает следующее описание печали: «психологическое состояние человека, характеризующееся переживанием чувства грусти» [5]. К ядру исследуемой группы можно отнести такие глаголы, как: to sadden в значении «to make someone feel sad or disappointed» [CD], to grieve в значении «to make someone feel very sad» [CD]. Стоит отметить, что переживаемые Объектом эмоции, выраженные данными глаголами, представляют весьма широкий диапазон состояний: от разочарования, как в случае с фанатами, расстроенными плохой игрой бывших чемпионов (1) до крайнего отчаяния и горя, вызванных утратой чего-то или кого-то очень важного, как, например, суицид Джеймса (2) или смерть друга (3), ср.:

1) Fans were saddened to see the former champion play so badly. [OD]

2) I was grieved to hear of the suicide of James. [CID]

3) She was *saddened* over the death of her friend. [OD]

По мнению специалистов, печаль возникает из-за потери того, что было действительно важным для человека – создавало или подпитывало ощущение полноты жизни и наслаждение жизнью. Эти ощущения позволяли глубоко внутри проживать чувство, что жизнь хороша, как бы ни была сложна, что то, что жить – это хорошо [8]. В психологическом словаре находим: «Состояние печали противоположно (по сопровождающим его внутренним переживаниям и связанным с ним формам поведения) состоянию радости» [5]. Интересно заметить, что большая часть глаголов со значением «опечалить» образована при помощи префиксов со значением отрицания, например, to dispirit, to dishearten, to discourage. Дефиниционный анализ убеждает нас в справедливости утверждения о том, что переживание печали – есть осознание потери важных для Объекта вещей. Так, например, вызвать печаль у человека можно слолив его дух, ср.: to dispirit (to lower the spirit or enthusiasm of; make downhearted or depressed) [CID] (4); лишив его надежды, ср.: to dishearten (to cause to lose hope, enthusiasm) [MWD] (5); разуверив его в собственных силах, ср.: to discourage (to make someone less confident or enthusiastic about something) [CD] (6).

4) Many other people should receive the benefits, but they are too sick, too tired or too *dispirited* to make an appeal. (CD)

5) She was very disheartened by the results of the test. (CD)

6) I was *discouraged* by repeated failure [MWD]

Еще одну подгруппу глаголов со значением «опечалить» составляют глаголы, этимологически восходящие к существительным stress (стресс) и depression (депрессия): to depress (to make somebody sad and without enthusiasm or hope) [OD] (7), to oppress (to make somebody only able to think about things that make them sad or worried) [OD] (8), to distress (to make someone feel very upset or worried) [CD] (9).

7) I know he is too optimistic but I don't want to depress him. (CID)

8) He was beginning to feel oppressed by his surroundings. (CID)

9) It distressed me to see how ill she looked. (CD)

Таким образом, можно заключить, что состояние депрессии, стресса сопровождается переживанием эмоции печали.

Группа 2. Глаголы со значением «озлобить, разгневать» (to make someone angry).

Глаголы: to anger, to enrage, to infuriate, to incense, to madden, to antagonize, to annoy, to aggravate, to displease, to exasperate, to irritate, to rile, to gall, to chafe

Прототипическая ситуация: «Субъект является причиной появления у Объекта эмоции гнева»

В психологии гнев определяется как «негативная эмоция, интенсивно проявляющаяся в короткий промежуток времени в форме сильного возмущения, негодования. Может

сопровождаться слабо контролируемыми активными движениями и общественно невоспринимаемым поведением» [1]. Ядерным представителем данной группы глаголов следует считать глагол *to anger* в значении «*to make someone angry*» [MWD]. Причиной для злости Объекта может быть, как наличие раздражающего фактора в виде Субъекта ситуации каузации злости, как в примере (10), где говорится о непонравившемся по каким-то причинам вопросе, так и отсутствие такого фактора, что, в свою очередь, также провоцирует эмоцию раздражения, см. пример (11), где отсутствие внимания к Объекту разозлило последнего.

10) *The question clearly angered him.* [OD]

11) *He was angered at the lack of attention being shown him.* [OD]

Обращение к толковым словарям позволило разделить группу каузативов гнева на следующие подгруппы, в зависимости от интенсивности эмоции: глаголы со значением каузации ярости (высшая степень проявления эмоции злости), раздражения (наименьшая степень проявления злости), в промежутке между ними находится группа глаголов со значением каузации гнева.

К глаголам каузации ярости относятся *to enrage* (*to make somebody very angry*) [OD] (12), *to infuriate* (*to make somebody extremely angry*) [OD] (13), *to incense* (*to make somebody extremely angry*) [CID] (14), *to madden* (*to make a person or an animal very angry or crazy*) [OD] (15):

12) *Farmers are enraged by the government's refusal to help.* (CD)

13) *What really infuriated me was the fact that he'd lied.* (CD)

14) *This proposal will incense conservation campaigners.* (CID)

15) *Maddened with pain, the wounded bull ran at them* (OD)

Глаголы *to anger* (*to make somebody angry*) [OD], *to antagonize* (*to make someone angry or unfriendly towards you*) [OD] (16), *to gall* (*to make somebody feel upset and angry, especially because something is unfair*) [OD] (17) в нашей классификации относятся к подгруппе каузации гнева.

16) *He's antagonized colleagues by making changes without discussing them.* (CD)

В примере (16) представлен довольно необычный с точки зрения семантики глагол, поскольку в прототипической ситуации, категорированной указанным глаголом, Субъект (он) вызывает, провоцирует эмоцию гнева у Объекта (у коллег) по отношению к себе же, то есть настраивает Объект (коллег) против себя же.

Глагол *to gall* подчеркивает «праведность» гнева Объекта, поскольку такой гнев вызван несправедливостью (*to make somebody feel upset and angry, especially because something is unfair*) [OD], как в примере (17), ср.:

17) *It galls me to have to apologize to her* (OD)

Ограничения и рамки озлобляют Объект в ситуациях, репрезентованных глаголом *to chafe* (*to feel angry because of rules and limits*) [CD] (18), ср.:

18) *We have been chafing under petty regulations for too long.*

К глаголам со значением каузации раздражения мы отнесли глаголы, синонимичные *to annoy* (*to make someone slightly angry*) [CD] (19): *to aggravate*, *to displease*, *to exasperate*, *to irritate*, *to rile*.

19) *I'm sorry - is my cough annoying you?* (CD)

Однако следует заметить, что, не смотря на общность толкования, перечисленные глаголы имеют свои «уникальные» характеристики, которые выделяют их из общего ряда. Так, в случае с глаголом *to aggravate* чаще всего речь идет о намеренной каузации раздражения со стороны Объекта (*to annoy somebody, especially deliberately*) [OD], как в примере (20), когда по мнению говорящего бейсбольная лига не в первый раз раздражает своих болельщиков, ср.:

20) How many times can Major League Baseball disrespect and *aggravate* its fans?

Глагол *to irritate* предполагает продолжительное негативное воздействие на Объект с целью каузации у последнего эмоции раздражения (*to annoy somebody, especially by something you continuously do or by something that continuously happens*) [OD]. Полагаем, для того, чтобы чье-то поведение стало раздражителем, необходимо, чтобы воздействие на Объект происходило в течение какого-то времени, ср.: (21):

21) After a while her behaviour really began to irritate me. (CD)

Глагол *to rile*, по нашему мнению, употребляются в тех случаях, когда говорящий не уверен в интенсивности эмоции каузируемого Объекта. Ср., *to rile* – «to annoy somebody or make them angry» [OD], как в примере (22), где говорящий свою неуверенность подкрепляет глаголом *to seem* (казаться), ср.:

22) Nothing ever seemed to rile him. (OD)

Группа 3. Глаголы со значением «испугать» (*to make someone feel frightened*).

Глаголы: *to frighten, to spook, to scare, to terrify, to threaten, to intimidate, to bully, to terrorize, to cow, to browbeat*

Прототипическая ситуация: «Субъект является причиной появления у Объекта эмоции страха»

В психологии страх определяется как «...эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности». [3]

Анализ данной группы глаголов позволяет выделить две подгруппы со следующими значениями: 1 – когда Субъект вводит Объект в состояние страха / испуга (с доминантным глаголом *to frighten*); 2 – когда Субъект преследует цель ввести Объект в состояние страха / испуга для того, чтобы заставить последнего что-либо сделать (с доминантным глаголом *to threaten*). К первой группе мы относим такие глаголы, как: *to frighten (to make somebody suddenly feel afraid)* [OD] (23), *to spook (to frighten a person or an animal)* [OD] (24), *to scare (to (make a person or animal) feel frightened)* [CD] (25), *to terrify (to make somebody feel extremely frightened)* [OD] (26); ко второй – *to threaten (they say or imply that they will do something unpleasant to you, especially if you do not do what they want.)* [CID] (27), *to intimidate (to frighten or threaten somebody so that they will do what you want)* (28), *to bully (to cause (someone) to do something by means of force or coercion)* [MW] (29), *to terrorize (to make someone feel very frightened by threatening to kill or hurt them)* [CD] (30), *to cow (are made afraid, or made to behave in a particular way because they have been frightened or badly treated)* [CID] (31), *to browbeat (to try to force someone to do something by threatening them or persuading them unfairly)* (CD) (32), ср.:

23) Sorry, I didn't mean to frighten you. (OD)

24) We were spooked by the strange noises and lights. (OD)

25) You scared me (OD)

26) I'm terrified by spiders (CD)

27) She's threatening to take me to court for not paying the bill on time (CD)

28) They were intimidated into accepting a pay cut by the threat of losing their jobs. (CD)

29) I was *bullied* into accepting their offer (MW)

30) People were terrorized into leaving their homes. (OD)

31) The protesters refused to be cowed into submission by the army (CD)

32) Don't be browbeaten into working more hours than you want (CD)

Важно понимать, что в ситуациях, выраженных глаголами, синонимичными *to frighten* речь идет о том, что Субъект не имеет намерения заставить Объект переживать страх, скорее это происходит либо по случайности, как в примерах (23), (25) с одушевленными личными существительными; либо от неожиданности, как в примере (24) с предметными и в примере (26) с неличными существительными. То есть во всех перечисленных случаях речь идет о непреднамеренной каузации страха, поскольку именно Объект расценил Субъект ситуации, как опасность, вероятно потому, что людям в принципе свойственно пугаться всего нового и

непонятного. В ситуациях, представленных глаголами второй группы дело обстоит несколько иначе. Здесь речь идет о каузации состояния страха у Объекта для того, чтобы заставить последнего что-то сделать или отдать. Иными словами, состояние страха у Объекта – это не конечная цель, а средство достижения основной цели, например, своевременно оплачивать счета (27); согласиться на уменьшение заработной платы (28); принять их предложение (29); покинуть свои дома (30); подчиниться приказу (31); работать больше, чем желает Объект (32).

Проведенное исследование позволяет нам говорить о том, что ситуация причинения эмоциональной боли является довольно сложным механизмом, и вербализуется при помощи предложений с многочисленными глаголами причинения боли. Этот факт объясняется субъективностью эмоциональной реакции Объекта каузации на Субъект каузации, его слова и/или поступки. Отметим, что роль Объекта каузации может выполнять исключительно личное существительное, поскольку только человек способен на эмоциональное переживание, тогда как в роли Субъекта каузации кроме прототипического личного существительного (25), (16), (20) может выступать неличное (26) и даже пропозитивное существительное (10), (11), (13), (14), (19), (21). Как полагает Д. Биро, «Человечеству удалось создать язык, который описывает не только мир вокруг нас, которым мы делимся с другими (закаты, птички, цветы), но и язык, при помощи которого мы говорим о нашем внутреннем мире, которым не делимся с другими (любовь, страх, боль)».

Список литературы

1. *Байковский Ю.В.* Экстремальная психология: словарь терминов. – Москва: АГСПА, 2018. – 155 с.
2. Боль: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/боль> (дата обращения 05.06.2022).
3. Большая психологическая энциклопедия. Страх. – URL: <https://rus-big-psyho.slovaronline.com/7260-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%85> (дата обращения 04.06.2022).
4. *Ковалева Л.М.* Английская грамматика: предложение и слово: Монография. – Иркутск, 2008. – 397 с.
5. *Немов Р.С.* Психологический словарь – М.: ГИЦ «ВЛАДОС», 2007.— 560с.
6. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – 1492 с.
7. *Харченко М.С., Горбунова Т.В.* Глаголы каузации физической боли в современном английском языке // Казанская наука. 2021. №4. С.100-104.
8. *Яска К.А.* Печаль как профилактика депрессии: шаги и конкретные действия внутреннего процесса – URL: https://www.b17.ru/article/kirayaska_pechal/ (дата обращения 04.06.2022).
9. *Biro D.* Listening to pain: Finding words, compassion, and relief. – NY.; L.: Norton, 2011. – P. 89.
10. Emotion: Theory, Research and Experience. Volume 1. Theories of Emotion. Edited by R. Plutchik and H. Kellerman. – London; Academic Press, 1980. – 339 p.
11. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.
12. CD – Cambridge dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 18.06.22).
13. CID – Collins dictionary. – <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения 18.06.22).
14. MWD – Merriam Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 18.06.22).
15. OD – Oxford Dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 18.06.22).

10.02.04

Л.И. Шадаева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков №1,
shadaeva@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА А. ЛИНКОЛЬНА

В работе анализируется аргументативный дискурс А. Линкольна как логический тип аргументации, который направлен на интерпретацию тезиса в рамках вновь созданной ценности в картине мира адресата. Для изучения дискурса А. Линкольна мы рассмотрели трансформации библейских метафор, сравнили картину мира личности А. Линкольна и языковую картину мира его эпохи.

Ключевые слова: аргументация, логический, картина мира, метафора, прагматический, ценность.

The identification of the main directions of metaphorization goes back to ancient times: the transfer of an animate object to an inanimate one ($O \rightarrow N$), inanimate object to inanimate one ($N \rightarrow N$), animate object to animate one ($O \rightarrow O$). The type of metaphorical transfer is one of their characteristics, one of the parameters of the metaphorization model [4, p. 41].

O. N. Alyoshina (1991) distinguishes on the basis of various types of metaphorical transformations the following gradations: 1) metacategorical-universal metaphorical transformations that do not depend on the partial belonging of the metaphorized material; metacategorical types $H \rightarrow O$ (personification) and $O \rightarrow N$ (depersonification) lead to morphological changes in lexical units involved in the nomination process: for example, animate nouns pass into the category of inanimate and vice versa, etc.; 2) category types of metaphorical transformations are observed within one part of speech; 3) thematic types of metaphorical hyphenation are observed within one part of speech, are individual for each thematic group, but can be compared with similar types of words in another part of speech: 'animal dwelling $\rightarrow$ human dwelling', 'smell- a sign of something', 'structure $\rightarrow$ society', etc.

Minsky also introduces analogies based on a key metaphor in his works: "Such analogies sometimes give us the opportunity to see an object or idea as if in the light of another object or idea, which allows us to apply the knowledge and experience gained in one area to solve problems in another area" [8, p. 291]. A favourite metaphor of the 19th century, A. Guinness (1996) writes, was an architectural metaphor. For example, the world-famous speech of A. Lincoln is called "The House divided" (June 16, 1858). Lincoln's metaphor 'a divided house' represents American society in the mid-19th century in terms of architecture. A. Lincoln applies the image of one fragment of reality, in our case, the house, to another fragment of it, American society.

The pragmatic essence of the metaphor is considered by J. Searle (1979). Speaking of the metaphorical meaning of a word, expression, or sentence, according to J. Searle, we are talking about the possible intentions of the speaker, in our case, about the intentions of Mr. Lincoln. The study of the human factor in language receives a new explanation in connection with the study of the world picture, and in particular in connection with the language picture of the world. In order to reconstruct the possible world of A. Lincoln, it is necessary to restore the ideas and values inherent in the people of that time. A reflection of the overall picture of the world is the religious affiliation of the American people of the 60-70 years of the 19th century to Protestantism (namely, the reading of the Bible by every member of a society). The Puritan theology is the dogma of divine predestination, according to which all phenomena in the world, including the fate of man, are

predestined from above. Thus, most of A. Lincoln's speeches end with the words: "and bring down plentiful blessings upon our God; and God must forever bless; and this nation, under God, shall have a new birth of freedom; as God gives us to see the right", etc.

Puritan ethics included the worldly model-respectability, thrift, self-restraint and the work ethic of success-asceticism, dedication to the profession, vocation [2]. So, for example, in the farewell Address at Springfield, A. Lincoln explicates his attitude to leaving, to his new appointment as God's choice, to which he implicitly obeys and promises to be devoted to the calling of the president: "I now leave, not knowing when or whether ever I may return, with a task before me greater than which rested upon Washington. Without the assistance of that Divine Being who ever attended him, I cannot succeed ... To His care commending you, as I hope in your prayers you will commend me, I bid you an affectionate farewell" [6, p. 199].

In the Protestant denominations, the emphasis was not on dogmatic studies, but on moral practice, which consists in a person's unswerving adherence to his divine destiny, realized in worldly service, in the consistent and purposeful performance of worldly duty [3].

The fundamental components in A. Lincoln's picture of the world are:

1) the faith in the God-chosen American nation, which is the guarantor of true democracy throughout the world; 2) the faith in the high destiny of human nature, capable of improving society on the way to self-improvement and bringing its code of laws closer to the divine law; 3) the concept of equal opportunities for all, including in the economic field, which means that the absolute majority of people have property.

Higher motivational level of personality's language is more susceptible to individualization, and orientation of units must be pragmatic. Stereotypes of the motivational level of the linguistic personality of A. Lincoln are the Bible metaphors, the provisions of the Declaration of Independence, the wording of the laws of the US Constitution.

Realizing the intentional aspect of communication, the speaker first of all proceeds from the conventional conditions, since, wanting to get a certain result, he must make the addressee "recognize his intention to get this result" [9, p. 171]. The intentional state of belief combines not only statements, observations, and explanations, but also declarations, logical deduction, and argumentation. From this statement, we can draw the following conclusion: argumentation is an indicator of the intentional state of belief. By analyzing the following statement of A. Lincoln ("The House Divided" of June 16, 1858) "... A house divided by itself cannot stand" I believe that this government cannot exist forever, half slave, half free. I do not expect the Union to be dissolved - I do not expect it to fall - but I do expect it to stop being divided. It will become all one or all the other" [7, p. 426]. The first statement "A house divided against itself cannot stand" is taken from the Bible - "And every house divided within itself will not stand" (St. Matthew 12, 25). A. Lincoln's quotation of a biblical saying is quite consistent with the general picture of the addressee's world. The next statement represents A. Lincoln's own statement: "I believe this government cannot endure, permanently half slave and half free". "The mode of the argumentation thesis is incompatible with the cognitive state of knowledge and belief" [10, p.44]. According to researchers of speech influence, the expression of faith is allowed only in the context of argumentative discourse focused on the value of "faith", which we observe in A. Lincoln's discourse. The proposition of this thesis will be: "I am convinced that the United States cannot exist permanently as a half-slave and half-free country."

A. N. Baranov and V. M. Sergeev (1988) recognize value categories as one of the mechanisms for changing the model of the human world, through which knowledge is ontologized in the argumentative way of organizing discourse. Logical argumentation is aimed at reinterpretation of the thesis within the framework of a given value. Dialectical argumentation involves the use of actualized value concepts and their hierarchies. In this case, the ontologization of new knowledge precedes the actualization of existing knowledge. The generative type of argumentation involves the creation of new value categories and their hierarchies in the addressee's mind [1, p.31].

To show the role of metaphor in the argumentative discourse of A. Lincoln, let us take a fragment of his statement from the annual report in Congress of December 1, 1862: "We say we are

for the Union. The world will not forget that we say this. We know how to save the Union. The world knows we do know how to save it. We — even here — hold the power, and bear the responsibility. In giving freedom to the slave, we assure freedom to the free - honorable alike in what we give, and what we preserve. We shall nobly save, or meanly lose, the last best hope of earth. Other means may succeed; this could not fail. The way is plain, peaceful, generous, just - a way which, if followed, the world will forever applaud and God must forever bless” [5, p.415].

The metaphor ‘the last best hope of earth’ is a biblical one, and here is the context of the Bible for understanding this metaphor “For we are saved by hope: but hope that is seen is not hope: for what a man seeth, why doth he yet hope for?” (Romans 8, 24). This metaphor in the context of the Bible represents such a value as faith in the Lord God on the way to the salvation of the humankind. In the context of A. Lincoln's statement, the metaphor ‘the last best hope’ defines the American nation as the hope for the salvation of the whole humanity. The superlative forms of the adjectives ‘last’ and ‘best’ appeal to such concepts in the picture of the world of the linguistic personality of A. Lincoln as the selectivity and exclusivity of the American people.

We can observe in A. Lincoln's discourse the presence of features of both dialectical and generative types of argumentation, which does not contradict the chosen approach to the study of argumentation. The use of dialectical and generative argumentation, as noted by A. N. Baranov and V. M. Sergeev, implies an appeal to logical argumentation. On the one hand, dialectical and generative argumentation provide the necessary coordination of the value structures of participants in argumentative discourse and thus prepare the ground for logical argumentation, and on the other hand, it is logical argumentation that directly affects the decision-making process [1, p. 30].

So, if we turn to the logical scheme of argumentation, we get the following structure. The data in the statement is: We say that we are for the Union. The world will not forget that we say this. We know how to save the Union. The world knows that we know how to save it. We – even here – hold the power and the responsibility. By giving freedom to the slave, we ensure freedom to the freedom – loving, both in what we give and in what we keep. We will nobly save or basely lose the last best hope of the earth. Other means may succeed; it could not fail to work. The path is simple, peaceful, generous, just – a path that, if followed, the world will forever applaud, and God must forever bless.”

As we have already noted, logical argumentation is aimed at reinterpretation of the thesis: “We know how to save the Union” in the framework of the given values. This type of argumentation involves modeling a number of mental procedures of a pragmatic nature: establishing a correspondence between the value structures of the participants; comparing the discussed thesis with the actualized value concept; assessing the degree of correspondence of the thesis to the idea of value; explicating the significance of the defended thesis.

Mental procedures of a pragmatic nature allow us to determine, first, how to ensure the integration of new knowledge into the addressee's model of the world, and secondly, how to ensure the coordination of “ontologized knowledge” with the addressee's already existing ideas about reality [1, p. 21]. A. Lincoln, using the biblical metaphor ‘the last best hope of earth’ as a conclusion, thereby establishes a correspondence between the value structure of his worldview and the structure of values in the worldview of the American people. Since one of the fundamental categories of Lincoln's era is the belief in the God-chosen American nation, the procedure for comparing and evaluating the degree of compliance with the actualized value concept ends with an explication of the importance of the American people for the whole mankind, as well as receiving the eternal blessing of the Lord God. Thus, A. Lincoln reinterpreted the thesis “We know how to save the Union within the framework of the value of faith in the God-chosen American people”, which corresponds to the procedures of logical argumentation. The above suggests that logical (or rational) argumentation is the main, ‘basic’ type in the argumentative discourse of A. Lincoln.

References

1. *Baranov A.N., Sergeev V.M.* Cognitive mechanisms of ontologization of knowledge in the mirror of language // Works on artificial intelligence. Tartu: TSU, 1988 Issue 793. p. 21-39.
2. *Cahill T.* Gifts of the Jews: how a tribe of desert nomads changed the way everyone thought and felt. Doubleday: New York. 1998. p. 291
3. *Gachev G.D.* Cosmo-Psycho-Logos American. M.: Nauka, 1991. gr. 168-191.
4. *Laguta O.N.* Metaphorology: Theoretical aspects. Novosibirsk: NSU, 2003. Ch. 2. 208 p.
5. *Lincoln A.* Annual Message to Congress. Speeches and Writings 1859-1865. N-Y.: The library of America. 1989. T. II: Speeches, Letters, and miscellaneous writings. Presidential messages and proclamations. p. 393-416.
6. *Lincoln A.* Farewell speech in Springfield. Speeches and Writings 1859-1865. NY.: The library of America. 1989. T. II: Speeches, Letters, and Miscellaneous writings. Presidential messages and proclamations.
7. *Lincoln A.* Speech "The house is divided" in Springfield, Illinois. Speeches and Writings 1832-1858. N-Y.: The library of America. 1989. T. I: Speeches, letters, and miscellaneous writings. The Lincoln-Douglas Debate. p. 426-434.
8. *Minsky M.* Wit and logic of the cognitive unconscious // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. M.: Progress. Vol. 23. pp. 281 -309.
9. *Serl J.R.* Classification of illocutionary acts // *New in foreign linguistics*. M.: Progress. 1986.Issue. 17. pp. 170-194.
10. *Tarasov E.F., Bezmenova N.A. et al.* Speech influence in the sphere of mass communication. Moscow: Nauka, 1990. 136 p.

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

П.З. Аббасова

Институт языкознания им. И.Насими,
Национальной Академии Наук Азербайджана,
Баку, geray.80@mail.ru

НЕПОЛНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье изучаются односоставные предложения, как особый разновидность неполных предложений. Материалом исследования являются языковые материалы и синтаксический строй азербайджанского языка. Предложения такого типа очень мало изучены в лингвистике, в том числе в тюркологии. Исследователи по-разному определяют их статус и в лингвистических исследованиях единогласие в данном вопросе не наблюдается. Данный факт подтверждает актуальность исследования односоставных предложений, как разновидность неполных по составу предложения.

Ключевые слова: *неполные предложения, односоставные предложения, номинативное предложение, азербайджанский язык.*

Предложение является модельным показателем синтаксиса, в которой перекрещиваются и интегрируются единицы всех уровней языка. Коммуникативно-стилистическая сущность всех разновидностей неполных предложений заключается в том, что в процессе коммуникации говорящий каждый раз высказывая свои мысли, используя стилистические языковые приемы может преподнести самые разные формы и модели предложения. Данный процесс является естественным речевым показателем. Используя неполные предложения в речи человек демонстрирует принцип языковой экономии и лаконичности.

Неполные предложения – это синтаксические конструкции с незамещенными позициями: в них опущены значимые для понимания смысла высказывания члены предложения. Изолированно, вне контекста такие предложения непонятны и служат для выражения мысли только в конкретном речевом акте. Восстановить опущенные члены предложения можно, опираясь либо на предшествующий контекст, либо на ситуацию речи, знакомую всем ее участникам, либо на внутренний контекст, мысль, выраженную в самом предложении. «Односоставные предложения рассматриваются как языковой эллипсис, но в отличие от последнего языковой эллипсис – норма языка. Структурная унификация односоставных и неполных предложений, во-первых, ликвидирует почву для случаев появления внутриязыковой интерференции, которая при структурном разграничении тех и других имеет объективные причины, поскольку эксплицитно тождественные предложения – односоставные и неполные – определяются непоследовательно: как структурно достаточные, и иногда как структурно-недостаточные образования» [2, с. 10]. Наиболее распространенными среди неполных предложений являются, собственно, неполные. Это контекстуальные и ситуативные конструкции, в которых с определенной стилистической причиной (чтобы выразиться кратко, без повторения того, о чем уже говорилось, что понятно, известное) не называется, выпускается главный член односоставного предложения (подлежащее, сказуемое) или второстепенный член предложения. Односоставными предложениями являются предложения, в которых вместо подлежащего и сказуемого имеется один организующий центр – один компонент, который равный по значению сочетания подлежащего и сказуемого. Этот единый набор предложения по форме симулирует сказуемое или подлежащее.

Односоставные предложения в тюркологии еще не были объектом специального и комплексного изучения. «Вопрос о формах и типах построения односоставных предложений нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. В высшей степени важно уяснить специфические особенности ил структуры соотносительно с основными видами или типами двусоставных предложений» [3, с. 73]. Проблемы существования, функционирования, и лингвистического статуса различных в лексико-грамматическом отношении неполных и односоставных предложений издавна привлекает внимание лингвистов [1, с. 19]. Изучение односоставных и неполных простых предложений является довольно сложной проблемой синтаксиса. Причина этому – признак отсутствия или же пропуска тех или иных членов предложения. Однако в односоставных и в неполных предложениях на основе этого лежат разные синтаксические явления, разобраться в которых и является нашей задачей. Если неполными считаются предложения со структурно обязательными, но отсутствующими членами предложения (т.е. с незамещенными синтаксическими позициями), то особенностью односоставных предложений является то, что их предикативная основа представлена только одним главным членом, выступающим в абсолютно независимой позиции и не требующим другого главного члена. Отсутствие в односоставных предложениях состава второго главного члена является закономерностью, которая обусловлено языковой традицией и не является показателем неполноты (хотя они могут стать неполными по факту не заполнения синтаксической позиции других необходимых членов).

Вопросительное односоставное предложение – это предложение, сформированное на базе полного повествовательного предложения посредством интонационной трансформации. Соответственно здесь доминирующим фактором является интонация, которая относится к морфосинтаксическим признакам предложения. Односоставные неполные предложения, как и двусоставные, имеют свою структурную основу. Если в двусоставных неполных предложениях предикативность выражается предикативным отношением, то в односоставных предложениях она выражается одним компонентом – главным членом предложения. Это и есть основной признак односоставных неполных предложений; отличающий их от двусоставных. Таким образом, можно сказать, что структурную основу односоставных неполных предложений составляет или подлежащее, или сказуемое. Неполными могут быть как двусоставные, так и односоставные предложения. При этом предложения с неполной структурой относятся к тому же структурному типу по наличию главных или второстепенных членов, что и соответствующие им полные.

Часть односоставных предложений формируются на основе сказуемого, и выступают в качестве незаменимых лингвистических средств во время диалогической речи. Номинативные предложения в данном случае являются исключением. Поскольку данные предложения и вне контекста употребляясь определенной группой не могут считаться неполными: они являются описательному по семантическому характеру. Например, «Лес. Звук птиц. Полное душевное спокойствие...».

Если во время диалогической речи вопросительное предложение имеет модель односоставного предложения, то ответное предложение во многих случаях тоже имеет идентичную структуру. Например, рассмотрим маленький отрывок диалогической речи на азербайджанском языке: *Onun kimə açığı tutub?* — *Qızına* (На кого он рассердился? — На дочь).

На данном примере мы наблюдаем два односоставных предложения. Первое предложение – это вопросительное односоставное безличное предложение, а ответное предложение, употребляемое по его требованию, является односоставным безличным предложением. Но, в то же время, это предложение является неполным, а если точно, предложение «*Qızına*» (На дочь) является безличным в силу отсутствия подлежащего, «и неполным из-за опускания сказуемого» [3, с. 15].

Группа неполных предложений может восполняться за счет такого синтаксико-стилистического явления, как парцелляция. Парцелляция – это намеренное расчленение предложения на части с целью придания им особой значимости: Например, *Onları apardılar*.

Rayona. (Их увезли. В район). Парцеллируемая часть представляет собой односоставное определенно-личное неполное предложение, в котором словесно выражено лишь обстоятельство места «*Rayona*» (В район), недостающие члены предложения легко восстанавливаются из предшествующего предложения.

При сравнении данных предложений азербайджанского языка с другими неродственными языками, можно сказать, что, например, в английском языке существует только номинативное предложение, что связано с синтаксическим строем данного языка. Поскольку в английском предложении при сказуемом подлежащим обязательно является местоимение «it». Без «it» предложение станет незаконченным. Например, в английском языке нельзя сказать «*freezes*». Вместо этого должно употребляться высказывание «*it is cold*».

Каждый тип односоставных неполных предложений имеет свои структурные особенности, разновидности, сферу распространения и стилистические возможности. Например, рассмотрим предложения в составе диалога, состоящие из определения: — *Xeyirdir, Əşraf, icazə verdilər?* (Какими судьбами, Ашраф, разрешили?). — *Nəyə?* (Что?) — *Məktəb açmağa*. (Открыть школу.). — *Yəni əməlli-başlı məktəb?* (Значит, настоящую школу?). — *Bəli, lap əməlli-başlı məktəb*. (Да, самую настоящую школу) (И.Шыхлы).

Структурной основой этих предложений является сказуемое. Данный признак – их основная структурная черта. Сказуемое в неопределенно-личных неполных предложениях выражается глаголами в форме третьего лица. Хотя исходя из формы глагола можно найти субъект (подлежащее), но оно в данных предложениях имеет черту неопределенности. Это является семантическим признаком неопределенно-личных неполных предложений.

В обобщенно-личных неполных предложениях часто выражаются обычные явления, повторяющиеся действия, жизненные опыты, выводы, относящиеся ко всем людям. Говорящий, употребляя обобщенно-личные неполные предложения, придает своей речи характер наставления, совета и подчеркивает типичность действия. Особенно, когда выражается действие, свойственной обобщенно-мыслимой группе, обобщенный характер лица еще более усиливается. Например: — *Cücəni payızda sayarlar*. — *Saysınlar da!* (С.Рагимов) (– Цыплят считают осенью. – Ну и пусть считают!) и т.д.

«Семантика обобщенно-личных предложений определяется тем, что они отражают не конкретные события и процессы, реально происходящие в действительности, а обобщенную внеязыковую ситуацию, нелокализованную во времени, для которой обязательна повторяемость. Общим значением является утверждение независимого признака, приписываемого любому деятелю» [4, с. 101]. Такие предложения, как видно из примера, в основном являются основными структурными показателями устной речи и спонтанности.

Заключение. Неопределенно-личные неполные предложения являются второй разновидностью предложений, допускающих возможность определения подлежащего. Опускание сказуемого и сохранение второстепенных членов является своеобразной характерной структурной особенностью в неполных предложениях такого рода. Неопределенные личные неполные предложения в азербайджанском языке состоят из основных членов предложения.

Наблюдения показали, что помимо семантических и информативных выразителей целей структура неполного предложения обуславливается особыми факторами: а) контекстуально-речевым, когда неполная реализация структурной схемы (пропуск в речи определенной обязательного или возможной части предложения) обуславливается контекстуальными стилистическими целями, б) коммуникативно-информативным фактором, когда односоставные конструкции являются единственным средством для оформления, передачи и хранения какой-либо информации.

Список литературы

1. *Божок И.А.* Эллиптические предложения в современном русском языке : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н / Моск. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. - М., 1989. - 18 с.
2. *Игнатченко И.Р.* Текстобразующие функции неполных предложений в русском языке. АКД. Москва, 1990. 20 с.
3. *Кязимов И.Б.* Неполное предложение в тюркских языках огузской группы. Баку, 1987. 175 с.
4. *Платонова Е.Н.* Односоставные предложения как средство формирования обобщённой семантики пословиц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010, № 3, с. 100-105.

10.02.19

¹Л.Г. Васильев д-р филол. наук, ²В.В. Неборская канд. филол. наук,
³О.Э. Сухарева канд. филол. наук

¹Калужский государственный университет,
кафедра лингвистики и иностранных языков,
Калуга argumentation@mail.ru,

²Удмуртский государственный университет,
кафедра лингвистического и лингводидактического сопровождения
иноязычной профессиональной коммуникации,
Ижевск vvnebo@list.ru,

³Тюменский государственный университет,
центр иностранных языков и коммуникативных технологий,
Тюмень o_suhareva@inbox.ru

РИТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И РАННИЕ РУКОВОДСТВА ПО ОРАТОРИКЕ

В статье освещается общественно-научный климат в Др. Греции и его роль в создании первых руководств по риторике. Анализируются сущностные параметры таких руководств, рассматриваются предлагаемые в них рекомендации и их отношение к базовым философским учениям этого периода.

Ключевые слова: аргументация, риторика, стиль, суперструктура, целеполагание.

Эффективность речевого воздействия и успешность коммуникации в целом зависят от множества факторов. При этом некоторые объектные факторы ингерентно подчинены субъектным, поскольку представляют собой след человеческой деятельности. К подобным объектам материального плана можно отнести руководства по той или иной сфере деятельности. Не исключением являются и учебные пособия. В данной статье речь пойдет о ранних пособиях по ораторскому искусству.

Известно, что риторика зародилась во времена, когда были востребованы не только сами умения выступать публично, но и благоприятная почва для них – наличия в Др. Греции демократических судов с большим количеством судей.

В это время в Афинах демократия была результатом избавления от тирании, ограничения сроков пребывания у власти правителей и их выборным назначением на должность и т.п. Судебные слушания по процедуре предусматривали обращенные к жюри выступление истца и вербальную реакцию ответчика; предусматривалась возможность подготовки речей (с привлечением наставников).

Наиболее популярными наставниками красноречия считались Коракс (Κόραξ) и Тисий (Τεισίαιος). Как их ученики, так и они сами делали записи, которые затем продавались и которые именовались (речевыми) техниками. К 5 в. до н.э. такие записи обрели статус руководств.

Свидетельством популярности риторических техник может быть отсылка к ним в Риторике Аристотеля, появление которой, однако, сделало излишним обращение к упомянутым пособиям, и они вскоре просто перестали существовать.

Особенностями названных первых пособий-источников можно считать: (А) целеполагание пособия – для юридической речи; (Б) специфику суперструктуры и аргументации речи; (В) наличие стилового аспекта описания.

(А) В этом аспекте акцент делается на коммуникативной ситуации в суде, но общие принципы могут быть использованы и в ассамблее – тем самым, судительная речь начинает соседствовать с совещательной.

(Б) В суперструктурном аспекте показательным можно считать труд Анаксимена 'Риторика для Александра', где излагается прескриптивная структура ораторской (преимущественно юридической) речи: *увещевание и разубеждение; приветствие и поношение противников; обвинение и защита; расследование, предусматривавшее допрос обвиняемого.*

Эту систему можно считать прообразом, или заданием основ супер-структурных риторических уложений этого периода. Система Анаксимена пересекается с упомянутыми руководствами Тисия и Коракса по технике красноречия, которые использовались у Платона в его диалоге «Федр» в 4 в. до н.э. [4, sections 266-267].

В числе принципов риторики в диалоге раскрывается рекомендуемая супер-структура публичной речи. Это: *введение; изложение проблемы; доводы; опровержение; заключение.*

При этом, поскольку Платон, придерживаясь абсолюта истины, отстаивал нравственный характер красноречия, его устами Сократ высмеивает Коракса и Тисия за использование и предпочтение вероятностных доводов (*εἰδός* – несомненных для большинства аудитории) вместо фактуальных, что ведет к искажениям и к снижению достоверности (правдоподобия – *plausibility*) вывода.

Следует отметить, что супер-структурные компоненты, которые предлагались в ранних риторических пособиях, оказались достаточно живучими и с небольшими коррекциями были благополучно перенесены в более поздние римские классические подходы. Так, ранний Цицерон, рассматривая систему организации речи (говоря современным языком – риторического дискурса) предложил следующую функциональную риторическую пентаду, именуемую (вслед за Аристотелем, который был для Цицерона непререкаемым авторитетом) 'эпихейремой' (*ἐπιχειρήμα*):

assumptio (принимаемое отправное положение, иногда сопоставляемое с меньшей посылкой [2, с. 48] аристотелева категорического силлогизма);

complexio (вывод аргументативного комплекса);

approbatio assumptionis (поддержка (обычно фактуальная, с помощью примеров) отправного положения));

propositio (обосновывающий принцип, иногда сопоставляемый с большей посылкой силлогизма, что по сути ошибочно – см.: [1, гл. 3]);

approbatio propositionis (поддержка обосновывающего принципа).

Например:

Nothing is better organized than the universe (принимаемое отправное положение): *the motions of the stars proceed in a fixed order, the succession of the seasons proceeds according to fixed laws, the change from day into night takes place without variation* (поддержка отправного положения). *That is so because things that are well organized are governed according to a predetermined plan* (обосновывающий принцип) – *for instance, a household governed according to a predetermined plan is better organized than a household governed without a predetermined plan; the same applies to an army; the same applies to a ship* (поддержка обосновывающего принципа). *Therefore, the universe is governed according to a predetermined plan* (вывод аргументативного комплекса).

В дискурсивно-функциональном аргументативном аспекте можно разделять два важных аспекта, идущих, соответственно, от Тисия и от Платона.

Первый связан с категорией вероятности, применяемой как к доводам, так и к отстаиваемому положению (тезису), а в совокупности – и ко всему аргументу. Считается, что одни доводы могут быть более вероятны, другие – менее. В 5 в. до н.э. участники разбирательств не всегда были склонны принимать на веру неоспоримые случаи – на том основании, что они могут быть сфабрикованы, поэтому отдавалось предпочтение принципу вероятности, а не несомненности.

Однако категория вероятности предстает здесь в довольно своеобразном варианте: она не связана в ораторике с оценкой качеств конкретных индивидов («одни более правдивы, другие – менее»).

Вместо этого вероятность помещается в генерализующее пространство по типу «Как бы поступил или чему бы поверил любой человек в данных обстоятельствах?». Такое акцентирование анти-субъектности могло повлиять на философские взгляды Платона, который придерживался мнения об объективной самостоятельности идей, существующих вне связи с человеком.

Второй аспект касается аргументации в рамках жанровой специфики древнегреческой ораторики, и он был рационализирован спустя столетие – Платоном в 4 в. до н.э. Речь идет уже не об изолированной речи, а о дискурсивной паре Категория – Апология: это противопоставление в своем классическом древнегреческом варианте знаменует состязательность. В первом элементе одним участником диалога приводится аргументирующее обвинение, во втором – ответ-оправдание (опровержение обвинения).

(В) Стилистическому аспекту в этот период уделяется должное внимание, однако он едва ли осмысливается теоретически – за исключением, возможно, Платона, призывавшего использовать категории дикции, по Полию, Лицимнию и Протагору, а также фигуры речи, по Фрасимаху.

Дело в том, что стиль (т.е. убеждающие приёмы собственно языкового плана, которые иногда именуются персуазивными – см.: [1; 3; 4]) считается равноправным компонентом в ряду частей риторики. Приоритет стиль получает позже, поскольку в Средние Века и в период Просвещения, как известно, из риторики уходит логико-аргументативный аспект, и риторика осмысливается как искусство собственно красноречия (см.: [3]).

В целом, риторические разработки 5–4 вв. до н.э. ориентированы в жанровом отношении на судебную ораторику, на проблемы организации речи и на ее стилевые составляющие. Вместе с тем, в этих довольно малочисленных и почти не дошедших до нашего времени разработках отсутствуют методологические обоснования риторических составляющих, а разбор конкретных примеров (объектно-субъектный фактор) заменяется прескриптивными указаниями на моменты, которые могут считаться действенными для любой ситуации.

Список литературы

1. *Васильев Л.Г.* Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2014. 333 с.
2. *Eemeren F.H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans F.* Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah (N.J.): Erlbaum, 1996. 424 p.
3. *Kennedy G.A.* Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980. 291 p.
4. *Plato.* Phaedrus and Letters VII and VIII. London etc.: Penguin Books, 1973. 160 p.

10.02.19

Г.В. Галавова, А.Р. Михайловская

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Казань, galgulwak@mail.ru, adelina.mikhaylovskaya@mail.ru

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖЯЗЫКОВЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В РЕГИОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В статье авторами рассмотрен вопрос многоязычия, отмечается роль многоязычия как механизма разрешения межкультурных и межнациональных конфликтов. Отмечается культурное и языковое многообразие народов мира, уделено внимание сохранению этнокультурной идентичности в условиях доминирования крупных языков и культур, исследовано влияние глобализации на языки и культуры.

Ключевые слова: *многоязычие, межъязыковые барьеры, межкультурные барьеры, этносы, народы, языковые группы, глобализация.*

Под многоязычием следует понимать использование более чем одного языка отдельной личностью либо группой лиц. Необходимо отметить, что в настоящее время в мире количество многоязычных людей значительно превышает численность одноязычных.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью рассмотрения вопроса многоязычия при преодолении межъязыковых и межкультурных барьеров при общении. При написании статьи были использованы труды таких авторов, как: Л.В. Ахметшина, А.А. Гезалов, Б.Р. Могилевич, В.М. Смокотин и другие.

В научной литературе под термином «культура» следует понимать деятельность человека или группы людей в различных формах, в частности в воспитании, образовании, развитии, а также в способах самовыражения и самопознания. Характеризуя культуру, необходимо отметить, что это образ жизни, целью которого является сохранение и развитие общности, цельности структуры определённого общества, народа.

Такое понятие, как «язык», может трактоваться двояко: с одной стороны, это разновидность речи, обладающая характерными признаками, с другой стороны – это индивидуальный и уникальный признак определённого этноса. При определении термина «многоязычие» необходимо отметить, что он подразумевает владение лицом несколькими языками в равной степени, как и своим родным языком.

В мире достаточно много стран, в которых наблюдаются факты многоязычия в обществе, это в частности, Канада, Бельгия, Индия и Россия, а также страны Европейского Союза, в указанных государствах определённая социальная группа говорит на двух и более языках [5, 312].

Следует подчеркнуть, что языковые и культурные процессы в разных странах эволюционируют разнообразно, однако в любом случае национальные языки государств являются ключевым скрепляющим звеном для формирования человеческих сообществ. Отметим, что язык также оказывается и инструментом самосохранения этноса и обособления «своих» от «чужих». При этом необходимо отметить, что различные национальные общины как носители различных культур всё равно вынуждены взаимодействовать между собой.

В качестве примера следует привести ряд стран, на территории которых исторически сложились различные этнические группы (Россия, Китай, США и ряд других), что в свою очередь обусловлено необходимостью межкультурной коммуникации, в результате чего возникло многоязычие. В настоящее время, как и в предшествующие периоды, многоязычие явилось естественным процессом в многонациональных государствах, так различные этнические (языковые) группы были вынуждены вести диалог с другими этническо-языковыми группами [6, 22].

В этой связи следует отметить недостаточность изученности указанной темы, например, в научных изданиях отсутствуют работы о роли многоязычия в жизни отдельной личности, общества и государства, а также о роли многоязычия в сфере межгосударственных отношений. Также важно подчеркнуть, что среди лингвистов нет единого мнения относительно языков народов, населяющих нашу планету.

В качестве примера рассмотрим Китайскую народную республику, на территории которой проживают около 50 народностей, использующих в межличностном общении многочисленные диалекты, часть из которых в силу сильных различий рассматривается в качестве отдельных языков, однако государственная политика в сфере языка обращена на повсеместное применение пекинского диалекта [3, 136-138].

В Российской Федерации ситуация с многоязычием, наоборот, успешно разрешается при проведении языковой политики. Так, повсеместно при обучении используются как русский язык, так и языки народностей, которые населяют ту или иную территорию государства. Данный подход можно обозначить как «плюрилингвизм», так как он формирует у населения России такую коммуникативную компетенцию, в результате которой все языки взаимосвязаны и находятся во взаимодействии.

Одной из проблем многоязычия является значительное сокращение части языков малых народов мира, большинство носителей которых не имеют возможности обучаться на родном для них языке. В настоящее время, по данным ООН, в мире насчитывается около 6000 языков, часть из которых (примерно 1 тысяча) не используется при социокультурном взаимодействии. С другой стороны, в мировой лингвистической практике набирает популярность английский язык, который закреплён в межкультурной сфере как средство международного общения [1, 13-15].

Таким образом, массовому проникновению английского языка способствует глобализация, а также тот факт, что Великобритания длительное время доминировала на различных континентах земного шара (Северная Америка, Центральная Африка, Юго-Восточная Азия и Австралия), что позволило английскому языку проникнуть во все сферы жизнедеятельности общества.

Также стоит отметить, что процессы глобализации ведут к обострению конфликтов в сфере территориальной неравномерности, что в свою очередь обостряет межкультурные и языковые конфликты. При распространении «универсальных ценностей и культуры» стираются грани в этнокультурных идентичностях, в первую очередь языковой, что чревато обострением межэтнических конфликтов в различных странах и между государствами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что распространение многоязычия не должно навязываться различным этносам и должно иметь разумные пределы, так как укрепление чувства принадлежности к определённому этносу способствует социальной сплочённости, что в свою очередь создаст предпосылки для маргинализации таких групп и роста сепаратистских настроений [4].

В качестве примера можно привести тот факт, что исторически русский язык доминирует во всех сферах жизни татарстанского общества. Русско-татарское двуязычие имеет государственный статус, закреплённый законом и конституцией Республики Татарстан, его реализации способствует принятие законов о языках народов республик и программ по их реализации субъектами Российской Федерации.

«Татар авыллары, көнбатышта Рязань һәм Тамбов өлкәләреннән башлап, көнчыгышта Кемерово өлкәсенә һәм Красноярск краена, төньякта Вилуй елгасына, көньякта Әстерхан өлкәсенә хәтле сузылган гаять зур территориягә таралып утырганнар. Әмма татар халкының иң зур күпчелеге Татарстан, Башкортстан республикаларында гомер кичерә. Югарыда күрсәтелгән киңлекләрдә таралган татар теле өч диалектка – урта (казан татарлары), көнбатыш (мишәр) һәм көнчыгыш (себер татарлары) диалектларына бүленә».

Перевести этот текст можно следующим образом: «Татарские деревни раскинулись на огромной территории, начинающейся на западе от Рязанской и Тамбовской областей, на востоке достигающей Кемеровской области и Красноярского края, на севере – реку Вилуй,

на юге – Астраханской области. Но большинство татар проживает в республиках Татарстан и Башкортостан. Татары говорят на трёх диалектах: средний (казанские татары), западный (мишари), восточный (сибирские татары)».

В заключение следует отметить, что процесс приобретения многоязычия является естественным процессом в современном многонациональном мире, так как он обусловлен необходимостью поддержания и установления диалога с носителем другой культуры. Диалог культур подразумевает общение носителей разного национального сознания, обмен образами сознания, постижение образов сознания носителей чужой культуры.

Таким образом, многоязычие способствует развитию культуры за счёт общения и взаимодействия народов друг с другом, осознанию особенности и уникальности каждой культуры.

Список литературы

1. *Ахметишина Л.В.* Англификация языков в процессе глобализации – «Филологические науки» – № 7, 2015, стр.13-15;
2. *Меликов И.М., Гезалов А.А.* Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы – «Вопросы философии» – № 12, 2014, стр.24-35;
3. *Могилевич Б.Р., Калинин А.А.* Многоязычие как социокультурный феномен – «Известия Саратовского университета» – № 2, 2017, стр.136-138;
4. Новости ООН: <https://news.un.org/ru/story/2019/02/1349541>
5. Словарь социолингвистических терминов. /Под ред. Михальченко В.Ю. – М., 2006, стр.312;
6. *Смокотин В.М.* Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире – Томск, 2010, стр.22;
7. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания – М., 1996, стр.72.

10.02.19

М.В. Захарова, Л.А. Спектор

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра французской филологии,
Якутск, zakharovamariya00@mail.ru, libondarenko@mail.ru

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»
И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)**

Статья посвящена исследованию переводческих стратегий доместикации и форенизации на материале перевода на французский язык повести М. А. Булгакова «Собачье сердце». Предпринята попытка проанализировать и объяснить те или иные приемы и трансформации в переводном тексте с точки зрения двух основных переводческих стратегий - форенизации и доместикации..

Ключевые слова и фразы: переводческая стратегия, переводческие приемы, картина мира, национально-культурный колорит.

В процессе работы над произведением переводчик всегда стоит перед выбором не только переводческих приемов и трансформаций, но и определенной стратегии, от которой, во многом, зависит, насколько удастся воссоздать адекватное впечатление у читателя перевода. Актуальность исследования заключается в выявлении и в глубоком изучении стратегий перевода художественного произведения.

Научная новизна заключается в рассмотрении проблем сохранения смыслового соответствия оригинала и переводимого текста, исходя из анализа переводческих стратегий на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». Целью данного исследования является выявление и анализ стратегий доместикации и форенизации при переводе повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на французский язык.

Впервые, понятие «переводческая стратегия» было выделено Хансом Крингсом, предложившим использование макростратегии для решения целого ряда переводческих проблем. Однако еще с древних времен проблема выбора стратегии и достижение адекватности перевода была предметом споров для переводчиков.

Термины «доместикация» и «форенизация» впервые были введены теоретиком Лоуренсом Вентури. В современном виде оппозиция стратегий была сформулирована в книге «Скандалы перевода: по направлению к этике различия». Ученый предполагал, что доместикация ассимилирует литературные традиции исходного языка. Л. Вентури подчеркивал, что данная стратегия занимает этноцентрическую позицию, преломляя культурные акценты переводимого текста и фокусируясь на англо-американской культуре [7; с.75]. В противовес доместикации, теоретик призывал к использованию форенизации, исходящей из акцентирования переводчиком на культурных нормах переводимого текста [7; с.76]. Выбор переводчика в пользу форенизации предполагает применение специальных методов, при котором подчёркиваются отличительные черты культуры текста оригинала.

Так как предметом исследования выступают переводческие трансформации, с помощью которых проводится анализ использования переводческих стратегий, мы распределили их следующим образом. В стратегию доместикации входят конкретизация, генерализация, модуляция, экспликация, компенсация, добавление, опущение, адаптация. Что касается стратегии форенизации, то к ней относятся транскрипция, транслитерация, калькирование.

Практическим материалом нашей работы послужила повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее перевод на французский язык, выполненный Александром Карвовски. Наибольшую ценность из сюжетных линий представляет социальный пласт, потому что именно в нем отобразились понятия, свойственные русскому быту и укладу жизни 20-х годов XX века. Для начала рассмотрим примеры использования стратегии доместикации. Первой по частоте оказалась адаптация, при использовании которой иногда возникали смысловые ошибки. Рассмотрим следующий пример.

«Из миски с молоком Дарья Петровна вытаскивала куски размокшей булки, смешивала их на доске с мясной кашей, заливала все это сливками, посыпала солью и на доске лепила **котлеты**» [1; с.442] - «*Daria Pétrouva pêchait dans une terrine des morceaux de pain mis à tremper dans le lait, les mélangeait sur une planche avec sa bouillie de viande, arrosait le tout de crème fraîche, salait et, pour finir, modelait d'extraordinaires **boulettes***» [4; с.252].

Слово «котлета» происходит от французского *côte* – ребро. Это та часть туши, из которой можно было приготовить блюдо «*côtelette*» - кусок мяса с косточкой. «*Côtelette*» пришло в русскую кухню из европейской в 18 веке; как и в Европе, в России под «котлетой» подразумевали мясо с реберной костью. В 19 веке появился привычный вариант котлет для русской кухни, которые готовились уже из рубленого мяса. Это блюдо оставалось дорогим, но с появлением мясорубок котлеты стали доступными для всех. С целью экономии, в состав котлет стали добавлять хлеб, мелко нарезанные овощи и крупу. Таким образом, появились русские котлеты. Во французской кухне под «*côtelette*» по-прежнему следует понимать небольшие куски мяса с реберной костью. Обратимся к переведенному варианту. *Boulettes* – «*Petite boule de viande hachée, de pâte*» [6], т.е. небольшие мясные шарики. Традиционно, в состав *boulettes* не входит хлеб или крупа. Переводчик подобрал эквивалент русской реалии, заменив блюдо, свойственное французской картине мира, чтобы франкоязычный читатель смог наглядно понять, о каком блюде идет речь. Как нам кажется, в переводе идет речь о другом блюде – о фрикадельках.

Переводчик также нередко использовал прием модуляции. Это можно проследить в следующем примере:

«Господи Иисусе, – подумал нес, – **вот так фрукт!**» [1; с.421] - «*Seigneur Jésus-Christ, qu'est-ce que c'est que ce coco-là!*» s'extasia le cabot» [4; с.224].

«Вот так фрукт!» - так подумал Шарик о пациенте Филиппа Филипповича, у которого были зеленые волосы, а на затылке они казались ржавого табачного цвета. Слово «фрукт» появилось в русском языке в 1705 году, во время правления Петра I. Как известно, правление Петра Великого славится внедрением новшеств, благодаря ему стали завозиться заморские овощи и фрукты. Поэтому ко всему новому люди относились с опаской и подозрением, отсюда идут разговорные выражения «вот так фрукт», «тот еще фрукт». Как правило, эти выражения носят пренебрежительный характер. Во французском языке наблюдается схожая тенденция, так как кокос – экзотический плод. Французское слово *coco* в разговорной речи означает: «*terme pour désigner un individu bizarre*» [6], т.е. «слово, обозначающее странного человека» и часто используется для насмешки и иронии.

В ходе исследования мы заметили, что стратегия форенизации преобладает над доместикацией. Чаще всего переводчик использовал транскрипцию. Это происходит, в первую очередь, при переводе топонимов:

«Знакомые псы с Пречистенки, впрочем, рассказывали, будто бы на **Неглинной** в ресторане «Бар» жрут дежурное блюдо – грибы, соус пикан, по три рубля семьдесят пять копеек порция» [1; с.408] - «*Des cabots de l'Immaculée que je connais ont cependant raconté qu'au restaurant Bar de la **Néglinnaïa** ils boufferaient des ceps sauce piquante à 3 roubles 75 l'assiette du jour*» [4; с.207].

Неглинная – улица в Москве. Название происходит от реки Неглинки, которую засыпали два века назад. В некоторых случаях мы можем заметить комбинацию транскрипции и добавленной адаптации при переводе некоторых реалий, в составе которых присутствует родовое слово (улица, площадь, переулок, рынок), например, Сокольники - *Bois de Sokolniki*

(лес Сокольники), Обухов переулок- rue Oboukhov (Обуховская улица).

Некоторые топонимы были переведены с помощью калькирования, которое стало следующей трансформацией по частоте использования.

«По всей **Пречистенке** сияли фонари» [1; с.413] - «*Dans l'Immaculée, inondée de lumière...*» [4; с.213].

Улица Пречистенка – улица в Центральном административном округе города Москвы. Ее название дано по иконе Пречистой Божией Матери Смоленской, хранившейся в Новодевичьем монастыре, куда вела улица. Французский же вариант означает: «1. Qui n'a pas la moindre tache ou qui est d'une blancheur absolue. 2. Qui est sans souillure morale» [5], т.е. безупречный, непорочный. Можно предположить, что переводчик в какой-то мере опирался на происхождение названия улицы, но стоит отметить, что Пречистенка также славится красивой архитектурой, усадьбами князей и купцов. Топоним можно было бы передать с помощью транскрипции, так как при калькировании в данном случае стирается культурная специфика улицы.

« – *Фамилию* позвольте узнать. – *Фамилию я согласен наследственную принять. – Как-с? Наследственную? Именно?* – **Шариков**» [1; с.467] - « – *Me serait-il permis de connaître le nom de famille? demanda le professeur. – Pour le nom de famille, je garde celui qui me vient par succession. – Comment? Par succession? À savoir?* – **Boulov**» [4; с.285].

Фамилия главного героя повести также подверглась калькированию. Переводчик использовал при переводе лексему «boule» (шар) и добавил окончание русской фамилии –ов. Шарик – наиболее распространенная кличка собак в русской культуре. Первое, что приходит на ум, при упоминании клички Шарик – это пухлая круглая собака, но в русской культуре так принято называть любую собаку. Вспомним Шарика из повести, бездомного и замершего пса. В произведении машинисточка зовет его Шариком, после автор пишет: «Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын счастливых родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляйка поджарая, бездомный пес...» [1; с.411]. В данном случае переводчик не уловил, что Шариком называют любую дворняжку. Реалию можно было транскрибировать, чтобы сохранить русский колорит и снабдить комментарием.

Подводя итог сопоставительному анализу двух стратегий, мы пришли к выводу о том, что в переводе форенизация преобладает над доместикацией, поскольку переводчик стремился сохранить по возможности и передать культуру и нормы русского уклада жизни 20-х годов прошлого века. Следует отметить, что перевод художественного текста является задачей особой трудности. Для того чтобы реципиент не испытывал проблем с пониманием текста и одновременно ощущал местный колорит, его аутентичность, требуется тонкий и внимательный подход к переводческому процессу.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Собачье сердце: романы, повести, рассказы / Михаил Булгаков. – Москва : Эксмо, 2014. – 800 с. – (Шедевры мировой классики)
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд., доп. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
3. Boulgakov M. Cœur de chien et autres récites. Éditions «Radouga», Moscou, 1990. 386 p.
4. Larousse: Dictionnaire encyclopédique pour tous. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
5. Le Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lerobert.com/>
6. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. – Routledge, 1999. – 210 p.

*10.02.19***Л.Б. Здановская**

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»,
кафедра иностранных языков,
Краснодар, zdanovskaya2903@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОППОЗИТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ «РУССКИЙ МИР» - «ЗАПАДНЫЙ МИР»

В статье исследуются причины актуализации дуальной оппозиции концептов «Русский мир» - «Западный мир» в аспекте рассмотрения противопоставления ценностной картины мира, отраженной в когнитивном сознании представителей русской и западноевропейской лингвокультур. Автором анализируются критерии отнесенности исследуемых понятий к универсально-созидательным концептам.

Ключевые слова: *оппозитивный концепт, концепты созидания, ценностная картина мира, аксиология.*

Кардинальные изменения тенденции мирового развития общества, обусловленные глобальным смещением приоритетов ценностной ориентации социумов от многополярной к этноспецифичной представленности и закреплённости основ национальной культуры, получили лингвокогнитивное воплощение в виде оппозитивных единиц, рассматриваемых нами в аспекте изучения концептов созидания.

В качестве объекта исследования в данной работе представлены концепты «Русский мир» – «Западный мир», объективированные знаковыми средствами и закрепившиеся в русской и западноевропейской языковых картинах мира сравнительно недавно, на рубеже тысячелетий. Возникновение и языковое воплощение исследуемых концептов, с нашей точки зрения, может быть соотнесено с историей появления концепта «Цивилизация», относимого Ю. Степановым к константам культуры и закреплённого словарем В. И. Даля во второй половине 19 века [2]. Нам близка позиция ученого, в которой концепт «Цивилизация» обозначен в качестве способа организации общества и культуры [5, с. 643]. По мнению британского историка А. Тойнби, Россия «играла выдающуюся роль, как культурную, так и политическую военную <...>. Трижды на протяжении этих 1100 лет она воспринимала чужую цивилизацию извне <...>» [5, с. 644]. «Чужая цивилизация», по утверждению исследователя, была воспринята Российской культурой в скандинавской, византийской и западной формах.

Политические события начала XX века способствовали появлению и активному употреблению в русском и европейском языковых пространствах единиц «Железный занавес», “the iron curtain”, “der eiserne Vorhang”, “le rideau de fer”, использовавшихся для обозначения ситуации полной политической изоляции и фактической оппозиции концептов «Советский Союз» – «Цивилизованный Запад», основанной на идеологическом противопоставлении ценностной картины мира в сознании наций. В. И. Карасик рассматривает ценностную картину мира как наиболее значимую составляющую языковой картины мира, где культурная ценность наряду с образом и понятием участвует в формировании культурного концепта [4, с. 117]. Аксиологической основой противопоставления «Советский Союз» – “Civilized West” («Цивилизованный Запад») выступают следующие концепты: «Родина», «партия», «победа», «патриотизм», «Сталин», «светлое будущее» («Советский Союз»); “risk” («риск»), “adventurism” («авантюризм»); “competition” («конкуренция»); “capitalism” («капитализм»); ownership («собственность»); “law” («закон») – (“Civilized West” («Цивилизованный Запад»)). Интересным и заслуживающим внимания, на наш взгляд, является появление в 40-е-50-е годы XX столетия

словосочетания «гнилой Запад», «гниющий Запад» [1, с. 238], эксплицирующего ассоциативные признаки, противопоставляемые ценностям самобытной русской культуры: *падение, деградация, порок, грех, безнравственность*.

Активизация употребления в текстах масс медиа оппозитивной пары концептов «Русский мир» – «Западный мир», являющейся определенным смысловым континуумом концептов «Советский Союз» – “Civilized West”, сопряжена с принятием решения президентом Российской Федерации В. Путиным о проведении Россией специальной военной операции на территории Украины. Иллюстрацией концептуальной оппозиции могут служить следующие антонимичные по семантике фрагменты интервью:

«Русский мир» - это рак, пожирающий не только большую часть российского общества, но и представляющий смертельную угрозу для всей Европы. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию. <...> сегодня единственный шанс для России и цивилизованного мира – это «депутинизация». <...> Потому что Россия не остановится на Киеве. Она отправится в долгий поход на Запад, и от нас зависит, где мы ее остановим» (М. Моравецкий, 10.05.2022г. The Telegraph); «Это квинтэссенция той ненависти к русским, которая, наверное, как метастазы поразила как всю польскую политику <...>. Это возмутительное совершенно заявление, оголтелое и неприемлемое (Д. Песков, РИА Новости, 13 мая 2022г.).

Представленные текстовые фрагменты включают следующие метафорические сравнения, характеризующиеся высокой степенью пейоративно окрашенной оценки суждения: «Русский мир» – рак», «Русский мир» – смертельная угроза Европы, «Русский мир» – чудовищная идеология. Негативный эмоционально-экспрессивный тон высказывания усиливается адъективами *смертельный, чудовищный*; глаголами *пожирать, искоренить, денацифицировать*. Неологизм *депутинизация* содержит экспликацию признаков с негативной коннотацией: *освобождение от тотальной диктатуры, свержение авторитарической власти, ликвидация угрозы Западу*.

За счет использования образного сравнения в следующем тексте достигается высокий уровень отрицательной оценки ситуации: *ненависть как метастазы*. Лексема *метастазы* содержит когнитивные экспликации: *необратимый процесс, безнадежная ситуация, угроза существования*. Негативная коннотация прослеживается в определениях *неприемлемый, оголтелый*. Бинарная оппозиция *Россия – цивилизованный мир* имплицитно указывает на близкие в семантическом плане противопоставления: *варвар – интеллигент; авторитария – демократия; Русский мир – коллективный Запад; наш мир – чужая сторона; новый мир – старый мир*.

Представленные оппозиции демонстрируют отражение в ментальном сознании русского и западноевропейского социумов концептуализированных признаков полярной коннотативной закреплённости. Фундаментом «Русского мира» выступают ценностные смыслы, составляющие национальную концептосферу русского народа: *честь, достоинство, правда, священный долг, человечность, справедливость, честность, уважение*. В понимании русских людей Западная действительность предстает как чуждая, агрессивная среда, имплицитно указывающая потенциальную опасность для «Русского мира»: *«Боятся Русского мира» (В. Соловьев, канал «Россия», 13.05.2022); «Русская арматура останется, а штукатурка отлетит» (А. Проханов, 1 канал, 13.05.2022); «Европа движется в диктатуру глобального нацизма» (Ю. Кот, канал «Россия», 26.05.2022); «Запад идет на саморазрушение» (Д. Куликов, канал «Россия», 26.05.2022); «Европа, закусив удила, как бешенный конь несется на Россию» (А. Леонков, 1 канал, 13.05.2022)*. Включение фразеологизма *закусить удила* имплицитно указывает на признак неадекватности поведения, противоречащего здравому смыслу. Эмоциональная экспрессивность высказывания усиливается метафорой *бешеный конь (о Западе)*. Использование пары антонимичных сравнений *арматура – штукатурка* эксплицирует признак стабильности, основательности мира традиционного, Русского, с одной стороны, и недолговечности, искусственной декоративности Западного мира. Восприятие «Чужого мира» русским когнитивным сознанием может быть обозначено следующим ассоциативным

рядом: *обман, ложь, лицемерие, предательство, агрессия, экспансия, грабеж, саморазрушение, нацизм.*

Концепт «Русский мир» в интерпретации западноевропейского ментального сознания оформлен ассоциативными признаками с высоким уровнем пейоративной окрашенности: *варвар, агрессор, захватчик, диктатор, колонизатор, враг. «Не будет никакого мира под диктовку Путина» (из речи О. Шольца от 26.05. 2022); ««Русский мир» – это тупой, злобный, агрессивный империалистический монстр, наследник Орды» (из украинской националистической пропаганды) [6].*

«Русский мир» в понимании представителей западноевропейской общности символизирует «вселенскую угрозу», разрушение традиционных для лагеря «Старого мира» ценностей, основу которых составляют следующие характеристики: *сверхдержава, глобальное доминирование, вседозволенность.*

Представленные текстовые иллюстрации демонстрируют контрастное восприятие информации об отражаемых в русском и западном ментальных пространствах фрагментах действительности, закрепленных концептами «Русский мир» – «Западный мир». Концепт «Русский мир» на основании подвергнутых лингвокогнитивному анализу признаков отнесен нами к концептам созидания, имплицитующим «<...> действие, процесс, направленные на создание нового, не существовавшего ранее, произведенного при наличии определенных способностей или воображения [3, с. 69].

Рассматриваемый концепт имплицитует действие, направленное на основание, становление и развитие общности, объединенной ценностными ориентирами нации.

Список литературы

1. Бирих К.А., Мокиенко В.М., Степанова А.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005. – 926 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2007. – 983 с.
3. Здановская Л.Б. Особенности репрезентации концептов созидания в русской, немецкой и английской лингвокультурах // Современные исследования социальных проблем. Том 12, №4 (2020). – С. 66-75.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. – 390 с.
5. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. М., 2004. – 992 с.
6. Тарасов А. «Русский мир 2030 – каким он будет?» / Россия в глобальной политике. №2 2018, март/апрель [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/russkij-mir-2030-kakim-on-budet/> (дата обращения: 27.05.2022).

10.02.19

Л.Б. Здановская

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»,
кафедра иностранных языков,
Краснодар, zdanovskaya2903@gmail.com

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ВНУТРИСЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР»

В статье исследуется специфика отображения внутрисмысловой оппозиции концепта «Русский мир». Автор анализирует особенности лингвокогнитивной экспликации указанного концепта в русской лингвокультуре. Обосновывается соотносительность внутрисемантической оппозиции концепта «Русский мир» с классической формой противопоставления «Свои» – «Чужие».

Ключевые слова: *концепт, внутрисемантическая оппозиция, культура, когнитивная лингвистика, русская лингвокультура.*

Резкая эскалация военно-политического конфликта с участием ведущих мировых держав привела к критическому обострению многоуровневых глобальных геополитических противоречий. Указанные процессы, отраженные в общественном сознании представителей русского и западноевропейского пространства, обусловили появление концептов, включающих элементы внутрисемантической оппозиции, к числу которых мы относим концепт «Русский мир», исследуемый нами в данной работе в рамках политического дискурса. Политический дискурс, определяемый как специфическая система коммуникации, подчиненная своей основной функции – борьбе за власть, позволяет нам рассмотреть данные концепты в публицистическом ракурсе на материале масс медиа [2, с. 281].

Концепт «Русский мир», в нашем понимании, является эволюционной ступенью универсальной культурной константы «Цивилизация», относимого Ю. Степановым к живым концептам современной русской духовной жизни, специфическому типу организации общества и культуры [3, с. 642-643]. Следовательно, «Русский мир» как особо организованная цивилизационная структура предполагает понимание, принятие и осознание основополагающих принципов национальной самоидентификации на основе этноспецифичных культурных ценностей, традиций, обычаев объединенных русским языковым пространством.

Понятийный уровень концепта, транслирующий восприятие «Русского мира» как идеи, идеологии, отражен в следующих изречениях: *«В мире не должно быть универсальной идеологии. Она ведет к мировой гегемонии. Мир разных культур – это то, что мы отстаиваем. Мы не собираемся Русский мир в Африку завозить»*; *«Идеология на ближайшие десять лет – выжить в историческом катаклизме»*; *«Распространял и поддерживал идеологию Кремля»* (обоснование Госдепартаментом США причины введения персональных санкций – Д. Куликов, 31.05.22, канал «Россия»); *«Начало военной операции символизирует начало создания новой идеологии»* (Б. Якименко, 31.05.22, канал «Россия»); *«Война на Украине – это война смыслов»* (А. А. Проханов, 1.06.22, 1 канал); *«Русское государство только сейчас обретает возможность собственного суверенитета»* (С. Михеев, 31.05.22, канал «Россия»); *«Это должен быть мир прав и обязанностей»* (Л. Слуцкий, 27.05, канал «Россия»); *«Будет мир, который отказался быть колонией»* (Д. Куликов, 26.05.22, канал «Россия»).

Понятийный уровень концепта «Русский мир» оформлен следующими признаками: национальная идея, полицентричность культуры, отсутствие притязаний на мировое господство, торжество закона, отстаивание абсолютной независимости на международном

уровне. Словосочетания «исторический катаклизм», «военная операция», «война смыслов», «новая идеология» вызывают отрицательные ассоциации, транслирующие следующие признаки: конфликт, катастрофа, разрушение, потери. Исторически сложившееся противопоставление «Русского мира» Западной философии миропонимания иллюстрируется следующим рядом: советская идеология, новая идеология, идеология Кремля. Частотность употребления лексемы идеология символизирует усиленную политизированность обычной жизни на современном этапе.

Ценностный компонент концепта прослеживается в следующих высказываниях: «Русский мир предлагает консервативные ценности»; «Мы живем в другом мире» (А. Бабаков, 30.05.22, канал «Россия»); «Необходимо отстоять Русский мир, страну, цивилизацию» (Л. Слуцкий, 27.05, канал «Россия»); «Наша задача – защита Русского мира. На чистом листе пишется новая история. Глубинный российский народ заставит действовать в новом направлении» (О. Морозов, 29.05.22, канал «Россия»); «Мы не должны им позволить формулировать смыслы. С настоящим гражданским обществом нельзя договориться» (С. Михеев, 31.05, канал «Россия»); «Речь идет о судьбе России» (Л. Решетников, 27.05.22, 1 канал). В представленных иллюстрациях ценностный компонент концепта содержат следующие положительные коннотации: особый мир, созданный на принципах правильного, традиционного, патриархального уклада жизни; страна, принимающая на себя ответственность за судьбы соотечественников далеко за ее пределами; исполнение священного долга по защите национальных интересов транслируется в глобальном масштабе. «Русский мир» вбирает в себя концептуальное приращение признака пространственного расширения родная земля → страна → цивилизованный мир. Адъективный ряд другой, чистый, глубинный указывает на ассоциативные признаки отличительных, первозданных, сущностных, истинных ценностей, выделяющих русского человека. «Глубинность» русского народа служит мощным щитом, защищающим его от поверхностного, наносного, искусственного и во многом коммерческого трактования смыслов Западной культурой.

Образный уровень концепта «Русский мир» представлен в следующих высказываниях: «Американская мечта – град на холме, Русская мечта – храм на холме» (А. А. Проханов, 1.06.22, 1 канал); «Исключить Россию из семьи цивилизованных народов» (Я. Кедми, 31.05.22, канал «Россия»); «Россия – империя лжи» (цит. по Ю. Кот, 30.05.22, канал «Россия»). В понимании А. Проханова, чистота, искренность, святость помыслов «Русского мира» сопряжена с важнейшими христианскими заповедями. Особой эмоциональной экспрессивностью характеризуется метафорическое сравнение «Русского мира» с царством обмана. Интенция «Западного цивилизованного содружества государств» направлена на изгнание провинившегося, непокорного «члена семьи».

Концептуально-когнитивное пространство исследуемого концепта включает признаки внутрисемантической оппозиции, где «Русский мир» противопоставлен сам себе: «Для Вас точно Русский мир – не пустой звук?» (В. Соловьев «Вечер с Вл. Соловьевым» 13.05.22); «Национальная идентификация потеряна. Огромный глубинный пласт культуры уничтожен. В качестве нормы жизни мы принимаем обман самого себя. Псевдоинтеллигенция выстроила себе мир. Чистки нужны везде» (С. Михеев, 2.06.22, канал «Россия»); «Вся эта конструкция, которая жила 25 лет, сломалась и требует нового решения» (О. Морозов, 29.05.22, канал «Россия»); «Государство должно определиться, с кем оно» (А. Сосновский, 31.05.22, канал «Россия»); «Хотите оставить идею Русского мира, оставляйте, но нужно наполнить ее содержанием» В. Соловьев, 13.05.22, канал «Россия»). Использование автором высказывания фразеологизма «пустой звук» актуализирует следующие негативные коннотации: лишенный всякого смысла; не заслуживающий внимания, ничто, абсолютный ноль. Повышенная эмоционально-экспрессивная тональность вопроса имеет адресную направленность – работники Российской таможни, чинящие дополнительные препятствия при проверке на границе с Украиной. Экспликацией отрицательных признаков отмечены следующие лексемы: обман, псевдоинтеллигенция,

чистки. Ассоциативные признаки полярной коннотативной закреплённости вбирают вербальные единицы: *потерять, уничтожить, сломать* ↔ *требовать, определиться, оставить, наполнить*. «Отказ» уникальной целостной, десятилетиями создаваемой отлаженной системы, сопровождающийся утратой, разрушением самодостаточного «Русского мира» диктует востребованные текущим моментом условия поиска путей разрешения, направленных на воплощение конечной цели созидательного замысла – воссоздание «идеи Русского мира». В группу концептов созидания нами включены «<...> понятия, имплицитные действие, процесс, направленные на создание нового, не существовавшего ранее, произведенного при наличии определенных способностей или воображения» [1, с. 69]. Дифференцированная оценочность, реализованная экспликантами концепта «Русский мир» инициирует внутрисемантическую оппозицию, фрагментирующую «Русский мир» на «Своих» и «Чужих». С позиции Ю. Степанова, универсальный концепт-константа «Свои» и «Чужие», оформленный в виде противопоставления, «<...> является одним из главных концептов <...> народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» [с. 126]. Ученый, указывая в качестве «круга своих» место торжества законов и порядка [с. 138], обосновывает необходимость обретения статуса свободного человека, противопоставляющего себя миру «Чужих» – миру врагов, рабов [с. 135-136]. В нашем понимании, «Свои» – это исконный, православный, сущностный МИР, отправляющий к истинным традиционным, сакральным ценностям. Неповторимость, национальная уникальность «Русского мира», отмеченная вековой историей великого культурного наследия, закрепляется образным метафорическим описанием «огромный глубинный пласт культуры», нуждающийся в сохранении и защите от мира «Чужих», населенного псевдоинтеллигентами, «нечистыми на руку» государственными чиновниками, «новой элиткой», «выстроившими себе свой Русский мир», воспринимаемый как «Чужой» миром «Своих».

Предпринятый анализ лингвокогнитивной экспликации концепта «Русский мир» позволяет нам заключить о следующем:

1. Концепт «Русский мир» структурирован понятийным, ценностным и образным уровнями, отраженными в русской языковой картине мира.
2. Культурно-историческое пространство концепта «Русский мир» отмечено транслируемой дискретностью смысла.
3. Полярность экспликации когнитивных признаков концепта «Русский мир» обусловлена фактором внутрисемантической оппозиции.

Список литературы

1. Здановская Л.Б. Особенности репрезентации концептов созидания в русской, немецкой и английской лингвокультурах // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 4. – С. 66-75.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. М., 2004. – 992 с.

10.02.19

¹А.В. Кулешова, ²И.С. Марченкова¹ФГБУ ДПО ИПК «ВКІЯ МІД РФ»,

кафедра французского языка,

ИІЯ ГАОУ ВО МГПУ,

кафедра французского языка и лингводидактики,

Москва, ksas3@yandex.ru,

²ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»,

кафедра французского языка,

Институт Лингвистики и мировых языков,

Калуга, irinamarch@mail.ru

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ ФАМИЛИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

В статье рассматриваются нестандартные французские фамилии, а именно фамилии, которые происходят в основном из прозвищ людей, их кличек. Авторы проводят анализ источников происхождения подобных фамилий, разрабатывают собственную классификацию, проводят статистический анализ и приходят к выводу о том, что французские нестандартные фамилии в большинстве случаев образованы от названий растений и животных, а также предметов быта.

Ключевые слова: *имя собственное, французские фамилии, происхождение.*

Имена собственные в любом языке – особенные слова, занимающее значительное место в нашей жизни. Они всегда являлись объектом для различного рода исследований. На протяжении последних десятилетий отечественные и зарубежные лингвисты занимаются изучением проблем, связанных со средствами и способами их модификации в речи с точки зрения лексико-грамматического подхода [3], передачей культурного смысла имен собственных со значением имени собственного, влиянием на судьбу его владельца [1].

Таковыми именами собственными являются, в частности, фамилии. Когда мы слышим русскую фамилию, зная правила и особенности образования фамилий, мы можем догадаться о ее значении. Французские же фамилии имеют различные пути образования. Изучая историю ономастическую систему французских фамилий, можно заметить, что они образовались позже имен и использовались как дополнение (определение) к личному имени.

Французские фамилии появились в 10-11 веках. Изначально, они существовали как прозвища, которые передавали различные значения, такие как род занятий, внешность, место проживания и другие. В это время во Франции произошел демографический взрыв и население в 13 веке составляло 10 млн. жителей. Вследствие этого в деревнях были столкновения, что привело к тому, что у семей появились свои клички. Эти клички соединялись с прозвищами людей, в результате чего образовывались первые фамилии [4].

В целом, можно выделить следующие источники образования французских фамилий:

1) имена предков. В большинстве случаев, это фамилии, образованные от мужских имен: *Laurent, Martin, Michel, Richard, Berthe, Rose*. К фамилиям данной категории мог быть добавлен латинский суффикс: *Aubert – Aubertin, Brémont – Brémontier*, кроме того, могло упрощаться произношение: *Arnaudin, Arnaudeau – Naudin, Naudeau*.

2) род деятельности человека. Многие из таких фамилий считались наследственными, так как ремесло передавалось от отца к сыну: *Fournier* «булочник», *Sueur* «портной», *Prévôt* или его варианты *Provost, Prost* («судья»), *Bailly* («чиновник, отправляющий суд от имени короля, сеньора»).

3) название местности, откуда происходил человек; название поместья. В этом случае фамилии имеют свои особенности в зависимости от региона. Так, например, для Нормандии и Северной Франции считаются характерными те, которые начинаются на *Le-* (*La-*, *Les-*), а также на *De-*, *Du-*, *Del-*, *Dela-*, *Des-*. Фамилии Франш –Конте, Лотарингии и Бургундии имеют суффикс *-ot* (*Amyot*, *Brunot*). Суффиксы *-eau*, *-us*, *-is* характерны для Запада Франции (Пуату). Во французском языке, как и в русском, существуют фамилии, которые образовались от слияния нескольких слов: *Beaulieu*, *Lebeaupin*.

4) клички, которые отображали те или иные черты характера человека, особенности его внешности: *Blond*, *Leblond* «блондин», *Roux*, *Rousseau*, *Lerouge* «рыжий», *Chatin* «штен». *Fauvel*, *Faveau* «рыжеватый» и другие [2].

Нестандартные фамилии относятся к числу менее изученных разделов лексики. Такие фамилии, которые стали объектом исследования, не прошли патронимической стадии и в основном образовывались на основе прозвищных имен. В большинстве случаев, они образованы от глаголов и прилагательных. По этой причине, в официальных источниках от них невозможно образование множественного числа.

Для анализа французских фамилий нами был использован ресурс «Filae» [5].

Были выбраны 3409 французских нестандартных фамилий, которые были распределены в соответствии с их происхождением. Отметим, что данная классификация является открытой и может быть продолжена в дальнейших исследованиях. Кроме того, одну и ту же фамилию можно отнести к различным группам. В результате анализа нами были выделены:

1) фамилии, отражающие названия растений, деревьев: *Choux*, *Citron*, *Gazon*, *Laframboise*, *Melon*, *Olive*, *Orange*, *Sapin*, *Pistache*, *Poirier*, *Pomme*, *Pommier*, *Potiron*, *Tomate* и т.д.

2) фамилии, отражающие названия животных, рыб: *Abeille*, *Chameau*, *Cheval*, *Grenouille*, *Lachevre*, *Lebœuf* / *Le bœuf*, *Lechat* / *Le chat*, *Leloup* / *Le Loup*, *Lion*, *Merle*, *Mouton*, *Mulot*, *Rat* / *le Rat*, *Renard* / *Le Renard*, *Pigeon*, *Rossignol*, *Poule*, *Taureau* и т.д.

3) фамилии, связанные с домом, с предметами быта: *Couteau*, *Dujardin*, *Lamaison*, *Laporte*, *Verre* и т.д.

4) фамилии, связанные с едой – *Boudin*, *Cognac*, *Œuf*, *Laviande*, *Pain*, *Poisson* и т.д.

5) фамилии, связанные с временами года, месяцами, днями недели: *Avril* / *Davril*, *Chautemps*, *Daoust* / *Daoût* / *Davoust*, *Hivert*, *Juillet*, *Jeudi* / *Jeudy*, *Mars* / *Martial*, *Mai* / *May* / *Dumay*, *Printemps* и т.д.

6) фамилии, связанные с одеждой – *Bonnet*, *Botte* / *Bottin*, *Larobe*, *Manteau*, *Veste* и т.д.

7) фамилии, связанные с названиями членов семьи: *Cadet*, *Lenfant*, *Lemari* / *Le Mari*, *Lerouze* и т.д.

8) отдельно можно выделить фамилии, отражающие реалии весны и весенних праздников: *Bourgeon*, *Cloche*, *Doux*, *Fleur*, *Graine*, *Lapin*, *Muguet*, *Nid*, *Œuf*, *Oiseau*, *Printemps*, *Pâques* и т.д.

Частотность данных фамилий в анализируемом источнике представлена в таблице 1.

Таблица – Источники происхождения необычных французских фамилий

Происхождение	Общее количество исследуемых нестандартных фамилий во Франции (3409)
Названия растений, деревьев	659
Названия животных, рыб	630
Дом, предметы быта	594
Еда	548
Времена года, месяцы, дни недели	336
Одежда	302
Семья	220
Весна и весенние праздники	120

В диаграмме 1 представим процентное соотношение фамилий в соответствии с источниками их происхождения.

Рис. 1 – Источники происхождения нестандартных французских фамилий

Таким образом, анализ французских фамилий и частотность их встречаемости у жителей Франции показал, что наиболее частотными источниками происхождения необычных фамилий можно считать названия растений, деревьев, животных, рыб, а также предметы быта (19%, 18% и 17% соответственно). Чуть реже встречаются фамилии, происхождение которых связано с различными сезонами (10 %) и одеждой (9%). Немного меньший процент занимают фамилии, тем или иным образом относящиеся к членам семьи – 6%. Самые редкие фамилии – фамилии, имеющие отношение к весне и к весенним праздникам – 3,5%.

Итак, обозначенные выше данные позволяют нам говорить о том, что нестандартные французские фамилии часто связаны с природой и окружающим нас миром, а также могут носить социальный характер происхождения.

Список литературы

1. Викулова Л.Г., Васильева Е.Г. Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем средневековье (Франция, V-X вв.) собственного // Верхневолжский филологический вестник, 2015. – №2. – С. 58-64.
2. Котляр Н.А. «Этимологические классы французских фамилий в историческом развитии» // Теория и практика общественного развития, 2012. – №1. – С. 259-261.
3. Кулешова А.В. Способы модификации имен собственных во французском языке // Романские тетради. – ООО «Языки народов мира», 2020. – С. 88-94.
4. Тюкалова Н.Е. О зависимом характере французской фамилии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – №18. – С.94-98.
5. <https://www.filae.com/nom-de-famille/pain.html>, свободный. – Дата обращения 26.04.2022.

10.02.19

¹Т.Д. Куршакова канд. филол. наук, ²Е.Н. Рядчикова д-р филол. наук,
³С.Ш. Схалыхова канд. филол. наук

¹Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
кафедра иностранных языков,

Новороссийск, kurshakova-83@mail.ru,

²Кубанский государственный университет,
филологический факультет,

кафедра общего и славяно-русского языкознания,

Краснодар, e.n.gyadchikova@gmail.com,

³Майкопский государственный технологический университет,
кафедра иностранных языков,
Майкоп, saida.shal@mail.ru

МАНИПУЛЯТИВНОСТЬ И СКРЫТАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМУЛИРОВОК ВОПРОСОВ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Авторы полемизируют с утверждением К.И. Бринева о несущественности для судебной лингвистической экспертизы проблемы правильности/неправильности, корректности / некорректности постановки вопросов лингвисту-эксперту, обосновывая это тем, что формулировка таких вопросов способна оказать манипулятивное воздействие на эксперта, что приведёт к неполной и субъективной экспертизе, к неправильным выводам. Авторы приходят к выводу о том, что только при условии распознавания экспертом манипулятивного характера поставленных для него вопросов он сможет противостоять манипуляции и выполнить экспертное лингвистическое заключение полно и объективно.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая манипулятивность, интенциональность, психоречевое воздействие, скрытый смысл, судебная лингвистическая экспертиза.

Актуальность работы, важность решаемых в ней проблем обусловлены недостаточностью разработки теоретических положений для такой важной современной области деятельности, как судебная лингвистическая экспертиза, наличием в ее терминологическом и понятийном аппарате ряда противоречивых положений и дефиниций.

Цели исследования – показать необходимость чёткости и однозначности формулировок вопросов, предлагаемых для решения лингвисту-эксперту, выявить теоретические обоснования психоречевого воздействия на эксперта в преддверии осуществления его профессиональной деятельности.

В качестве материала исследования приводятся конкретные вопросы из лингвистических экспертиз, анализируются варианты их восприятия экспертом-лингвистом и те лексические и грамматические языковые средства, в семантике которых содержится способность к имплицитному воздействию на реципиента.

При постановке вопросов лингвисту-эксперту мотивационно-целевые первопричины, интенции официального лица (судьи, адвоката, следователя), формулирующего вопросы для эксперта-лингвиста, репрезентируются специальными лексическими и грамматическими средствами, что, как правило, не осознаётся реципиентом, но формирует в его сознании определённую установку в адрес лица, о котором идет речь в вопросе. С этой целью вопросы для эксперта нередко формулируются таким образом, чтобы сформировать в его сознании либо негативный образ указанного лица и трактовать его поступки как отрицательные, либо сугубо позитивный образ. Это способно подтолкнуть эксперта не к объективному, а к субъективному взгляду, что является недопустимым, приводит к ошибочным выводам.

Практика составления рецензий ряда лингвистических экспертных заключений показывает, что зачастую лингвист не стремится дать общую лингвистическую характеристику представленного материала и обычно вычленивает отдельные фрагменты, трактуя их по своему усмотрению. Это приводит к серьезным ошибкам в экспертизах, что отмечает Е.И. Галяшина: «...эксперты стали интерпретировать языковые факты..., анализировать “мысли автора текста”, “вычитывать” из произнесенных слов коммуникантов скрытые или неявные смыслы, додумывать и домысливать за говорящим то, что не было сказано, но “имелось в виду”» [5]. Вырванные из всего контекста отдельные фразы способны обнаружить иной смысл, чем в контексте. В этом случае вывод эксперта не может быть полным и адекватным.

Между тем анализ текста в целом предполагает отношение к нему как к публикации определенной структуры конкретного жанра, например, созданного для некоей передачи в рамках авторской программы и перепечатанного в типологически определенном медиадискурсе: «...без такого анализа нельзя сделать правильные вводы о содержании текста, в частности о его коммуникативном предназначении (это – в компетенции лингвистов-экспертов)» [6].

Поэтому первоочередная задача практически всех экспертных исследований – выявить лексику с той или иной семантикой (например, насилия, устрашения, угрозы), провести ее анализ в контексте, а затем выявить средства положительной/отрицательной оценки со стороны автора спорного материала. Другая немаловажная задача, нередко игнорируемая экспертами, – провести исследование и сделать выводы объективно, не поддаваясь коннотативности, манипулятивности, могущих содержаться в формулировке вопросов.

Можно предположить, что среди причин манипулятивности и скрытой интенциональности формулировок вопросов для лингвистических экспертиз и отсутствия необходимости их распознавания находится своеобразное «разрешение» К.И. Бринева, одного из основоположников современной лингвистической экспертологии, не относиться серьезно к такой деятельности. Он пишет: «В лингвистической экспертологии достаточно часто обсуждается проблема правильности/неправильности, корректности/некорректности постановки вопросов лингвисту-эксперту. Данная проблема не имеет существенного значения, так как цель эксперта заключается в понимании значимости вопроса для разрешения дела по существу, эксперт должен уметь оценить, для чего задан вопрос, какой факт необходимо установить или опровергнуть при ответе на конкретный поставленный вопрос...» [4, с. 17].

Однако мы считаем, что подобная вольность представляет собой лазейку, открывающую возможность для скрытой манипуляции экспертом-лингвистом. Кроме того, в любом тексте, включая вопросы эксперту, читается коммуникативное намерение его автора. «В психологии “коммуникативное намерение” понимается как цель, ради которой производится речевое высказывание <...>, как интенцию – сообщить, осведомиться о чем-либо или побудить к чему-либо. В любом коммуникативном акте можно выделить комплекс “породивших” его мотивационно-целевых первопричин <...>. При понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания ее мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание. В силу вышесказанного, для выявления осознаваемого коммуникативного намерения автора необходимо учитывать весь контекст порождения текста, необходимо выявить мотивы автора, соотнести их с содержанием высказывания и по возможности отсеять лишнюю, факультативную информацию» [6].

В лингвистике, в теории речевых актов, в теории и практике речевой коммуникации интенциональность понимается аналогичным образом и трактуется как намеренность, как направленность высказывания, текста на адресата в соответствии с замыслом автора речи. Интенциональность соотносится с понятиями стратегии и тактики речевой коммуникации.

Одним из авторов данной статьи в процессе анализа вербализации негативного психологического воздействия при допросе как проблемы судебной лингвистической

экспертизы был введен в научный обиход термин «психоречевое воздействие» как корректировка понятия «психологическое воздействие» – в силу того, что язык неотделим от психики и того, что психика не имеет собственного средства выражения, а в основном репрезентируется обычным человеческим языком [11, с. 152]. Уточним, что под термином «психоречевое воздействие» следует понимать психические процессы, психические свойства и психические состояния личности, направленные на другие личности и выраженные посредством человеческого языка. Под психическими процессами (познавательными, эмоциональными и волевыми) и состояниями [см. об этом: 1] в рассматриваемом аспекте понимаются, в частности, мотивы, желания, намерения, устремленность к собственной выгоде и тому подобные, реализующиеся при постановке цели речевой коммуникации и принятии решений о её задачах и итоговом восприятии.

Помимо этого, Е.Н. Рядчиковой как практикующим лингвистом-экспертом было установлено, что по высказываниям допрашивающего лица лингвист способен установить наличие или отсутствие психоречевого воздействия на допрашиваемого и что в случае негативных установок, интенций официального лица, проводящего допрос, его психоречевое воздействие направлено на то, чтобы вывести допрашиваемого из равновесия, вызвав негативные эмоции или разрушив его систему представлений и умозаключений о положении дел [11, с. 153]. При этом допрашивающий осознаёт недопустимость прямого давления на допрашиваемого, а потому способен прибегать к речевому манипулированию как к скрытому от адресата речи, нераспознаваемому им приёму коммуникации. «Речевое манипулирование – это использование особенностей языка с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении. Иными словами, это использование скрытых возможностей языка для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающее с тем, какое слушающему мог бы сформировать самостоятельно» [13, с. 300].

Речевое манипулирование проводится скрытно от адресата речи, с применением имплицитной лексической и грамматической семантики речевых единиц. «Имплицитные (скрытые) утверждения – это такие утверждения, содержание которых выявляется на основе дополнительного осмысления значения слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания» [14]. Как указывает А.Н. Баранов, «существенная часть смысла высказывания и текста приходится именно на имплицитные слои плана содержания <...> Очевидно, что имплицитная составляющая семантики языкового выражения существенно больше, чем эксплицитная» [3].

Основными проблемами нераспознавания негативного психоречевого воздействия в процессе проведения допроса является низкая информированность фигурантов следственных действий о принципиальной возможности оказания такого воздействия со стороны представителей закона, а также имплицитный, неявный его характер.

Аналогично тому как допрашивающий манипулирует допрашиваемым посредством речевых средств, официальное лицо, формулирующее вопросы для эксперта-лингвиста (судья, адвокат, следователь), способно имплицитно воздействовать на эксперта, скрытым, неосознаваемым для него образом формировать в его сознании определённую установку в адрес лица, о котором идет речь в вопросе. С этой целью вопросы для эксперта формулируются таким образом, чтобы сформировать в его сознании негативный образ указанного лица, трактовать его поступки как отрицательные и подтолкнуть эксперта не к объективному, а к субъективному взгляду, что является недопустимым, приводит к ошибочным выводам.

О.В. Кукушкина справедливо называет самой большой ошибкой эксперта опору на интроспекцию, то есть «анализ собственных впечатлений от сказанного... Лингвист наблюдает и анализирует не сам текст, а свои ощущения от этого текста. Он непрофессионален, так как специальные знания здесь вторичны...» [9, с. 119]. Вполне очевидно, что производящий лингвистическую экспертизу текста лингвист вполне может

оказаться под неосознаваемым, а значит манипулятивным, воздействием официального лица, сформулировавшего вопросы эксперту, стать объектом его имплицитного психоречевого воздействия.

Далее обратимся к рассмотрению формулировок вопросов, которые были поставлены эксперту-лингвисту в ряде официальных постановлений и обращений. (Все имена и фамилии изменены, языковой материал, могущий быть идентифицированным, опущен.) Для анализа вопросных единств были использованы методы словарного анализа, семантического толкования, выявления коммуникативной направленности текста в рамках теории речевых актов, исследования средств, выражающих подтекстовую информацию, метод выявления трехкомпонентной семантической структуры речевых произведений, куда входят предмет речи, вербализованное отношение к нему и цель сообщения о нем. Вслед за О.В. Кукушкиной важным и надежным методом для лингвистических экспертиз (как и для данной работы) считаем определение главной мысли текста (фрагмента) путем анализа коммуникативного компонента, который имеет специальные средства выражения (маркеры) [9, с. 123].

В вопросах полужирным шрифтом мы выделили те части, которые содержат скрытую манипуляцию и которые способны воздействовать на реципиента особым образом, отражая скрытые интенции автора вопросов и подталкивая эксперта к нужному для автора выводу.

*«Содержится ли негативная информация об Изотове А.Н. в следующих высказываниях: <...> Если да, то какие языковые формы на это указывают? Если да, то в какой форме эти сведения (информация) выражены: в форме предположения, выражения мнения, утверждения, оценочного суждения, либо в какой-либо иной форме? **Какие стилистические и языковые средства использованы в указанном видеоролике для создания негативного образа истца?»***

Первые три вопроса из представленных выше комплекса из четырёх вопросов вполне адекватны и достаточны для языковедческого исследования. Присоединение к ним четвёртого вопроса является лингвистическим избыточным. Содержащаяся в нём манипулятивность заключается в наличии скрытого утверждения, поскольку в нем не спрашивается, имеются или нет в видеоролике стилистические и языковые средства, направленные на создание негативного образа истца, – это подразумевается априори. Вопрос сформулирован таким образом, что эксперт не должен сомневаться в наличии таких стилистических и языковых средств, ему следует лишь установить то, какие они.

В следующем вопросе снято сомнение в том, что слова и выражения Сидорова А.В. выражают отрицательные характеристики и эмоциональные оценки, негативные установки в отношении Петрова И.Г. Эксперту предлагается принять это как данность и определить лишь их целенаправленность либо нецеленаправленность. Такая формулировка, хотя и приемлема по форме, но по сути лишена смысла, поскольку передача отрицательных характеристик, эмоциональных оценок и негативных установок в отношении конкретного лица не может быть нецеленаправленной.

*«**Имеют ли использованные в указанном видео слова и выражения Сидорова А.В. характер целенаправленной передачи отрицательных характеристик, эмоциональных оценок и негативных установок в отношении Петрова И.Г.?**»*

В отношении текстов подобного рода А.Н. Баранов справедливо указывает: «Относя нужную информацию к исходным условиям коммуникации, автор текста имеет возможность имплицитно навязывать ее воспринимающему. Технология воздействия в этом случае заключается в том, чтобы ввести в сознание человека, в его представления о действительности некоторую информацию, которая не подвергается критическому анализу, не осознаётся им как нечто, требующее обсуждения» [2, с. 36-37]. Таким образом, суть исследования и выводов лингвиста-эксперта при такой формулировке должна сводиться к подтверждению интенции, заложенной в представленном выше вопросе его автором, то есть к подтверждению того, что в отношении Петрова Сидоров высказал ряд отрицательных характеристик, эмоциональных оценок и негативных установок.

Среди вопросов, поставленных лингвисту-эксперту, нередко встречаются такие:

«Воспринимаются ли содержащиеся в представленном тексте статьи высказывания как задевающие честь, достоинство и деловую репутацию Борискина М.В. и Решетниковой И.К.? Если да, то какие именно, и в чем они выражаются?»

По поводу этих и им подобных вопросов следует внести ясность по отношению к лингвистичности-нелингвистичности, а следовательно, правомерности и неправомерности для лингвистических экспертиз.

Ряд представителей судебных и юридических органов высказывают удивление и несогласие с тем, что вопросы **восприятия** речи относятся к области лингвистики – они считают их прерогативой психологии и психологов. Но наряду с этим предлагают лингвисту определить, способны ли представленные на исследование высказывания нанести ущерб чести, достоинству и деловой репутации указанных людей, – видимо, также лишь на основе того, что в вопросе фигурирует слово «высказывания». Однако именно этот аспект относится к области психологии и не входит в компетенцию лингвиста, как указывает К.И. Бринев в «Справочнике по судебной лингвистической экспертизе» [4, с. 37]. И хотя в ряде случаев психологическое воздействие имеет чётко выраженные, эксплицированные языковые маркеры, в силу чего определяется как воздействие психоречевое (в ситуации допроса нами было выделено 13 таких маркеров [см.: 11]), в других случаях такие маркеры могут отсутствовать и тогда уже лингвист не вправе вторгаться в область психологии.

Что касается вопроса о восприятии информации тем или иным образом, то этот аспект не выходит за пределы компетенции лингвиста (см., например: [7; 12] и др.).

Изучение проблемы восприятия информации, содержащейся в тексте, приводит к пониманию того, что ее восприятие есть процесс субъективный, что все люди и думают, и воспринимают окружающее по-разному. Об этом писали многие учёные-лингвисты, например: «Текст порождается автором, но может переживать последующие рождения при восприятии его реципиентом. При этом текст объективно предстает как некий текстовый инвариант, который допускает некоторое число вариантов» [8]. О невозможности совершенно идентичного восприятия и понимания одного и того же разными людьми писал выдающийся филолог и философ А.А. Потебня: «Думать при произнесении известного слова то же самое, что думает другой, значило бы перестать быть самим собою, поэтому понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия, в которой действительным оказывается только некоторое сходство...» [10].

В силу данного обстоятельства ответить на вопрос об определённом восприятии негативной информации об определенном лице возможно лишь в вероятностном ключе, а именно с той позиции, что любая негативная информация о том или ином человеке **может** восприниматься как наносящая урон его личности, его имиджу и деятельности.

В некоторых случаях официальные лица, которые формулируют вопросы для решения их лингвистом-экспертом, случайно или намеренно отходят от сугубо лингвистической области и затрагивают смежные – психологию, юриспруденцию, социологию, этику, гносеологию (теорию познания), что, как известно, является запретной сферой для эксперта-лингвиста. Очевидно, в этом случае официальное лицо, составляющее вопросы, полагает, что поскольку в вопросе употреблено слово «высказывание», то и весь вопрос является сугубо лингвистическим. Однако ряд других аспектов, например, таких как формирование представления о человеке, соответствие или несоответствие этого представления действительности, никаким образом не относится к области языковедения. Лингвист не имеет права устанавливать истинность или ложность фактов, как не имеет права собирать дополнительные сведения, не представленные ему в качестве предмета рассмотрения. В частности, лингвист не способен определить истинный образ человека, то представление о нем, которое сформировалось у различных лиц, групп людей. Эти факты проигнорированы в следующем вопросе, поставленном лингвисту-эксперту:

«Имеются ли в анализируемых материалах, содержащихся на флеш-накопителе, начинающихся словами: «Здравствуйте...» и заканчивающихся словами «До встречи в

следующем видео», высказывания о фактах, которые не происходили в действительности, но способны сформировать о лице не соответствующее реальности ложное представление? Если да, то какие именно и в чем они выражаются?»

Такая формулировка первого вопроса, а также последующий второй вопрос воздействуют на эксперта таким образом, что он должен постараться найти в предоставленных ему высказываниях, текстах языковые единицы и средства, которые не просто имеют негативный характер (что было бы вполне достаточно и корректно для вопроса лингвисту), но и формируют особое – разумеется, негативное – представление о человеке, да еще и соотнести это представление с тем, что якобы есть на самом деле. Формулировка второго из данных вопросов также внешне имеет отнесенность к лингвистике, поскольку предлагает указать то, в чём выражаются ложные представления. Однако, очевидно, так же намеренно в этой части вопроса опущено указание на сугубо языковые средства и поставлено местоимение «в чём», что предполагает отражение не только слов, словосочетаний, предложений, но также и субъективные размышления эксперта. Здесь проигнорирован тот факт, что вопросы установления соответствия или несоответствия фактов действительности не являются лингвистическими, находятся в компетенции юристов, судей и других представителей закона. В приведённом вопросе для нас важен подтекст, который заложен в словах о тех высказываниях, которые следует найти, а именно о тех высказываниях, которые «способны сформировать о лице не соответствующее реальности ложное представление». Такая формулировка подталкивает эксперта к формированию мнения о том, что в действительности человек, о котором идёт речь, – хороший во всех отношениях, а если в исследуемых материалах что-то обнаружится негативное о нем, то оно априори не соответствует действительности.

Аналогичным образом сформулирован также следующий вопрос, предлагаемый эксперту-лингвисту для решения:

«Совокупность каких речевых и паралингвистических средств Иванова И.И. может свидетельствовать о возможности достижения с его стороны воздействия на собеседников, в том числе при обсуждении вопроса о получении от них незапланированных денежных сумм?»

В этом вопросе не спрашивается, имеются или не имеются речевые и паралингвистические средства, могущие оказывать воздействие на собеседников при обсуждении получения от них денег: наличие таких средств заранее представлено как данность, а эксперту нужно лишь конкретизировать разновидности этих средств и представить их в совокупности.

Итак, было установлено, что вопреки расхожему мнению формулировка вопросов, предлагаемых для разрешения лингвисту при производстве судебной лингвистической экспертизы, имеет важное значение, так как способна оказывать направленное, хотя и скрытое, имплицитное, воздействие на эксперта. Содержащиеся в вопросе особые лексические и грамматические средства могут выступать средством манипуляции, оказания психоречевого давления на эксперта, формировать в его сознании негативный образ того лица, о котором идет речь в вопросе, отрицательный характер его поступков. Это приводит к неполному анализу языкового материала, к ошибочным выводам эксперта.

Если эксперт-лингвист распознает скрытую заданность, направленную особым образом интенциональность формулировок предлагаемых ему вопросов, то скорее всего он сможет проигнорировать заложенную в них манипулятивную установку и свое исследование проведёт объективно, беспристрастно, сделает верные выводы. Вот почему необходимо публично поднимать данную проблему, осознавать наличие возможности манипулятивности и скрытой интенциональности формулировок вопросов, предлагаемых официальными лицами для лингвистических экспертиз: как известно, манипуляция оказывает воздействие лишь до тех пор, пока ее объект не распознает ее наличие – только тогда он сможет противостоять манипуляции и выполнить экспертное заключение полно и объективно.

Список литературы

1. Аллахвердов В.М., Богданова С.И. и др. Психология: учеб. / отв. ред. А.А. Крылов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. С. 214-217.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика / Уч. пособие. М.: Наука; Флинта, 2009.
3. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Труды первой Интернет-конференции «Право как дискурс, текст и слово», 2010. Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article2352255.html>. Дата обращения: 7.05.2022.
4. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. Изд. 2-е, стер. М.: ЛЕНАНД, 2018.
5. Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы // Экспертизы – нерешенный судебный вопрос российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников. М., 2013.
6. Горбаневский М.В., Кара-Мурза Е.С. Рецензия на заключение судебно-лингвистической экспертизы по административному делу № 2а-1270/2019 от 26 июня 2019 г. Режим доступа: <file:///C:/Users/REN/Documents/0%20doc%20ЕН/ЭКСПЕРТИЗА%20СУДЕБН.%20ЛИНГВ/книги%20и%20статьи/Горб.,%20Кара-Мурза.%20Рецензия%20отрицат..pdf> (дата обращения 27.12.2019).
7. Иваненко Г.С. Понятия значения, смысла, понимания, восприятия, интерпретации текста в концепции целевого лингвистического судебного исследования // Мир культуры, науки, образования. 2012. № 4 (35). С. 74-78.
8. Красных В.В. Некоторые аспекты психолингвистики текста. М., 1996.
9. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118 –126.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
11. Рядчикова Е.Н. Вербализация негативного психологического воздействия при допросе как проблема судебной лингвистической экспертизы // Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи» (Краснодар, 17-20 ноября 2021 г.). Краснодар: КубГУ, 2021. С. 151-155.
12. Рядчикова Е.Н. Восприятие, понимание и интерпретация как лингвистические проблемы // Интернет-конференция «РЕФЛЕКСИЯ. СМЫСЛ. ГЕРМЕНЕВТИКА» (28 октября - 28 декабря 2003 г.). Тверь: Ассоциация развития информационных технологий в образовании "Интернет-социум", 2003. Информационно-образовательный портал AUDITORIUM.RU.
13. Рядчикова Е.Н. Речевое воздействие как вид манипуляции // Личность в пространстве языка и культуры: Юбилейный сб. М.; Краснодар: КубГУ, 2005. С. 290-300.
14. Стернин И.А. Проблема скрытых смыслов в лингвистической экспертизе. Режим доступа: <https://docplayer.ru/29818432-I-a-sternin-problema-skrytyh-smyslov-v-lingvisticheskoy-ekspertize.html>. Дата обращения: 7.05.2022.

*10.02.19***А.Ш. Олимова**

Российско-Таджикский (Славянский) университет,
факультет русской филологии, журналистики и медиатехнологий,
Душанбе, Таджикистан, anisa2018@inbox.ru

**ФОНОСЕМАНТИКА ТАДЖИКСКИХ ЗВУКОВ
КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ
(НА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ОСНОВЕ)**

Данная статья рассматривает фоносемантику как предмет изучения психолингвистики путем фоносемантического (ассоциативного) эксперимента. Как известно, фоносемантический эксперимент проводится на подсознательном уровне, то есть участники эксперимента, не вдаваясь в значения слов, отвечают на вопросы, опираясь на своё восприятие звука. Новизна статьи заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализировать фоносемантику гласных таджикских звуков и определить их особенность.

Ключевые слова: *психолингвистика; ассоциативный эксперимент; фоносемантика; таджикский язык; звуки.*

С самого начала своего возникновения психолингвистика заявила о себе как о научном подходе, где знания добываются, в основном, путем эксперимента. В этом наблюдается плодотворность и успешное сотрудничество двух областей знаний: лингвистики и психологии.

Существует великое множество определений термина «психолингвистика». По мнению И.В. Настина: «психолингвистика как сфера знаний, изучает процессы взаимодействия и структурные связи между психикой и языком как знаковой системой» [4, с. 4].

Ученый В.П. Глухов, в свою очередь, говорит: «психолингвистика – наука, которая изучает лингвистические (языковые) и психологические особенности речевой деятельности человека, социальные и психологические аспекты использования языка в процессах речевой коммуникации и индивидуальной речемыслительной деятельности» [2, с.19].

Впервые психолингвистика возникла в начале 50-х гг. прошлого века в США. Т.е. основоположниками психолингвистики как самостоятельной области научного знания стали американские ученые, психологи и лингвисты, прежде всего: Ч. Осгуд, Дж. Кэрролл и Т. Сибеок. За относительно небольшой срок своего существования психолингвистика выдвинулась в число основных речеведческих и языковедческих наук. Уже за первое десятилетие своего существования, в психолингвистике разработались новые методологические подходы к изучению явлений языка, речевой деятельности и коммуникативных процессов. Сподвижниками этих изменений стали ученые: Ч. Осгуд, Дж. Миллер, Н. Хомский (или Чомский), С. Слама-Казаку и др.

Активным пропагандистом психолингвистики в российской науке можно считать также А.А. Леонтьева. Его вклад в развитие этой науки очень значителен. Благодаря стараниям А. Леонтьева, его подвижническим усилиям психолингвистика стала самостоятельной и полноправной областью научного знания в отечественной науке. Окончательный год признания психолингвистики как серьезной науки состоялась в 1960-х гг. [2, с. 9].

Для того, чтобы исследовать фоносемантику таджикских звуков, мы провели ассоциативный (фоносемантический) эксперимент среди студентов 2 курса специальности «Компьютерная лингвистика» с таджикским языком обучения, а также студентов, учащихся по специальности «Русская филология». Для проведения эксперимента была подготовлена анкета, в которой были приведены все звуки таджикского языка, кроме Ъ и Ь знаков.

От респондентов требовалось дать характеристику всем звукам таджикского языка, а именно негативные звуки выделить знаком «-», положительные знаком «+», а нейтральные – ничего не писать. Звуки характеризовались по 25 антонимическим шкалам А.П. Журавлева. Шкалы были переведены на таджикский язык, так как в качестве респондентов участвовали носители таджикского языка.

В нашем эксперименте участвовали 54 студента, но в процессе подсчета данных 3 анкеты были забракованы, поскольку во всех характеристиках студентами были проставлены только знаки «+» или «-», что является нелогичным. Таким образом, в итоге была проанализирована 51 работа.

В данном исследовании мы решили акцентировать внимание на гласных звуках, которых в таджикском языке 6: А, И, О, У, Ё, Э. Подсчеты данных звуков показали следующие результаты.

Например, звук А по первой характеристике набрал 50+/ 1-, выходит звук А – это хороший звук; по второй характеристике: 39+/ 12-, т.е. звук А большой; по третьей: 43+/ 8-, т.е. звук А нежный; по четвертой: 43+/ 8-, выходит звук А женственный; по пятой: 45+/ 5- / 1 – нейтральный, т.е. А светлый; по шестой: 48 +/ 3-, – активный; по седьмой: 45+/ 6-, А является простым; по восьмой: 40+/ 11-, – сильный; по девятому признаку: 37+/ 14-, выходит звук А горячий; по десятому: 34+/ 17-, – быстрый, нежели медленный; по 11 признаку: 47+/ 4-, – красивый; по 12 признаку: 41+/ 10-, – гладкий; по 13 признаку: 45+/ 6-, А легкий звук; по 14 признаку: 46+/ 5-, – веселый; по 15 признаку: 43+/ 8-, – безопасный; по 16 признаку: 40+/ 11-, – величественный; по 17 признаку: 43+/ 8-, – яркий; по 18 признаку: 21+/ 30-, – угловатый; по 19 признаку: 45+/ 6-, – радостный; по 20 признаку: 47+/ 4-, – громкий; по 21 признаку: 38+/ 13-, – длинный, по 22 признаку: 43+/ 7-/ и 1 – нейтральный, – храбрый; по 23 признаку: 43+/ 7-/ 1 – нейтральный, – добрый; по 24 признаку: 47+/ 3-/ 1 – нейтральный, – могучий; по 25 признаку: 45+/ 6-, – подвижный.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что звук А является хорошим звуком, поскольку положительные качества преобладают над отрицательными.

А теперь приведем таблицу, где показаны результаты остальных звуков:

Таблица 1 – Результат фоносемантического анализа гласных звуков

Русский перевод Таджикский перевод

Звуки

	+	-	А	И	О	У	Ё	Э
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)	50/1	34/17	43/8	40/11	15/36	25/26		
2. Большой (калон) – маленький (хурд)	39/12	25/26	36/15	30/21	30/21	36/15		
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)	43/8	30/21	28/23	28/23	20/31	21/30		
4. Женственный (занона) – мужественный (мардона)	43/8	27/24	24/27	21/30	15/36	20/31		
5. Светлый (равшан) – темный (торик)	45/5/1	33/18	32/19	29/22	21/30	27/24		
6. Активный (фаёл) – пассивный (ғайрифаёл)	48/3	37/14	37/14	33/18	19/32	25/26		
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)	45/6	32/19	38/13	32/19	13/38	30/21		
8. Сильный (боқувват) – слабый (беқувват)	40/11	33/18	35/16	30/21	28/23	25/26		
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	37/14	26/25	26/25	23/28	17/34	24/27		
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	34/17	29/22	27/24	32/19	17/34	22/28/1		
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	47/4	33/18	39/12	25/26	20/31	23/28		
12. Гладкий (хамвор) – шероховатый (нохамвор)	41/10	33/18	35/16	26/25	12/39	24/27		
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	45/6	40/11	39/12	31/20	16/35	27/24		
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	46/5	22/29	33/18	26/25	16/35	24/27		
15. Безопасный (бехатар) – страшный (хатарнок)	43/8	35/16	39/12	27/24	21/30	30/21		

16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)	40/11	21/30	35/16	23/28	20/31	24/27
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	43/8	28/23	28/23	29/22	21/30	28/22/1
18. Округлый (гирда) – угловатый (киррадор)	21/30	20/31	44/7	20/31	17/34	29/22
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	45/6	23/28	32/19	27/24	19/32	25/26
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	47/4	32/19	29/22	23/28	26/25	30/21
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтох)	38/13	32/19	28/23	20/31	26/25	34/17
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	43/7/1	27/23/1	34/16/1	29/21/1	27/23/1	33/17/1
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	43/7/1	35/15/1	40/10/1	32/18/1	28/22/1	23/27/1
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	47/3/1	26/24/1	35/15/1	25/25/1	20/30/1	23/27/1
25. Подвижный (пурхаракат) – медлительный (сустхаракат)	45/6	29/22	34/17	23/28	24/27	26/25

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что звуки А (24+), И (20+), О (24+), У (17+) являются положительными, поскольку положительные качества превалируют над отрицательными. Звуки Ъ (6+), Э (11+) являются отрицательными, поскольку отрицательные качества в значительной степени превалируют над положительными. Это говорит о том, что звуки Ъ, Э в сознании носителей таджикского языка воспринимаются как негативные.

Таблица 2 – Результат «положительных» и «отрицательных» звуков

+	-	А	И	О	У	Ъ	Э
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)		+	+	+	+	-	-
2. Большой (калон) – маленький (хурд)		+	-	+	+	+	+
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)		+	+	+	+	-	-
4. Женственный (занона) – мужественный (мардона)		+	+	-	-	-	-
5. Светлый (равшан) – темный (торик)		+	+	+	+	-	+
6. Активный (фаъол) – пассивный (ғайрифаъол)		+	+	+	+	-	-
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)		+	+	+	+	-	+
8. Сильный (боқувват) – слабый (беқувват)		+	+	+	+	+	-
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)		+	+	+	-	-	-
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)		+	+	+	+	-	-
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)		+	+	+	-	-	-
12. Гладкий (хамвор) – шероховатый (нохамвор)		+	+	+	+	-	-
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)		+	+	+	+	-	+
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)		+	-	+	+	-	-
15. Безопасный (бехатар) – страшный (хатарнок)		+	+	+	+	-	+
16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)		+	-	+	-	-	-
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)		+	+	+	+	-	+
18. Округлый (гирда) – угловатый (киррадор)		-	-	+	-	-	+
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)		+	-	+	+	-	-

20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	+	+	+	-	+	+
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтох)	+	+	+	-	+	+
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	+	+	+	+	+	+
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	+	+	+	+	+	-
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	+	+	+	нейтр.	-	-
25. Подвижный (пурхаракат) – медлительный (сустхаракат)	+	+	+	-	-	+

Экспериментальные исследования в психолингвистике являются одним из эффективных и целенаправленных методов познания речевой деятельности человека. Ведь цель любого эксперимента: поставить испытуемого в ситуацию управляемого выбора несмотря на то, что выбор и решение могут быть неосознаваемы до конца.

Для повышения результативности психолингвистических экспериментов используются различные экспериментальные методики, например, фоносемантический (ассоциативный) эксперимент.

Нами был проведен фоносемантический эксперимент, с целью выявления семантики и эмоциональной окрашенности таджикских звуков. Как уже выше говорилось, подобные анкетирования в масштабном формате в области таджикского языка ранее не проводились. Благодаря проведенному эксперименту, мы установили некую закономерность в семантике таджикских звуков. Полученные данные могут быть успешно использованы на занятиях по лингвистике, психолингвистике, нейролингвистике и т.д., а также в коммерческой сфере при подборе имен и названий.

Список литературы

1. Алиназарова Н. Фоносемантические исследования таджикского языка: выпуск. квал. работа (диссертация). – Душанбе: РТСУ, 2014. – 85 с.
2. Глухов В.П. Психолингвистика: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Изд-во Юрайт, 2009. – С. 19.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – С. 8-9.
4. Настин И.В. Психолингвистика. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – С. 4.

*10.02.19***Н.А. Ощепкова**

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
кафедра английского языка,
Калуга, n-oshepkova@mail.ru

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена способам достижения эквивалентности передачи метафор при переводе англоязычного политического дискурса. Определяется частотность использования способов перевода стертой и творческой метафоры в зависимости от функции метафоры.

Ключевые слова: *политический дискурс, аналог, эквивалент, замена, компенсация, опущение.*

Политический дискурс является феноменом политической коммуникации, которая состоит из конкретной системы профессионально-ориентированных знаков и характеристик, которые, в свою очередь, имеют собственный подязык (лексику, фразеологию и паремиологию).

Для того, чтобы увеличить воздействие на реципиента и достичь максимальный результат, в тексты общественно-политического характера включается лексика, нехарактерная для политической сферы. Метафора придаёт выразительности тексту публичного выступления, становится одним из способов пополнения языка новыми выражениями и даёт реципиенту чёткую картину происходящего.

В статье предпринята попытка рассмотреть способы достижения эквивалентности при переводе метафор политического дискурса.

Значимость заключается в том, что в работе используется системный подход к переводу метафоры в политическом дискурсе, а именно: определяется вид метафоры, выбирается наиболее эквивалентный способ перевода, учитывая функциональный потенциал метафоры.

В лингвистике сложилось понимание того, что дискурс является когнитивным процессом, зависящим от экстралингвистических факторов, к коим относится цель дискурса. П. Бейли утверждает, что «целью дискурса в рамках политики является не описание, а побуждение» [2:170]. А. Н. Баранов определяет политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [1: 250]. П. Б. Паршин считает, что выбор лингвистических средств является основным средством воздействия на адресата политического текста [4: 280].

Выступления политиков перед широкой аудиторией характеризуются рядом особенностей, в том числе, приближенностью к художественному стилю речи за счет использования риторических приемов воздействия (например, аллюзия, метафора, ирония, инверсия и т. д.), которые позволяют добиться четкой аргументированности, открытости, ясности и точности информации, содержащейся в политическом сообщении.

В современной лингвистике сформировалось новое направление – политическая метафорология или теория политической метафоры. По мнению А.П. Чудинова, политическая метафора – это мощный инструмент, с помощью которой можно манипулировать сознанием общества. [5].

Перевод политического дискурса зависит от стилистических и функциональных особенностей. Эквивалентность перевода зависит от социолингвистических факторов. Реципиент воспринимает информацию через особенности своей национальной культуры и соответственно некоторые содержательные аспекты высказывания будут не поняты либо

неверно истолкованы. Поэтому переводчик ищет эквивалентные способы перевода.

В.И. Легенкина выделяет семь различных способов перевода метафоры: метафора-эквивалент или метафоры-аналога, калькирование, деметафоризация, контекстуальная замена, компенсация, опущение [3].

Для анализа перевода метафоры в политическом дискурсе были использованы примеры, обнаруженные методом сплошной выборки в статьях новостных изданий *The Guardian*, *The New York Times*.

Метафора-эквивалент основана на том же образе, что и метафора на исходном языке. Создание такой метафоры возможно благодаря случайным совпадениям образов, использующихся для осуществления той или иной функции метафоры. От калькирования этот способ отличается тем, что в данном случае речь идет скорее всего о передаче стертой метафоры с помощью эквивалентной стертой метафоры, т.е. метафоры, утратившей семантически мотивированные связи значений:

"In his Easter sermon the archbishop of Canterbury spoke of the suffering and terror being experienced by Ukrainians, called on Russia to withdraw its forces, and said 'let the darkness of war be banished'." (*The Guardian*) – «В своей пасхальной проповеди архиепископ Кентерберийский говорил о страданиях и ужасе, которые испытывают украинцы, призвал Россию вывести свои войска и сказал: "Пусть **тьма войны** будет изгнана".» Представляется, что и война, и тьма являются чем-то темным и пугающим. В данном примере стертая метафора выполняет изобразительную функцию.

Метафора-аналог – это метафора, образ которой имеет точки соприкосновения с метафорой оригинала, фигуральные значения метафоризированных единиц совпадают частично:

"It was a campaign stop for a Senate candidate, but for many Georgians who came to see Herschel Walker, politics was hardly the only draw." (*The New York Times*) – «... местом проведения предвыборной кампании кандидата в Сенат, но для многих жителей штата, пришедших на встречу с Хершелом Уокером, **политика была едва ли единственной приманкой.**»

Функция стертой метафоры коммуникативная. *Draw* – a person or thing that is very attractive or interesting – нечто привлекательное, притягивающее к себе. *Приманка* звучит более выразительно: «клюют, как на приманку на рыболовном крючке». Фигуральные значения совпадают частично.

Калькирование – это передача исходной структуры средствами переводящего языка. Способ эквивалентен для передачи творческой метафоры:

"Successive governments have tried and failed to rein in commercial turf operators. "It's a real political failure to tackle a very stinging nettle," said Séamus Boland, head of Irish Rural Link." (*The Guardian*) – «Сменявшие друг друга правительства безуспешно пытались установить контроль над товарными операторами торфа. «Это настоящий политический провал в попытке **справиться с очень жгучей крапивой**», – сказал Шеймас Боланд, глава Irish Rural Link.» В исходном тексте творческая метафора выполняет изобразительную функцию.

Деметафоризация метафоры предполагает ее нейтрализацию: передается только значение метафоры с потерей образа:

"Peat extraction "bled out" bogs, degrading air and water quality and emitting carbon. "It has all these bad local and global effects." (*The Guardian*) – «Добыча торфа **"истощила"** болота, ухудшив качество воздуха и воды и выбрасывая углерод. «Это приводит ко всем этим негативным местным и глобальным последствиям». Исходная метафора – стертая, так как подобное выражение довольно часто используется для указания на истощение. Функция – прагматическая, так как она вызывает определенные эмоции (негодование). В переводе метафора нейтрализована.

Контекстуальная замена: метафора исходного текста совпадает с метафорой текста перевода только по функции, выполняемой в данном дискурсе, в то время как их денотативное содержание различно:

*“In policy terms curbing the commercial cutting and burning of turf was supposed to be **“low hanging fruit”**, an overdue crackdown on a practice harmful to health and the environment.” (The Guardian) – «С точки зрения политики, ограничение коммерческих нарезки и сжигания торфа должно было быть легкой мишенью, запоздалым ограничением практики, вредным для здоровья и окружающей среды.»* Функция стертой метафоры коммуникативная.

Всего было проанализировано 40 фрагментов исходного политического дискурса содержащих 43 метафоризированные единицы, среди которых есть как стертые, так и авторские (или творческие). Частотность использования способов перевода при воспроизведении метафоры следующая: метафора-эквивалент - 10; метафора-аналог - 3; контекстуальная замена - 8; калькирование - 14 + 1 случай совмещения приема калькирования и деме́тафоризации; деме́тафоризация – 7. Приемов компенсации и опущения найдено не было. Представляется, что это может послужить направлением дальнейшего исследования.

Итоги. При переводе авторской метафоры чаще всего использовался прием калькирования. Калькированные авторские метафоры отличаются прозрачностью создаваемого им образа, который не нуждается в прагматической адаптации. Контекстуальная замена использовалась при возможности замены авторской метафоры на стертую, так как в таком значении в русском языке стертая метафора звучала привычнее в имеющимся контексте. Причины использования метафоры-аналога связаны с невозможностью передать метафору калькированием без некоторого изменения семантики. Причины деме́тафоризации кроются в невозможности использовать другие способы перевода.

При переводе стертой метафоры чаще всего использовался прием передачи ее с помощью метафоры-эквивалента. Наличие у стертой метафоры эквивалента, который тоже является стертой метафорой, при этом этот эквивалент можно найти в двуязычном словаре. Можно прокомментировать также то, что при анализе подобных случаев нередко представлялось трудным определить границу между стертыми метафорами и фразеологизмами. Причина использования метафоры-аналога при передаче стертых метафор: отсутствие на языке перевода стертой метафоры с точно такой же образностью, но при этом присутствие схожей стертой метафоры. Причина использования контекстуальной замены при переводе стертой политической метафоры: отсутствие стертой метафоры со схожей образностью, наличие стертой метафоры с равноценной функцией и значением. Причина использования калькирования при переводе стертой метафоры: существующая стертая метафора-аналог или -эквивалент не подходит в данном контексте. Использование деме́тафоризации можно объяснить невозможностью калькировать метафору.

Интерес также вызвали особенности преобладания определенной функции в фрагментах с использованием авторской или стертой политической метафоры. Статистика показывает, что чаще всего авторская метафора выполняла прагматическую и изобразительную функции, а стертая – прагматическую, коммуникативную и номинативную. Полученные данные отражают природу этих видов метафоры, а также природу политической метафоры.

Приведенные способы перевода позволяют описать процесс перевода метафоры и отражают современные изыскания в области переводоведения.

Также необходимо отметить, что исследование функциональных и стилистических особенностей политического дискурса является ключевым фактором перевода с сохранением необходимого коммуникативного эффекта, что является, безусловно, приоритетной задачей переводчика.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
2. Ключев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия: монография. – М., Берлин: Директ—Медиа, 2016. – 263 с.
3. Легенкина В.И. Способы межъязыковой передачи метафоры при переводе политических текстов / В. И. Легенкина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 9–2 (87). – С. 84–87.
4. Паришин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae = Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Азбуковник, 2002 С. 181–208.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
6. The Guardian // ‘We’re being left with nothing’: Ireland’s turf wars expose rural grievances: URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/04/were-being-left-with-nothing-irelands-turf-wars-expose-rural-grievances> (Дата обращения: 05.06.2022).
7. The Guardian // “Doubles down on Johnson’s criticism of archbishops over Rwanda plan URL: <https://www.theguardian.com/politics/2022/apr/20/pmqs-boris-johnson-denies-bbc-criticism-no-justin-welby-apology> (Дата обращения 15.06.2022).
8. The New York Times // Herschel Walker’s Senate Bid in Georgia Is Powered by Fandom: URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/20/us/politics/herschel-walker-georgia-senate.html> (Дата обращения: 06.06.2022).

10.02.19

¹Н.П. Пинежанинова, ²Т.В. Сушенцова, ²Н.Н. Черкасская

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Санкт-Петербург, pinezhaninova@rambler.ru,

²Удмуртский государственный университет,
Институт языка и литературы,
кафедра профессионального иностранного языка для естественно-научных специальностей,
Ижевск, kafpiaens@mail.ru

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена анализу контекстуальных отношений межъязыковых омонимов в стихотворном тексте и взаимодействию разноплановых элементов в семантической структуре самого омонима. Межъязыковые омонимы переключением языковых регистров задают ракурсы референции, которая обращена на сам язык и его потенциальные возможности. Омонимы выступают в качестве элементов концептуальной интеграции значений в условиях контекста.

Ключевые слова: *межъязыковые омонимы, контекст, референция.*

В современной поэтической речи активное межъязыковое взаимодействие проявляется включением разноязычных фрагментов, цитат и клише на иностранных языках, при этом использование двуязычных омонимов остается одним из частных и спорадических приемов лингвопоэтики. Отличие межъязыковой омонимии от фрагментарного использования иностранных языков состоит в том, что этот прием имеет собственную структурную организацию и строится на столкновении двух сходно звучащих слов или, реже, словосочетаний, принадлежащих разным языкам, в которых первый элемент является лексической базой сопоставления, катализатором семантического взаимодействия, а второй элемент является результирующим. Вместе с тем, элементы билингвальной пары могут не принадлежать одной и той же части речи и отличаться графическим написанием, т.е. иноязычные элементы включаются как в оригинальном виде, так и в транслитерированной записи. Двуязычная конфигурация межъязыкового омонима (далее – МО) представляет собой комплексное высказывание, двусторонняя семантика которого становится концептуальным элементом поэтического контекста.

Поэт, включая МО в контекст, актуализирует сопоставительный характер семантического взаимодействия его элементов и мотивирует такое включение индивидуальной художественной системой, которая может быть ориентирована как на использование поэтики «асимметрии языкового знака» в ассоциативном уплотнении семантики, так и на синтез языковых форм.

Межъязыковая омонимия как результат влияния иностранных языков на создание звуко-смысловых соответствий известна в описаниях явлений поэтического билингвизма и билингвальных каламбуров, однако специальных работ о контекстуальном взаимодействии элементов МО в поэтической речи в настоящее время не было выявлено. Поэтому ниже излагаются некоторые структурно-формальные параметры МО, служащие основой классификации, а также референциальные и когнитивные характеристики МО, проявляющие свою специфику в контекстах.

Параметр 1. Контактный способ представления МО, проявляющий полисемию компонентов. В этом случае МО представляет собой одно иноязычное слово в оригинальной

записи, омонимичное русскому с другим значением. Установление связей МО с контекстом напрямую зависит от степени его узнаваемости, освоенности и функции в контексте. Так, для поэта-филолога полем семантического расщепления значений может стать профессиональная лексика.

Вера Котелевская: <...> *распад пластика / долог //этой горбатой бутылки / жить и жить // апокалипсис – / не для таких // неодушевленные ведь / непричастны?// изменится разве что форма горба // объем талии / абрис рта // сама себе / **plot** и рассказчик / тусклое око / истекшего пикника* [1].

Рассматриваемое слово написано латиницей, поэтому приоритетным будет значение *Plot* (англ., нем.) – *сюжет, интрига*, что переключает восприятие в область абстрактного осмысления. Но при этом не исключается и русское толкование: *плот* – плавательное средство, конструкция, которая держит на плаву. Совмещение одного лексического значения с другим в этом контексте непротиворечиво, так как оба значения ассоциативно связаны между собой и образуют полисемантическое единство, а МО задает тексту ракурсы языковой референции (о референтных областях сигнификата см [2]).

Параметр 2. Контактный способ представления МО, актуализирующий отношения эвфемизации. МО как лингвистическое явление нередко становится объектом авторской рефлексии; при этом омоним может быть представлен русским словом, а функцию остранения, которую обычно выполняет иноязычная запись, могут принимать на себя метатекстовые знаки выделения (кавычки, курсив и др.), кроме того, в тексте может быть указание на второе значение слова как иностранного.

Надя Делаланд: — *здесь нет никаких предметов лишь имена / — здравствуй Диана скажет она / — здравствуй Нина и обретет в руке / имя розы (золотом на корешке) /здесь нет никакого света / но темноты / тоже не видно — только выходишь ты /словно из-под воды проступает ворс / водорослей — **на мертвой латыни "морс"**// что-то другое / а тот кто сказал "не пей" / просто не знал детей* [3].

В этом контексте производится окказиональная замена одного слова другим с целью маскировки подлинной сущности обозначаемого, т.е. русское слово служит эвфемизмом латинского, которое наделяется экспрессией *на мертвой латыни – морс* (смерть), при этом актуализируются оба значения: одно в тексте, другое в подтексте.

Параметр 3. Контактный способ представления МО, проявляющий антонимию компонентов. Двуплановая семантика МО *морс* использована в поэтической речи неоднократно, но в каждом случае проявляется индивидуальная интенция. Так, в контексте может быть передано ироническое восприятие самого факта омонимии в слове *морс*, и, вместе с тем, снятием всяких знаков выделения подчеркнута его общеизвестность и освоенность.

Дарья Суховей: *таблетки принимаемые курсом / я запиваю квасом или морсом / из морса мерзко щерится латынь / а в квасе бродит качественно жизнь / культурная и прочая живая / буреет кровь венозная такая* [4].

Этот текст построен на игре контекстуальной антонимии слов *квас* и *морс* поскольку в сопоставлении русских слов, они являются контекстуальными синонимами, а в сопоставлении русского и латинского – антонимами.

Параметр 4. Дистантное представление МО в сопоставлении речевых фрагментов и слова, актуализирующий контекстуальные отношения словообразовательной производности. В поэтической речи в межъязыковую омонимию могут вступать не только отдельные слова, но и не равные слову речевые фрагменты; при этом способом интеграции значения иностранных слов в русское слово и шире – в контекст – становятся отношения производности и контекстуально создаваемая мотивированность.

Мария Степанова: *Язык под небом скажет: **Liebe Dich**. / И руки похватывают в обе / Заезжих лебедей и лебедих, / Гусей, гусынь, могил, надгробий.*// [5].

В этом контексте в сильной текстовой позиции рифмы немецкая фраза служит звуковым прототипом и даже поэтическим этимологом для образования омофонического окказионализма

– *лебедих*, т.е., с одной стороны, автор восполняет недостаточность русского языка в грамматическом обозначении пола у диких птиц, а с другой стороны, под действием паронимической аттракции слово *лебедих* приобретает коннотацию *любимых*. При этом несимметричность омоформ (словосочетания немецкого языка и слова-окказионализма) снимается слиянием словосочетания в одно русское слово, т.е. происходит уплотнение семантики за счет денотативной транспозиции, т.е. переноса значения заимствованного слова на другой предмет. Вместе с тем, в процесс взаимодействия включаются не только два языка, но и два плана речи: прямая речь придает модальный оттенок окказионализму. Референция, актуализированная речевыми элементами межъязыковых омонимов, обращена не столько на внеязыковые объекты, сколько на сам язык и его возможности.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Межъязыковые омонимы в поэтической речи переключением языковых регистров задают ракурсы референции, обращенной на сам язык и его потенциальные возможности.

2. Формально-структурное расположение МО определяет актуализацию смысловых сопоставлений. Контактные МО актуализируют контекстуальную полисемию, антонимию и эвфемию, а дистантные МО проявляют контекстуальные отношения словообразовательной производности.

3. В семантических связях с контекстом межъязыковые омонимы становятся ключевыми элементами в концептуальной интеграции разноплановых значений.

Список литературы

1. Котелевская В. Глава 5. – Русская поэтическая речь – 2016. Антология анонимных текстов. – Челябинск: Издательство Марины Волковой. 2016. – С. 36-37.
2. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.21. Санкт-Петербург, 1999. 35 с.
3. Делаланд Н. Нужно подчеркнуть. – М.: Издательство Российского союза писателей, 2016.– С.92.
4. Суховой Д. По существу. Избранные шестистишия 2015 – 2017 гг. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 59.
5. Степанова М. 20 сонетов к М. // Знамя – 1998. – № 6. – С. 6.

10.02.19

Е.Н. Сагайдачная канд. филол. наук, В.Б. Черемина

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
кафедра иностранных языков для экономических специальностей,
Ростов-на-Дону, sag-natali@yandex.ru, vicfoxik@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА В.ПУТИНА

Работа затрагивает особенности политического дискурса, его манипулятивный характер. Авторы подчеркивают условия, необходимые для принятия целевого решения\ответа у массовой аудитории. В работе описаны особенности языковой личности российского президента В.Путина, арсенал его языковых средств.

Ключевые слова: *манипуляция массовым сознанием, языковые средства, экспрессивность, политическая риторика.*

Как только заканчиваются выборы и вновь избранный президент произносит свою инаугурационную речь, перед общественностью предстает абсолютно новая личность, чьи особенности как речевые, так психологические часто не совпадают с тем портретом, который существовал до вступления в должность президента. Равно как и ролевое смещение лидера по шкале социальной модели А.К. Михальской [4] (становление, укрепление позиций, роль «монарха» и т.д.)

Уже давно лингвисты, занимающиеся политическим дискурсом, доказали, что для обеспечения наибольшего эффекта воздействия на массовую аудиторию большей значимостью обладает не то, что предлагает политик, а то, что воспринимает электорат, реагируя на искусственно созданный образ политика, а не его объективные личностные качества (суггестивный подход). «...главная цель и искусство оратора состоит не в том, чтобы, философствуя, искать какой-то истины и какого-то блага, а в том, чтобы уметь воздействовать на аудиторию в своих целях» [4, стр.23]. Согласно основному принципу софистов - говорить то, что приятно слушающему, политический дискурс имеет своей основной целью не информирование аудитории, а воздействие и манипулирование общественным сознанием, обращаясь к эмоциям и потакая слабостям реципиента. «эмоции ближе...легче куются...» Массовая аудитория (ее единица – «человек массы», «массовый человек», «объективный идиот» - объект манипулирования, лишь принимающий знания, информацию по А.М. Пятигорскому) не действует самостоятельно, а лишь реагирует на обстоятельства, потому реакции «массового человека» можно почти всегда предугадать, а гораздо легче это сделать, именно воздействуя на эмоциональную сферу слушающего. «...Используя в пропаганде психологические методы, пропагандисты не изменяют функций психики (протекания психических процессов), но лишь формируют взгляды человека на окружающую его социальную и политическую действительность» [2, стр.186]. Так, в процессе восприятия информации реципиент зачастую принимает целевое решение или формирует определенный образ находясь под влиянием подсознательной деятельности мышления, а потому вся система взглядов массовой аудитории может быть закреплена, усилена или изменена психологическими приемами пропаганды. Однако далее автор оптимистичен описывая воздействие пропаганды, способной провоцировать рефлексию слушающего, если его собственный опыт и мнение авторитетных для него лиц не совпадают с предлагаемой точкой зрения. Хотелось бы отметить, что такая рефлексия, действительно, при определенных условиях, возможна лишь у отдельных единиц самостоятельных реципиентов, которые не составляют массовую аудиторию и не являются «человеком массы».

Именно диалогичность по сути, а не по форме политического дискурса создает у аудитории впечатление непрерывной сопричастности, общения, предполагающее взаимное преобразование, развитие идей, чувств и мыслей, выработки общей позиции. «Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть внушенных идей. Толпами нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее» [3, стр. 54].

Именно такое понимание успешности в достижении прагматической цели высказывания предлагает Д.Ниренберг, доказывает, что конечная цель понимания состоит не в поисках истины или доказательств, а в появлении чувства уверенности и веры в определенной позиции говорящего [5].

Именно воздействие на эмоциональную сферу массовой аудитории способно побудить «целевой» ответ, вызвать прогнозируемую реакцию, манипулировать сознанием слушающих. Экспрессивные средства языка вербальные и невербальные – основная особенность современного политического дискурса. Целью нашего исследования является описать языковую личность российского президента В.Путина, арсенал его языковых средств.

Рассмотрим наиболее яркие примеры таких средств в публичных речах перед массовой аудиторией современного российского президента В. Путина. Продолжая риторику В.Соловьева [6], В.Путину удалось сделать политику «не скучной», какой она является в цивилизованных странах. Его выступления, бесспорно, являются объектом пристального изучения лингвистов, спич-райтеров, специалистов нейролингвистики, психологии воздействия и т.д. В нашем исследовании были рассмотрены тексты речей В.Путина занимающего пост президента Российской Федерации четвертый срок, а потому являющегося «устоявшимся политиком», в роли «монарха» (по А. К. Михальской), ведущего переговоры с «ощущением проблемы» (Д.Ниренберг), ибо его риторика на этом посту представляет портрет языковой личности, отличный от того, который был ему присущ в его бытность его политического становления, в самом начале его карьеры.

При рассмотрении речей российского президента В. Путина были выявлены некоторые особенности, присущие исключительно арсеналу его языковой личности:

- 1) очень слабая или полное отсутствие жестикляции;
- 2) изобилие метафор, идиом, фразеологизмов, определенных стилистических приемов (наиболее частотные: параллелизмы, аллитерация, повторы);
- 3) живая, эмоциональная манера высказываний, в частности, в неподготовленной речи при ответах на вопросы из зала; большое количество отступлений от языковой нормы, каламбур, ирония;
- 4) неформальный стиль общения;
- 5) фонетически речь отрывистая и динамичная, паузирование, нарочито-намеренное интонационное деление фразы на фрагменты, послоговое произнесение отдельных слов;
- 6) простота изложения, делающая языковые образы и речь более доступной и приемлемой для обычного россиянина.

Вот отрывок из обращения президента В.Путина к нации [7]:

Военная машина движется и, повторю, приближается к нашим границам вплотную.

Почему всё это происходит? Откуда эта наглая манера разговаривать с позиции собственной исключительности, непогрешимости и вседозволенности? Откуда наплевательское, пренебрежительное отношение к нашим интересам и абсолютно законным требованиям?

Ответ ясен, всё понятно и очевидно. Советский Союз в конце 80-х годов прошлого века ослаб, а затем и вовсе развалился. Весь ход происходивших тогда событий – это хороший урок для нас и сегодня, он убедительно показал, что паралич власти, воли – это первый шаг к полной деградации и забвению. Стоило нам тогда на какое-то время потерять уверенность в себе, и всё – баланс сил в мире оказался нарушенным.

Синонимичные предикаты *движется приближается*, (усиленные тревожащими и будоражащими *жс-жс*) ; синонимы в пределах одного предложения *ясен понятно очевидно*; параллелизм отдельной конструкции *это хороший урок= это первый шаг* призван отпечатать в сознании слушающего стойкую позицию уверенности президента, незыблемости его аргументов. Уверенность президент подчеркивает затянувшейся паузой и, следом, энергичной жестикуляцией при словах ... *и всё* ... – *баланс сил в мире оказался нарушенным*.

Бесспорно, что отступления от языковой нормы, неповторимый портрет языковой личности Владимира Путина продолжает оказывать влияние на современный русский язык, модифицируя его и привнося свой особый колорит. Что прекрасно иллюстрирует тезис Ф. де Соссюра утверждающего, что «в каждый момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; являясь в любую минуту и живой деятельностью и продуктом прошлого»[1, стр.34].

Список литературы

1. Д. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Д. Соссюр Ф. - Под общ. ред. М. Э. Рут.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.— 432 с.
2. Лебедев-Любимов А. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов — СПб.: Питер, 2002 — 368 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — СПб: Макет, 1995.- 78 с.
4. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / А.К. Михальская. — М.: Academia, 1996. — 192 с.
5. Ниренберг Дж.И. Гений переговоров. — Минск, Попурри, 1997. — 416 с.
6. Соловьев В. Путин. Путеводитель для неравнодушных / В.Р. Соловьев. — М.: Эксмо, 2018.- 416с.
7. Стенограмма обращения Президента Российской Федерации к нации. — URL: <http://prezident.org/> (дата обращения 1.05.2022)

10.02.19

Д.А. Самарин

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков № 1,
Иркутск, d.samarin.2020@mail.ru

РЕФОРМА ТУРЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ ПО ПРОЕКТУ МУСТАФЫ КЕМАЛЯ АТАТЮРКА

В статье анализируются причины реформы орфографии турецкого языка и результаты её реализации. Ведущая роль в данном процессе принадлежит М.К. Ататюрку, Разработка новых принципов орфографии была вызвана новой эрой в истории Турции и требованиями её научно-технического прогресса и общего культурного и социально-экономического развития.

Ключевые слова: турецкий язык; реформа; алфавит; заимствование; арабский язык; фарси; османский язык; Турецкое лингвистическое общество.

Реформа турецкого языка, первым этапом которой стал принятый 1 ноября 1928 г. закон о переходе с арабской графики на латиницу, представляет собой одно из важнейших исторических событий в республиканской Турции. Значительная роль в этом процессе принадлежит журналу «Хаят» (1926–1929), издававшемуся при активной поддержке Министерства народного просвещения Турецкой республики. Именно на страницах этого издания, начиная с 29 ноября 1928 г., все статьи печатались на новом турецком алфавите.

Турецкий язык, в соответствии с классификацией казанского профессора В.А. Богородицкого (1857-1941), до свержения султанов из рода Османа назывался османским и возглавлялся стамбульским (константинопольским) наречием; подпавшим с переходом столицы в Анкару анатолизации [2, с. 13]. Современный турецкий язык, как выделял С.Д. Шукринов, это активно развивающийся язык с агглютинативным грамматическим типом и фонетическим сингармонизмом, у которого древняя и богатая история. Он сложился в результате многовекового процесса развития языков огузо-сельджуцких племён, проникших в X-XI вв. из Средней Азии на Анатолийский полуостров и сформировавших в XII в. государство Сельджуков, а позже, в XIV в., Османское государство, потом – Османскую империю с наивысшим расцветом в XV-XVI вв. [6, с. 485]. Ещё в XI в. Махмуд Кашгари создал многотомный словарь «Дивану лугати-т тюрк» («Диван турецких языков», или «Словарь тюркских наречий»), впервые обнаруженный лишь в XX в. в библиотеке одного эмира и изданный в Стамбуле в 1912-15 гг. Н.Ф. Алефиренко подчёркивал его ценность: «Автор стремится, руководствуясь патриотическими чувствами, доказать равноценность турецкого и арабского языков» [1, с. 59]. Созданный в 1072-1077 гг. словарь, по данным И.Ш. Султаналиева, охватывает более семи тысяч слов и переведен на арабский язык, отражая древний лексический пласт тюркских наречий того времени [4, с. 42]. Но арабское письмо оставалось характерной чертой турецкого языка на протяжении столетий, вплоть до 2-ой четверти XX века.

Ещё писатели Омер Сейфеддин (1884-1920), Зия Гекальп (1876-1924) и другие деятели культуры настаивали на очищении турецкого языка от иностранных нововведений. Язык был перегружен длинными оборотами, образуемыми при помощи аффиксов и служебных частиц, сложными формами образования множественного числа, составными определениями (birle©ik sıfatlar) и наречиями. Но нужно было изменить также научный, юридический язык и терминологию. Слишком много слов было заимствовано на Западе (в основном из французского языка) начиная с XIX в.

До начала XX в. не могло быть и речи об исследовании фактов турецкого языка научными лингвистическими методами. Но радикальные изменения в языке, проводившиеся параллельно другим реформам в республиканской Турции, базировались на возвращении к культурным истокам.

Мустафа Кемаль Ататюрк (1881-1938), первый президент Турецкой Республики, считая турецкий язык одним из основных факторов сохранения национальной целостности турков, как мог ускорять процесс проведения реформы. Как указывал Т. Тектен, К. Ататюрк, отдавая указания по преобразованию языка, на первый план ставил связи между языком, нацией и культурой, так как сам стал свидетелем снижения статуса родного языка вследствие огромного количества заимствований из иностранных языков [5, с. 151]. Так единый турецкий язык стал одной из основ оформления турецкого общества в единую нацию. Сам К. Ататюрк считал наиболее сильной в обществе связь между национальным чувством и языком, а турецкий язык – одним из самых богатых в мире. С учётом исторической роли Османской империи в этом нет сомнений. Поэтому и реформы в языке турецкий лидер рассматривал как часть государственной национальной политики. Турецкий язык, несмотря на проникновение многих иных культурных факторов ещё до исламского правления, сумел сохранить свой облик. После принятия тюркскими народами ислама турецкий язык испытал на себе мощное воздействие арабского языка и фарси. Первый стал языком науки, а второй – искусства и интеллигенции.

С XIII века анатолийский турецкий язык стал языком народной литературы, что содействовало обретению им письменного статуса и появлению сотен переводов с персидского и арабского языков. С.Д. Шукринов констатировал: «В этот период язык, несмотря на влияние фарси и арабского, всё же носил больше отпечатков исконно тюркского языка» [6, с. 487]. Турецкий язык XIII–XV вв. получил название «старый анатолийский язык». Из той поры сохранились произведения в стихах и прозе (в рукописях и в устной традиции), например, собрание стихотворений Юнуса Эмре (1238-1328), «Гимн на Рождество Пророка» (*Mevld-i Nebi* или *Mevld-i Peygamberi*) Сулеймана Челеби (?-1429) и «Книга моего деда Коркута» (*Dede Korkut Kitabı*).

Период с XIV по XX в. создал благоприятные условия для проникновения арабских и персидских слов и конструкций в письменный и литературный язык турков – османский (точнее, османско-турецкий) язык. Т. Тектен подчёркивал: «Этот османский язык превратился в гибрид представителей трёх различных языковых семейств (алтайского, семито-хамитского и индоевропейского, к которым соответственно принадлежат турецкий, арабский и персидский языки)» [5, с. 152]. При господстве ислама этот язык приобрёл статус главного национального языка во всей многонациональной империи.

Во время реформ танзимата начала XIX в. (и тем более – сто лет спустя) назрела необходимость в упрощении и обновлении архаичного османского языка. Период развития собственно турецкого национального языка начался в 1911 г. с приходом политики национализма и реформизма (или даже в 1908 г. после периода конституционного правления) и продолжается поныне [6, с. 488]. Становление современного турецкого языка происходило благодаря усилиям К. Ататюрка, после поражения Османской империи в Первой мировой войне возглавившего национально-революционное движение и войну за независимость Турции. С ликвидацией султаната (1 ноября 1922 г.) и провозглашением республики (29 октября 1923 г.) была открыта дорога и преобразованиям в турецком языке. В 1924 г., после принятия закона о едином образовании (*Oğretim Birliği*), перед правительством встала новая проблема – турецкий алфавит [5, с. 153]. На заседаниях парламента большинство его членов высказывалось за рациональность перехода с арабского алфавита на латинскую графику. В 1927 г. была проведена адаптация латинского алфавита под требования турецкого языка. Как отмечала З.Г. Яфарова, 20 мая 1928 г. (по другим данным – 26 июня) была создана Комиссия по турецкому языку [7, с. 63]. По решению Совета министров в её состав вошли видные общественные деятели того времени, писатели, лингвисты и представители педагогических кругов: Фалих Рыфкы Атай,

Якуб Кадри Караосманоглу, Ахмет Джеват Эмре, Хюсейн Джахит Ялчин, Рагып Хулуси Озден, Ибрахим Грантай, Ихсан Сунгу, Авни Башман, Рушен Эшреф Унайдын и Мехмет Эмин Эриширгиль. Ключевую роль в этом процессе, тем не менее, сыграл сам К. Ататюрк, настоявший на завершении языковой реформы в срок в 3 года (вместо предполагавшихся ранее 10 лет).

Влияние реформы К. Ататюрка на турецкий язык имело далеко идущие последствия. В ноябре 1928 года трудный арабский алфавит был заменён латинским. З.А. Сулейманова подчёркивала: «Всем гражданам в возрасте с 16 до 40 лет надлежало посещать учебные заведения для изучения нового алфавита. Чиновники, не знающие нового письма, увольнялись. Заключение, не осваивавшие нового алфавита, не выпускались на свободу» [3, с. 41]. Переход на новый алфавит не терпел исключений из правила. И издание «новейших» грамматик турецкого языка отошло от арабской традиции. Базовые грамматики, написанные носителями языка, начали появляться с 1990 г., например: Т. Bangoglu «*Türkçenin grameri*» (Ankara, 1990) [6, с. 489]. Наиболее совершенной стала «Грамматика турецкого языка» Э. Гениша в 3-х томах.

Значение языковой реформы в Турции состояло в её всеохватности. Важную роль в её реализации сыграло созданное 12 июля 1932 г. Турецкое лингвистическое общество (подразделение Высшего института культуры, языка и истории им. Ататюрка при аппарате премьер-министра Республики Турция) [7, с. 66]. Это учреждение развернуло борьбу с заимствованиями на всех языковых уровнях; изучение турецкого языка в стране и за рубежом принимает невиданный размах; появляется большое число посвященных ему трудов отечественных и зарубежных исследователей. Заявленные в 1930-х гг. пуристические тенденции дали хорошие результаты. Благодаря деятельности ТЛО, реформам и реорганизации языка процент турецких слов в письменном языке вырос с 35-40% (в начале 30-х XX в.) до 75-80% к 2000 г. И сейчас турецкий литературный язык (как и разговорная речь) динамично развивается в соответствии с общим прогрессом в турецком обществе и культуре.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* История лингвистических учений: учеб. пособие для студ., магистр. и асп. филол. спец. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 404 с.
2. *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань: Татгосиздат, сектор учебно-педагогической литературы, 1934. – 167 с.
3. *Сулейманова З.А.* Реформы Мустафы Кемаля // Научный журнал. – 2017. – № 2 (15). – С. 40-42.
4. *Султаналиев И.Ш.* Фонетико-лексические особенности перевода и чтения на тюркских и русском языках словаря Махмуда Кашгари «Дивану лугати-т тюрк» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 42-46.
5. *Тектен Т.* Из истории реформ по обновлению турецкого языка // Вестник РГГУ. – Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 8. – С. 149-154.
6. *Шукринов С.Д.* Основные этапы формирования турецкой грамматики / Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Том 2 (68). – № 3. – 2016 г. – С. 484-493.
7. *Яфарова З.Г.* Реформа турецкого языка и её отражение на страницах журнала «Хаят» (1926-1929) // Вестник СПбГУ. – Сер. 13. – 2015. – Вып. 3. – С. 61-67.

10.02.19

Н.Ф. Хасанова, Е.Н. Коновалова

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, discovery81@mail.ru, Nikkon2003@yandex.ru

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Архитектурно-строительная терминология является относительно не молодой, но постоянно обновляющейся областью, которая представлена не только сугубо строительными терминами, но и совокупностью межнаучных, общенаучных и разно отраслевых терминов. Функциональная разнородность и многозначность терминов, ускоренное пополнение новыми терминами затрудняют их понимание носителей других языков, затрудняют установление системных отношений, что вызывает необходимость сопоставления на эквивалентность данной предметной области.

Ключевые слова: *строительство; архитектура; научно-технический; эквивалентность; русский язык, английский язык.*

В настоящее время трудности, возникающие при переводе многозначных лексических терминов различных предметных областей и их сопоставительное исследование, приобретают все большее значение и становится актуальным направлением в отечественном и в зарубежном когнитивном исследовании терминов. Данное положение отражено как в работах по общему и прикладному терминоведению А.В. Спиоров, Т. Хофман, Е.А. Федотова, так и в исследованиях по теоретическим проблемам моделирования языка М. Новрузи, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян

Термин, являясь двусторонней единицей языка, т. е. обладающий планом выражения и планом содержания, неразрывно связан с мышлением, которое отражает динамический процесс познания человеком действительности и формирует знание человека. Поэтому важной задачей перевода является поиск когнитивных оснований для систематизации специального знания, закрепленного в терминологии, которую в новейших исследованиях называют «когнитивным измерением (cognitive dimension) нашей современной цивилизации» [8, с. 257]. Лингвистическая классификация служит построению интегративной модели знания, которая базируется на языковых и когнитивных основаниях, отражая тем самым реально сложившуюся когнитивную ситуацию в данной профессиональной области. Моделирующая функция терминологических единиц связана с появлением новых понятий на основе существующих за счет сближения родственных понятий, установления аналогии между ними.

Разграничение основных типов или видов лексических значений слов помогает установить их соответствующую семантическую характеристику и способствует правильной передаче того или иного значения. Отсюда следует, что переводчик должен обладать большим словарным запасом, знать виды лексических значений и терминов многозначности. Знание лексических значений слов русского и английского языков будет способствовать развитию практических навыков их перевода. Возникает необходимость выбора правильных лексических значений слов для рационального выбора способов перевода, что особенно актуально в настоящее время для предметной области «Строительство» и «Архитектура». Изучение данной лексики является постоянно формирующейся областью, которая представлена не только сугубо строительными терминами, но и совокупностью межнаучных, общенаучных и разно отраслевых терминов (химия, физика, математика, менеджмент и т. д.).

Термины в сфере строительства и архитектуры напрямую зависят от темпа развития строительного дела, которое совершенствуется и пополняется различными прогрессивными технологиями под влиянием научно-технического прогресса. Функциональная разнородность и многозначность терминов, ускоренное пополнение новыми терминами затрудняют установление системных отношений, что вызывает необходимость разработки критериев для логической и естественной классификации понятий и построения терминосистемы данной предметной области.

Целью статьи является анализ специфики многозначности русских и английских терминов когнитивной модели и сопоставление содержательной структуры исследуемых терминологических единиц. Анализ терминосистемы основывается на комплексном моделировании номинативных и понятийных категорий и включает различные процедуры анализа.

Поэтапное рассмотрение схемы внутренней структуры некоторых названий строительных материалов дает возможность разделить на дефиниционные наименьшие компоненты. Например, названия строительных материалов имеет многоуровневую тематическую основу. Компонент «Материал» является родовым для большего количества разнородных терминов как ядро и его лексическими синонимами выступают, например, вещество, смесь, тело.

Полисемию слов в основном можно истолковать на основе толковых словарей. Но такой подход не всегда в итоге приводит к правильному употреблению термина. Происходит это из-за того, что в разных словарях термины имеют разную трактовку.

Следует также упомянуть, что, поскольку значение термина влияет на сочетающиеся с ним языковые определения, разница в значениях многозначных терминов вызывает разницу в составе определений. Так, конкретные значения многозначного слова часто могут быть идентифицированы по типичным для них определениям.

Например, название строительных материалов и строительное материаловедение отражает базовую классификацию строительных материалов в соответствии с типом основного составного вещества и их свойствами. Иерархическая структура образована из пяти групп:

- 1) органические материалы (древесина, солома, бамбук, глина);
- 2) неорганические (природный камень, керамика);
- 3) металлы и изделия из них (сталь, профиль, двутавр, арматура);
- 4) прочие строительные материалы (стекло);
- 5) свойства строительных материалов: физические, механические свойства и дефекты.

Рассмотрим ближнюю периферию слова «Concrete – бетон», которая представлена терминологической группой, имеющий обобщающий характер по отношению ко всем выделенным компонентам, которые на основе их дифференциальных признаков можно распределить по нескольким более узким в семантическом отношении подгруппам:

1. Признаки совокупности материалов
2. Компоненты
3. Характеристика материалов
4. Химические и строительные соединения

Данные группы являются наиболее продуктивными и включают наибольшее количество многозначных терминологических единиц.

Важным условием при определении верного значения слова, которое является многозначным, является контекст, в котором употреблено данное слово. При переводе специфических текстов довольно часто появляются трудности, когда строительные термины необходимо переводить вне языкового контекста, например, строительная документация. Особую трудность для перевода представляет тот случай, когда один и тот же термин переводится по-разному в зависимости от того, в каком приборе встречается данная деталь. Например, русский термин «монтаж» переводится на английский язык по-разному в зависимости от технологии его производства: (двусторонний) монтаж – *both-end mounting*, (панельный) монтаж – *panel mounting* [2, с 139].

Таким образом, исследование многозначных терминов архитектуры и строительства является сложным процессом, состоящий из нескольких этапов. Поэтапная работа по классификации тематических групп строительства в сопоставляемых языках позволяет нам создать многоуровневую классификационную структуру. Такая структура сближается с разрабатываемым в современном терминоведении понятием когнитивной модели термина. В прикладном аспекте может стать основой систематизирующего идеографического словаря. Дефиниционный и родовидовой анализы позволят реализовать систематизирующую функцию словаря, задать его макро- и микроструктуру и определить основные средства систематизации терминов и выявить правильное значение многозначного термина.

Список литературы

1. Голованова Е.И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения / Е.И. Голованова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2010. – Вып. 2. – С. 85-91.
2. Урядова А.В. Многозначность значений строительных терминов в английском языке при переводе на русский язык // ЯрГТУ. – Ярославль, 2019. – С. 138-140.
3. Федотова Е.А. Когнитивно-дискурсивный анализ специального языка научной области «Безопасность производства и технологических процессов» (на материале немецкой научной литературы): автореф. дис. .. канд. филол. наук / Е.А. Федотова. – Калининград: Калининградский гос. техн. ун-т, 2011. – 23 с.
4. Фельдман Н.И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. // Лексикографический сборник. – М., 1957. – С. 9-35.
5. Хасанова Н.Ф. Сопоставление фразеологических терминов в сфере строительства и архитектуры (на материале русского и английского языков). // Казанская наука. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021. – №10. – С. 230-233.
6. Шнерх С. Пятиязычный словарь инсталляционных терминов / С. Шнерх. – Львов: екоінформ, 2007. – 269 с.
7. Hoffmann T. Construction grammar as cognitive structuralism: the interaction of constructional networks and processing in the diachronic evolution of English comparative correlatives, *English Language and Linguistics*, 2017. 21(2) – С. 349 – 373
8. Popescu M. Knowledge Modeling and Terminology Studies in the Field of Engineering, The 14th International Conference on Applied Computer Science, Cambridge (MA), 2014. – 257 с.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Гу Юньсюань
ТЕРМИНОЛОГИЯ КАМНЕРЕЗНОГО ПРОМЫСЛА
В СТИХОТВОРНОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ Д. БЕДНОГО
«МАСТЕРСТВО» И В СКАЗЕ П. БАЖОВА
«КАМЕННЫЙ ЦВЕТOK»

Ключевые слова: П. Бажов, Демьян Бедный, сказ, стихотворное переложение, термины камнерезчиков. В статье рассмотрены термины камнерезных мастеров в сказе П. Бажова «Каменный цветок» и стихотворном переложении Демьяна Бедного «Мастерство». Термины в произведениях не только раскрывают сложный мир уральского камнереза Данилы, Прокопыча/Фомича, но также показывают их мастерство. Совпадение и некоторые различия в употреблении терминов у писателя и поэта говорят о том, что, хотя Д. Бедный стремился как можно ближе к тексту переложить сказ, все-таки поэтический текст требовал изменений.

А.Ф. Давлетова, Г.Г. Рамазанова
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ В ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ
ГЕНАТУЛИНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «АЛБАСТЫ»)

Ключевые слова: рассказ А. Генатулина «Албасты», Великая Отечественная война, образ дезертира, башкирские фольклорные образы, билингвизм. В статье исследуется художественный билингвизм, ставший результатом освоения А. Генатулина русскоязычной культуры, который дает читателю возможность в одном произведении познать, прочувствовать менталитет двух разных народов. В статье обсуждается феномен художественного билингвизма на примере рассказа А. Генатулина «Албасты». Предметом рассмотрения в статье стал рассказ Народного писателя Башкортостана А. Генатулина «Албасты» (2006), посвященный судьбе «идейного» дезертира.

С.Ф. Желобцова, С.Н. Барашкова
СЕМАНТИКА ГЕНДЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Ключевые слова: роман, рассказ, гендер, поэтика, архетип, семантика, Л. Улицкая, Ли Хён Су, Хан Ган. В статье рассматриваются особенности поэтики произведений писательниц разных стран рубежа 20 – 21 вв., выявляются творческая индивидуальность художниц, влияние литературных традиций и национального менталитета на семантику гендерного пространства. Научная новизна темы статьи связана с исследованием авторской трансформации архетипа на основе сопоставительного анализа русской и зарубежной прозы. Наблюдения за движением сюжета, структурой образной системы, художественными средствами приводят к выводам о новом контенте женского мира.

Л.Г. Кихней, С.С. Царегородцева, М.Ю. Купцова
К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ИМИДЖА И
РЕПУТАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: литературная репутация, имиджевая стратегия, поле литературы, Пьер Бурдьё, социология литературы. В статье анализируются разные подходы к понятиям писательский имидж и литературная репутация, особенно актуальным для литературного процесса в России на переломе эпох, когда литературные репутации зависели от идеологических и политических установок. В итоге авторы выявляют ряд моментов, в зависимости от которых складывается тот или иной писательский имидж и проводят разграничение между понятиями литературный имидж и репутация.

Gu Yunxuan
STONE-CUTTING TERMINOLOGY
IN THE POETIC ARRANGE OF D. POOR "MASTERY"
AND IN P. BAZHOV'S TALE "STONE FLOWER"

Keywords: P. Bazhov, Demyan Bedny, tale, poetic arrangement, terms of stone-cutters. The article deals with the terms of stone-cutting masters in P. Bazhov's tale "The Stone Flower" and the poetic arrangement of Demyan Bedny's "Craftsmanship". The terms in the works not only reveal the complex world of the Ural stone cutter Danila, Prokopich / Fomich, but also show their skill. The coincidence and some differences in the use of terms by the writer and the poet indicate that, although D. Bedny tried to translate the tale as close as possible to the text, the poetic text still required changes.

A.F. Davletova, G.G. Ramazanova
ARTISTIC BILINGUALISM IN THE PROSE
OF ANATOLY GENATULIN (ON THE EXAMPLE
OF THE STORY "ALBASTY")

Keywords: A. Genatulin's story "Albasts", the Great Patriotic War, the image of a deserter, Bashkir folklore images, bilingualism. The article explores the artistic bilingualism that has become the result of A. Genatulin's development of Russian-speaking culture, which gives the reader the opportunity to know and feel the mentality of two different peoples in one work. The article discusses the phenomenon of artistic bilingualism on the example of A. Genatulin's story "Albasts". The subject of consideration in the article was the story of the People's Writer of Bashkortostan A. Genatulin "Albasts" (2006), dedicated to the fate of an "ideological".

S.F. Zhelobtsova, S.N. Barashkova
SEMANTICS OF GENDER SPACE
IN MODERN WOMEN'S PROSE

Keywords: novel, short story, gender, poetics, archetype, semantics, L. Ulitskaya, Lee Hyun-soo, Han Gan. The article discusses the features of the poetics in the works of writers from different countries at the turn of the 20th - 21st centuries, reveals the creative individuality of the female artists, the influence of literary traditions and national mentality on the semantics of gender space. The scientific novelty of the article is connected with the study of the author's transformation of the archetype based on a comparative analysis of Russian and foreign prose. Observations of the plot movement, the figurative system structure and artistic means lead to conclusions about the new content of the female world.

L.G. Kihney, S.S. Tsaregorodtseva, M.Yu. Kuptsova
TO THE PROBLEM OF STUDYING THE PHENOMENA
OF IMAGE AND REPUTATION
IN THE LITERATURAL SPACE

Keywords: literary reputation, image strategy, field of literature, Pierre Bourdieu, sociology of literature. The article analyzes different approaches to the concepts of a writer's image and literary reputation, which are especially relevant for the literary process in Russia at the turn of the era, when literary reputations depended on ideological and political attitudes. As a result, the authors identify a number of points, depending on which one or another writer's image is formed, and draw a distinction between the concepts of literary image and reputation.

А.В. Пучкова, С.С. Терехова
 АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВОЙ
 В РАССКАЗЕ «МОЛОДЫЕ РУИНЫ»

Ключевые слова: Евгения Некрасова, «магический реализм», авторская стратегия, игра с читателем.

В статье анализируются авторские стратегии Евгении Некрасовой в рассказе «Молодые руины»: творческий метод «магического реализма», который соединяет в себе обращение к фольклорным, мифологическим мотивам используется для игры с читателем. Предлагаются возможные стратегии интерпретации ключевых моментов текста. Делается вывод об их роли в идейно-образной концепции Евгении Некрасовой.

Чжан Юаньюань

ОБРАЗ САДА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА

Ключевые слова: Перелешин, образ сада, мотив, символика.

В статье исследуются символические значения и художественные функции образа сада в творчестве В. Перелешина, которые обусловлены китайскими представлениями о классическом саде как «модели Поднебесной» и с национальной литературной традицией его описания. Автор статьи раскрывает связь между образом сада, внутренним миром лирического героя и социально-культурным контекстом. Образ сада является метафорическим способом выражения концепции произведения и указывает на определённые эмоциональные состояния: тёплые воспоминания, ощущение подавленности, восхищение; он может быть абстрактной метафорой человеческого духа и символом, указывающим на трансцендентное содержание образа.

Чэнь Си

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ
 Л.А. КАССИЛЯ «ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ»

Ключевые слова: Л.А. Кассиль, художественное пространство, хронотоп, топос, повесть, «Мои дорогие мальчишки».

Предметом исследования данной статьи является специфика изображения художественного пространства в повести Л.А. Кассиля «Дорогие мои мальчишки». Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что в детской литературе о войне раскрывается не только пространство детских игр, фантазий, но показано объективное пространство, предполагающее отражение реальности войны. Топосы улицы, школы, придуманных стран в повести Л. Кассиля становятся топосами военных действий. Анализ пространственной структуры повести «Дорогие мои мальчишки» позволяет убедиться, что исследование художественного пространства произведения раскрывает перспективы для понимания и самостоятельного осмысления советской детской литературы 1940-х годов.

А.У. Киньябулатов, В.С. Кругликова,

А.А. Мымрина, У.И. Салохидинов

ВКЛАД ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВА
 РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН О.Г. ВИЛЬДАНОВОЙ В
 РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ ХОРЕОГРАФИИ (ОБЗОР СРЕДСТВ
 МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)

Ключевые слова: хореография, история, журналистика, Башкирский хореографический колледж.

20 лет педагогической деятельности в Башкирском хореографическом колледже имени Р. Нуреева из них последние 10 лет работает директором заслуженный деятель искусств Республики Башкортостан Олея Галеевна Вильданова. Она автор наибольшего количества публикаций в республиканских средствах массовой информации по истории башкирского балета, методике преподавания хореографических дисциплин в образовательных учреждениях культуры и искусства.

Е.Н. Клеменова, А.В. Муха, Н.И. Федосеева
 ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПУБЛИКАЦИЙ УРБАНИСТИ-
 ЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В «ТОЛСТОМ» ЖУРНАЛЕ

Ключевые слова: литературно-художественный журнал, художественно-публицистические жанры, городская

A.V. Puchkova, S.S. Terekhova
 AUTHOR'S STRATEGIES OF EVGENIA NEKRASOVA
 IN THE STORY "YOUNG RUINS"

Keywords: Evgenia Nekrasova, "magic realism", author's strategy.

The article analyzes the author's strategies of E. Nekrasova in the story "Young Ruins": the creative method of "magical realism", which combines an appeal to folklore, mythological motives, is used to play with the reader. Possible strategies for interpreting the key points of the text are proposed. The conclusion is made about their role in the ideological and figurative concept of E. Nekrasova.

Zhang Yuanyuan

THE GARDEN IMAGE IN THE WORKS BY V. PERELESHIN

Keywords: Pereleshin, garden image, motif, symbolic.

The article explores the symbolic meanings and artistic functions of the garden image in the works by V. Pereleshin, which are conditioned by Chinese ideas about the classical garden as a "model of the Celestial Empire" and with the national literary tradition of its description. The author of the article reveals the connection of the garden image, the lyrical hero's inner world and the socio-cultural context. The garden image is a metaphorical way to express the work's concept and indicates certain emotional states: warm memories, a feeling of depression, admiration; it can be an abstract metaphor of the human spirit and a symbol indicating the transcendent content of the image.

Chen Ci

ARTISTIC SPACE IN L.A. KASSIL'S STORY
 "MY DEAR BOYS"

Keywords: L. Kassil, artistic space, chronotope, topos, story, "My dear boys".

The subject of this article is the specificity of the image of artistic space in L.A. Kassil's story "My Dear Boys". The relevance of the problem under study lies in the fact that in children's literature about the war, not only the space of children's games and fantasies is revealed, but an objective space is shown, which implies a reflection of the reality of war. Topoi of the street, school, invented countries in L. Kassil's story become topoi of military operations. An analysis of the spatial structure of the story "My Dear Boys" makes it possible to make sure that the study of the artistic space of the work opens up prospects for understanding and independently comprehending Soviet children's literature of the 1940s.

A.U. Kinyabulatov, V.S. Kruglikova,

A.A. Mymrina, U.I. Salokhidinov

CONTRIBUTION OF THE HONORED ARTIST OF THE
 REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN O.G. VILDANOVA
 IN THE DEVELOPMENT OF THE HISTORY
 OF CHOREOGRAPHY (REVIEW OF THE MEDIA)

Keywords: choreography, history, journalism, Bashkir Choreographic College.

20 years of pedagogical activity at the Bashkir Choreographic College named after R. Nureyev, of which Oleya Galeevna Vildanova, Honored Art Worker of the Republic of Bashkortostan, has been working as director for the last 10 years. She is the author of the largest number of publications in the republican mass media on the history of the Bashkir ballet, methods of teaching choreographic disciplines in educational institutions of culture and art.

E.N. Klemenova, A.V. Myha, N.I. Fedoseeva
 GENRE SPECIFICS OF PUBLICATIONS OF AN URBAN
 NATURE IN A LITERARY AND ARTISTIC MAGAZINE
 Keywords: literary and art magazine, art and journalistic genres,
 urban topics, urban publications.

тематика, публикации урбанистического характера. В статье осуществлен анализ жанров в отечественных «толстых» журналах «Дон» (г. Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (г. Краснодар), «Урал» (г. Екатеринбург) и «Волга» (г. Саратов). Особое внимание уделяется публикациям урбанистической направленности в изданиях. В статье также авторами проведен анализ таких жанровых групп, как информационно-аналитическая, диалогическая, аналитическая и теоретико-аналитическая. Установлены наиболее популярные жанры в литературно-художественных журналах.

Д.М. Ахременко
ПРАГМАТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СЛОВ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Ключевые слова: прагматика, семантика, прагматическое сознание, морально-экономическая оценка.

В статье рассматриваются прагматические значения слов *очередь*, *импортный*, *выбросить*, *дефицитный*, *достать*, *давать*, *блат*, которые отражают морально-экономическую оценку советского человека в сфере торговли. Прагматическими значениями выражена общая информация о торговой сфере деятельности, а также воссоздан морально-нравственный климат этих отношений.

С.А. Бабина, Н.В. Вершинина, С.И. Люгзаева
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ
НОВООБРАЗОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ
ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Ключевые слова: индивидуально-авторские новообразования, неузальная лексика, неузальные лексемы, функции индивидуально-авторских новообразований, литература для детского чтения.

В статье проанализированы основные и частные функции индивидуально-авторских новообразований в поэтических и прозаических текстах для детского чтения (учебные книги для уроков литературного чтения и русского языка в начальной школе, произведения современной художественной литературы для внеурочной работы, внеклассного чтения младших школьников).

Л.У. Бикмаева, Н.А. Садыкова, И.И. Файзуллина
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Ключевые слова: высшее учебное заведение, профессиограмма, преподаватель, русский язык, русский язык как иностранный. В современном образовательном процессе роль преподавателя по-прежнему остается значимой. Обобщенная модель успешного специалиста составляет содержание профессиограммы педагога. Исходя из профессиональных функций преподавателя русского языка определяются основные направления совершенствования его профессионального мастерства.

С.М. Бобоева, Л.А. Яковлева
ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СМИ

Ключевые слова: иноязычные слова, заимствование, языковая адаптация.

Статья посвящена изучению языковой адаптации иноязычных слов в русском языке. Авторами рассмотрены основные виды адаптации слова (фонетическая, графическая, грамматическая, стилистическая), рассмотрены примеры заимствованных русским языком слов. В ходе исследования использовался описательный метод с такими его составляющими, как наблюдение, описание и классификация.

Е.В. Казанская, Н.Г. Келеберда
ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ
ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
Ключевые слова: коммуникативная компетенция,

The article analyzes genres in the domestic literary and art magazines «Don» (Rostov-on-Don), «Kuban» (Krasnodar), «Ural» (Yekaterinburg) and «Volga» (Saratov). Particular attention is paid to urban publications in publications. The authors analyzed such genre groups as informational-analytical, dialogical, analytical and theoretical-analytical. The most popular genres in literary and art magazines have been established.

D.M. Ahremenko
PRAGMATICS OF PRECEDENT WORDS
OF THE SOVIET ERA

Keywords: pragmatics, semantics, pragmatic awareness, moral and economic assessment.

The article examines the pragmatic meanings of the words *turn*, *throw away*, *throw away*, *imported*, *scarce*, *get*, *give*, *pull*, which reflect the moral and economic assessment of the Soviet people in the field of trade. General information about the commercial sphere of activity is expressed by pragmatic concepts, and the moral and ethical climate of these relations is also recreated.

S.A. Babina, N.V. Vershinina, S.I. Lyugzaeva
FUNCTIONING OF INDIVIDUAL-AUTHOR'S
NEW FORMATIONS IN LITERATURE
FOR CHILDREN'S READING

Keywords: individual-author's neoplasms, non-usual vocabulary, non-usual lexemes, functions of individual-author's neoplasms, literature for children's reading.

The article analyzes the main and particular functions of individual author's neoplasms in poetic and prose texts for children's reading (educational books for literary reading and Russian language lessons in elementary school, works of modern fiction for extracurricular work, extracurricular reading of younger students).

L.U. Bikmaeva, N.A. Sadykova, I.I. Fayzullina
ON THE QUESTION OF IMPROVING PROFESSIONAL
SKILLS TEACHER OF RUSSIAN LANGUAGE
AT UNIVERSITY

Keywords: higher educational institution, profессиограмма, teacher, Russian language, Russian as a foreign language. In the modern educational process, the role of the teacher is still significant. The generalized model of a successful specialist is the content of a teacher's profессиограмма. Based on the professional functions of the teacher of the Russian language, the main directions for improving his professional skills are determined.

S.M. Boboeva, L.A. Yakovleva
LANGUAGE ADAPTATION OF FOREIGN
LANGUAGE VOCABULARY IN THE MEDIA

Keywords and phrases: foreign words, borrowing, language adaptation.

The article is devoted to the study of the linguistic adaptation of foreign words in the Russian language. The authors consider the main types of word adaptation (phonetic, graphic, grammatical, stylistic), examples of words borrowed by the Russian language are considered. The study used a descriptive method with its components such as observation, description and classification.

E.V. Kazanskaya, N.G. Keleberda
PROBLEM OF CORRELATION OF LINGUISTIC
AND COMMUNICATIVE COMPETENCIES
IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
Keywords: communicative competence, Russian as

русский язык как иностранный, цифровизация образования. В статье рассматривается проблема содержания и структуры коммуникативной и лингвистической компетенции в государственном образовательном стандарте поколения 3++ при обучении русскому языку как иностранному в условиях цифровизации современной системы юридического образования. Авторы делают вывод о том, что коммуникативная компетенция с необходимостью должна быть дополнена лингвистической при подготовке иностранных специалистов в области юриспруденции. Был предложен авторский подход в трактовке содержания термина «коммуникативная компетенция».

А.В. Кривицкая

ЗНАЧЕНИЕ ЭРГОНИМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В СТРУКТУРЕ ЭРГОНИМОВ ПИТЕЙНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Ключевые слова: эргоним, эргонимический термин.

В работе представлен анализ эргонимических терминов питейных заведений Республики Башкортостан, выявлены случаи нарушения сочетаемости эргонима с эргонимическим термином.

Е.А. Линева, Е.Г. Котова, М.В. Овчинникова, Е.Б. Савельева, Н.В. Акимова, А.В. Леонтьева АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ЛОКАТИВНОГО ДЕТЕРМИНАНТА НЕОПРЕДЕЛЕННО- ЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Ключевые слова: локативный детерминант, неопределенно-личные предложения, лексема, лексико-семантическая группа. В статье приводится подробный анализ лексико-семантических групп локативного детерминанта неопределенно-личных предложений, Локативный детерминант, являясь обязательным компонентом модели неопределенно-личных предложений, способствует формированию семантики деятеля. Он оформляет пространственный фон всего высказывания, указывая на места жизнедеятельности человека.

К.О. Селезнева

ЭВФЕМИЗМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: эвфемизмы, сфере образования, метод сплошной выборки.

Статья посвящена анализу эвфемизмов в сфере образования. Материалом послужил «Словарь русских эвфемизмов» Е.П. Сеничкиной. Во время исследования автор использовал метод сплошной выборки.

А.С. Сизинцева, И.В. Зайченко, В.В. Бажеряну ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА И ОПИСАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОНФЛИКТА КАК РЕЗУЛЬТАТА НЕКОРРЕКТНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Ключевые слова: коммуникация, производственный конфликт, конфликтное взаимодействие, предупреждение конфликта. В процессе своей трудовой деятельности, каждый работник так или иначе вовлекается в конфликтные ситуации. В статье рассмотрены основные элементы производственного конфликта, а также фазы его протекания.

Чжао Яшу

ТЕМАТИКО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИДИОСТИЛИ ИВАНА ИЛЬИНА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ»)

Ключевые слова: идиостиль, композиция, тематическое эссе, творческая мысль, лексическая стилистика, синтаксическая стилистика.

В данной статье произведен анализ индивидуально-художественного авторского стиля, как системы эстетически-творческого подбора и расположения составляющих элементов, художника слова И.А. Ильина. Текст

a foreign language, digitalization of education.

The article discusses the problem of the content and structure of communicative and linguistic competence in the state educational standard of generation 3++ when teaching the Russian language as a foreign language in the context of digitalization of the modern legal education system. The authors conclude that communicative competence with the need should be supplemented by linguistic competence in the training of foreign specialists in the field of jurisprudence. The author's approach was proposed in the interpretation of the content of the term «communicative competence».

A.V. Krivitskaya

THE SIGNIFICANCE OF ERGONIMIC TERMS IN THE STRUCTURE OF ERGONYMS OF DRINKING ESTABLISHMENTS

Keywords: ergonom, ergonomically term.

The paper presents an analysis of the ergonymic terms of drinking establishments in the Republic of Bashkortostan, revealed cases of violation of the compatibility of an ergonym with an ergonymic term.

E.A. Lineva, E.G. Kotova, M.V. Ovchinnikova, E.B. Savelyeva, N.V. Akimova, A.V. Leontyeva ANALYSIS OF LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF LOCATIVE DETERMINANT OF INDEFINITE-PERSONAL SYNTACTIC CONSTRUCTIONS

Keywords: locative determinant, indefinite-personal sentences, lexeme, lexico-semantic group.

The article provides a detailed analysis of lexico-semantic groups of the locative determinant of indefinite-personal sentences. The locative determinant, being an obligatory component of the model of indefinite-personal sentences, contributes to the formation of the semantics of the figure. It forms the spatial background of the entire utterance, pointing to the places of human activity.

K.O. Selezneva

EUPHEMISMS IN EDUCATIONAL SPHERE

Keywords: euphemisms, educational sphere, solid sorting method.

The article is devoted to the euphemisms' analysis in educational sphere. Dictionary of Russian euphemisms by E.P. Senichkina was used as a material. The author used a solid sorting method in this research.

A.S. Sizintseva, I.V. Zaychenko, V.V. Bazheryanu FEATURES OF ANALYSIS AND DESCRIPTION OF INDUSTRIAL CONFLICT AS A RESULT OF INCORRECT COMMUNICATION INTERACTION IN THE RUSSIAN-SPEAKING TEAM

Keywords: communication, industrial conflict, conflict interaction, conflict prevention.

This paper presents the problem of communication in case of conflict situations at work is of great importance for the majority of working people. In the course of their work, each employee is somehow involved in conflict situations.

Чжао Яшу

THEMATIC AND SUBSTANTIVE ORIGINALITY OF IVAN ILYIN'S IDIOSYNCRASY (BASED ON THE MATERIAL OF THE BOOK "THE SINGING HEART")

Keywords: idiosyncrasy, composition, thematic essay, creative thought, lexical style, syntactic style

This article analyzes the individual artistic style of the author as a system of aesthetic and creative selection and arrangement of the constituent elements of the artist of the word I.A. Ilyin. The text of the work "The Singing heart. The Book of Quiet Contemplations" is analyzed from the standpoint of compositional content as well

книги «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» анализируется с позиции композиционного содержания, а также лексической и синтаксической идиостилистики.

as lexical and syntactic idiosyncrasies.

Н.А. Аксуюхин
ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ
ПРЕЗЕНТАЦИИ С ПОЗИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
ПРАГМАТИКИ

Ключевые слова: межкультурная прагматика; просодические средства; контекст; прагматическая компетентность; речевое взаимодействие.

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление особенностей просодического оформления речи участников международного делового общения, для которых английский не является родным языком. Было установлено, что риторическая компетентность участников дискурса проявляется в уместном выборе просодических средств, что позволяет компенсировать трудности, связанные с акцентной маркированностью речи.

N.A. Aksyukhin
PROSODIC CHARACTERISTICS OF A BUSINESS
PRESENTATION FROM THE PERSPECTIVE OF
INTERCULTURAL PRAGMATICS

Keywords: intercultural pragmatics; prosodic means; context; pragmatic competence; speech interaction.

The article presents the results of the study aimed at establishing the features of prosodic speech design in international business interaction, involving participants for whom English is not their native language. The conducted research shows that rhetorical competence is manifested in the choice of adequate prosodic means, which minimize the difficulties associated with accent-marked speech.

О.Н. Баклашкина, М.А. Егорова, М.И. Литвин
ОСОБЕННОСТИ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: цветовая картина мира, колоритивы, восприятие, референтные прилагательные.

В работе представлены результаты комплексного анализа лексем, обозначающих колоритивные характеристики цветовой палитры ведущих производителей художественных материалов Faber Castell, Lyra и Derwent Artists, выявлена специфика колоративной лексики, ее структурно-семантические свойства и особенности лексикографического представления цветообозначения в английском языке.

O.N. Baklashkina, M.A. Egorova, M.I. Litvin
FEATURES OF THE ENGLISH COLOUR VOCABULARY

Keywords: colour picture of the world, colour words, perception, referential adjectives.

The paper presents the results of a comprehensive analysis of lexemes denoting the colouristic characteristics of the colour palette of the leading manufacturers of art materials such as "Faber Castell", "Lyra" and "Derwent Artists". It also reveals the specifics of colour vocabulary, its structural and semantic properties and features of lexicographic representation of colour designation in English.

О.Н. Баклашкина, С.С. Луц, Н.В. Максимова
КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ
В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: притяжательные местоимения, притяжательные прилагательные, посевивность, обладание, принадлежность.

В данной статье представлен анализ употребления притяжательных местоимений/прилагательных с целью определения когнитивных основ категории притяжательности в английском, французском и русском языках. Затрагиваются вопросы категорий обладания и принадлежности. Проводится сравнительный анализ, выявляются общие характеристики и различия.

O.N. Baklashkina, S.S. Luts, N.V. Maksimova
COGNITIVE INTERPRETATION OF POSSESSIVENESS
IN ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN

Keywords: possessive pronouns, possessive adjectives, possessiveness, possession, belonging.

This article presents an analysis of the use of possessive pronouns/adjectives in order to determine the cognitive foundations of the category of possessiveness in English, French and Russian. The questions of the categories of possession and belonging are touched upon. A comparative analysis is carried out, common characteristics and differences are revealed.

Т.М. Белова, К.Э. Вяльях, Л.В. Маринина
К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В
КИНОДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА РОБЕРТА
ЗЕМЕККИСА «ФОРРЕСТ ГАМП»)

Ключевые слова: язык, языковая личность, речевое поведение, кинодискурс.

Антропоцентрический подход к языку обусловил перенос фокуса внимания исследователей на изучение языковой личности. Человек (языковая личность) с его индивидуальными языковыми, когнитивными, поведенческими особенностями становится объектом исследования, в котором предпринимается попытка продемонстрировать многогранность характера киноперсонажа посредством его речевого поведения.

T.M. Belova, K.E. Vyalyak, L.V. Marinina
REGARDING THE QUESTION OF THE REPRESENTATION
OF A 'LINGUISTIC PERSONALITY' IN CINEMATIC
DISCOURSE: THE EXAMPLE OF ROBERT ZEMECKIS'
'FORREST GUMP'

Keywords: language, linguistic personality, language behavior, cinematic discourse.

Anthropological approach to language learning is a source of origin of new sciences in linguistics. The term linguistic personality appears at that time and since then the person (linguistic personality) with their individual language, cognitive, behavioral features has become the object of research. This study makes an attempt to demonstrate the multifaceted nature of film characters through their language behavior. Material for the research is based on a film-tragicomedy by Robert Zemeckis 'Forrest Gump' (1994).

Е.Е. Белова, Ю.А. Гаврикова, Т.Е. Никольская,
О.А. Орлова, С.Ю. Филиппова, Э.Д. Шапиро
ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ И САМООЦЕНКИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: оценочность, оценочная окраска, языковые средства, английский язык, Гарри Поттер. Оценка составляет существенную часть коммуникации,

E.E. Belova, Y.A. Gavrikova, T.E. Nikolskaya,
O.A. Orlova, S.Y. Philippova, E.D. Shapiro
PECULIARITIES OF EXPRESSING EVALUATION
AND SELF-APPRAISAL IN ENGLISH

Keywords: evaluation, evaluative colouring, language means, the English language, Harry Potter. Evaluation is a significant part of communicative, cognitive and

познавательной и исследовательской активности человека. Оценка – один из важнейших способов взаимодействия человека и объективной реальности. В данной статье на материале английского языка рассматриваются языковые средства выражения оценки и самооценки. Высказывания, содержащие оценку и самооценку, проиллюстрированы и интерпретированы на основе серии романов о Гарри Поттере.

Р.В. Гатауллина, Л.Г. Чумарова, Р.И. Мухаметзянова
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТ СЧАСТЬЕ
НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: английский язык, русский язык, фразеологические единицы, образность, концепт счастье. В статье в психолингвистическом аспекте исследуются фразеологические единицы английского и русского языков со значением счастье, удовлетворенность. В работе исследуются вербализация концепта счастья, описаны образность фразеологических единиц на примере двух неродственных языков.

П.А. Гедими́на, С.А. Тихонова
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВА
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: диалогическая речь, художественный текст, художественный диалог, обучение иностранному языку. Авторы рассматривают лингводидактический потенциал аутентичных художественных текстов при обучении диалогической речи учащихся средней школы. В рамках индуктивного обучения диалогической речи в качестве опоры рассматривается авторское повествование, в то время как аутентичный художественный диалог выступает опорой для дедуктивного пути. Проведенный анализ и разработанные принципы использования аутентичных художественных произведений на уроках английского языка в средней школе позволяют заключить, что использование художественных текстов обеспечивает эффективность процесса становления диалогической речи.

В.Е. Глызина, Г.А. Агеева, И.В. Пашаева
ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕНСИВНОСТИ
И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В СИТУАЦИИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ

Ключевые слова: интенсивность, интенциональность, фразеологический интенсификатор, вербальные средства, воспоминания.

В статье представлены основные результаты лингвистического эксперимента влияния репрезентации воспоминаний говорящего на интенсивность вербализации интенциональных состояний. Проанализированы различные варианты вербализации воспоминаний говорящих на определенную ситуацию. Делается вывод о том, что использование фразеологических интенсификаторов усиливают выраженность интенционального состояния говорящих.

Т.С. Гулевич
О КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ
РАСШИРЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОСТПОЗИТИВА “UP” В
СОСТАВЕ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: фразовые глаголы, постпозитив, концептуализация, образ-схема, траектор, ориентир. В статье рассматривается эволюция прототипического значения постпозитива «up» с позиций когнитивной семантики. Прослеживается взаимосвязь разных смыслов данного постпозитива. Доказывается, что наличие постпозитива «up» в структуре разнообразных фразовых глаголов английского языка мотивировано и объяснимо при помощи универсальных механизмов концептуализации.

research activity of the human being. It is one of the main methods of the person's interaction with the objective reality. This article considers language means of expressing evaluation and self-appraisal on the material of the English language. The utterances revealing evaluation and self-appraisal are illustrated and interpreted on the basis of Harry Potter book series.

R.W. Gataullina, L.G. Chumarova, R.I. Mukhametzyanova
PHRASEOLOGICAL UNITS, DENOTING THE CONCEPT
OF HAPPINESS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Keywords: English and Russian languages, phraseological units, figurativeness, the concept of happiness. The authors of the article study the phraseological units, characterizing the notion of happiness, satisfaction, on the basis of English and Russian languages. They analyze verbalization of the concept happiness and study the figurativeness of phraseological units.

P.A. Gedimina, S.A. Tikhonova
LITERARY TEXTS AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT
OF DIALOGICAL SPEECH IN FOREIGN LANGUAGE
LESSONS IN SECONDARY SCHOOL

Keywords: dialogical speech, literary text, literary dialogue, teaching a foreign language. The authors consider the linguodidactic potential of authentic literary texts in teaching dialogic speech to secondary school students. The author's narration is used as an aid within the framework of inductive way of dialogic speech teaching, while authentic literary dialogues are used when choosing the deductive way. The analysis carried out and the developed principles for the use of authentic literary works in English lessons in secondary school allow us to conclude that the use of literary texts ensures the effectiveness of the process of developing dialogic speech.

V.E. Glyzina, G.A. Ageeva, I.V. Pashaeva
CORRELATION OF INTENSITY AND INTENTIONALITY IN
THE SITUATION OF MEMORIES REPRESENTATION

Keywords: intensity, intentionality, phraseological intensifiers, verbal means, memories. The article deals with main results of the linguistic experiment about the effect of the speaker's memories on the verbalization intensity of intentional states. The authors consider various options of speaker's memories verbalization for a certain situation. They come to the conclusion about intensification of the intentional state of the speakers when using phraseological intensifiers.

T.S. Gulevich
COGNITIVE-SEMANTIC ACCOUNT OF “UP”
IN THE STRUCTURE OF ENGLISH PHRASAL VERBS

Keywords: phrasal verbs, verb postpositive, conceptualization, image-schema, trajector, landmark. The article deals with the evolution of new meanings of “up” within English phrasal verbs. Its main focus is on the cognitive mechanisms influencing the phrasal verbs formation. It's argued that particles are not arbitrary in the semantic structure of English phrasal verbs and that they follow certain universal patterns of conceptualization.

Н.А. Каразия
РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ
В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВЕ ТУРИСТА

Ключевые слова: туристический дискурс, прагматика, регулятивная функция, речевой акт.

В работе представлены результаты изучения специфики реализации регулятивной функции в текстах туристического дискурса. Исследование выполнено на материале англоязычных интернет-отзывов туристов, посетивших Камчатский край. Рассмотрены лингвопрагматические средства реализации директивности в контексте ряда речевых актов.

С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова
К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ
КОЛЛОКВИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Ключевые слова: коллоквиальный синтаксис, художественный текст, разговорная речь, экспликация, импликация.

Разговорная речь представляет немало трудностей для лингвистов и переводчиков в силу своих специфических особенностей. Определенные трудности возникают у студентов при изучении художественных текстов, содержащих коллоквиальные конструкции. В статье рассмотрены некоторые проблемы, преодолеть которые студентам поможет изучение коллоквиального синтаксиса.

Э.А. Лиджиева, А.М. Чудутова,
Г.М. Боваева, Т.В. Буреава
АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Ключевые слова: фразеологизмы-зоонимы, компонент, универсальные, национально-специфические особенности, ядерные лексемы, анималистические, зоолексема, значение, образ.

Данная статья посвящена исследованию анималистических образов во фразеологизмах немецкого и русского языков. Целью исследования данной статьи является выявление авторами универсальных и национально-специфических особенностей фразеологизмов - зоонимов рассматриваемых лингвокультурах. Ядерными лексемами анализируемых зооморфизмов являются *der Hase/Заяц, das Schwein/свинья, der Affe/ Обезьяна*. Результатом проведенного исследования в рамках этой статьи является определение метафорических значений зоонимических фразеологизмов с данными лексемами.

Ю.А. Фокеева
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ А.П.ЧЕХОВА
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: детский образ, рассказ, перевод, сравнительный анализ.

В статье рассматриваются особенности передачи детских образов на английский язык. Автор анализирует рассказы А.П. Чехова «Ванька» и «Гриша», главными героями которых являются дети. В исследовании приведён сравнительный анализ двух переводов каждого рассказа, выполненных переводчиками К.Гарнетт, А.Литвиновой и М.Фелл.

М.С. Харченко, Е.С. Глухова, Т.В. Горбунова
ГЛАГОЛЫ КАУЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БОЛИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: прототип, каузация, глаголы боли.

Статья посвящена изучению глаголов каузации эмоциональной (психологической) боли с позиций прототипической семантики. Предпринимается попытка определения прототипической ситуации каузации боли и деления исследуемых глаголов на семантические группы.

Л.И. Шадаева
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО
ДИСКУРСА А. ЛИНКОЛЬНА

Ключевые слова: аргументация, логический, картина мира, метафора, прагматический, ценность.

N.A. Karaziya
IMPLEMENTATION OF REGULATIVE FUNCTION
IN THE TOURIST'S INTERNET-REVIEW

Keywords: tourism discourse, pragmatics, regulative function, speech act.

The paper presents results of investigating the specificity of regulative function implementation in tourism discourse texts. The research is based on the material of the English-language Internet-reviews written by tourists who visited the Kamchatka krai. Pragmalinguistic means of directiveness implementation are considered in the context of a range of speech acts.

S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova
ON THE ISSUE OF THE COMPLEXITY OF STUDYING
LITERARY TEXTS CONTAINING COLLOQUIAL
CONSTRUCTIONS

Keywords: colloquial syntax, literary text, colloquial speech, explication, implication

Conversational speech has always presented many difficulties for linguists and translators due to its specific features. Students have certain difficulties when studying literary texts containing colloquial constructions. The article discusses some of the problems that the study of colloquial syntax will help students to overcome.

E.A. Lidzhieva, A.M. Chudutova,
G.M. Bovaeva, T.V. Buraeva
ANIMALISTIC IMAGES IN GERMAN
AND RUSSIAN PHRASEOLOGISMS

Keywords: phraseologisms-zoonyms, component, universal, national-specific features, nuclear lexemes, animalistic, zoolexema, meaning, image.

This article is devoted to the study of animalistic images in phraseologisms of German and Russian. The purpose of the study of this article is to identify by the authors universal and national-specific features of phraseologisms - zoonyms of the linguocultures under consideration. The nuclear lexemes of the analyzed zoomorphisms are *der Hase, das Schwein, der Affe*. The result of the study in the framework of this article is the determination of the metaphorical values of zoonimichex phraseologisms with these lexemes.

Yu.A. Fokeeva
FEATURES OF THE REPRESENTATION OF CHILDREN'S
IMAGES IN THE TRANSLATION OF A.P. CHEKHOV'S
STORIES INTO ENGLISH

Keywords: child image, short story, translation, comparative analysis.

The article discusses the features of the transfer of children's images into English. The author analyzes A.P. Chekhov's short stories "Vanka" and "Grisha", where the main heroes are children. The study provides a comparative analysis of two translations of each story by translators C. Garnett, I. Litvinov and M. Fell.

M.S. Kharchenko, E.S. Glukhova, T.V. Gorbunova
VERBS OF EMOTIONAL PAIN CAUSATION
IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE

Keywords: prototype, causation, verbs of physical pain.

The article is devoted to the analysis of the verbs of emotional pain causation in the light of prototype semantics. Authors try to define the prototype situation of emotional pain causation and divide the verbs of emotional pain causation into semantic groups.

L.I. Shadaeva
SOME PECULIARITIES OF A. LINCOLN'S
ARGUMENTATIVE DISCOURSE

Keywords: argumentation, logical, the world picture, metaphor, pragmatic, value.

В работе анализируется аргументативный дискурс А. Линкольна как логический тип аргументации, который направлен на интерпретацию тезиса в рамках вновь созданной ценности в картине мира адресата. Для изучения дискурса А. Линкольна мы рассмотрели трансформации библейских метафор, сравнили картину мира личности А. Линкольна и языковую картину мира его эпохи.

П.З. Аббасова

НЕПОЛНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Ключевые слова: неполные предложения, односоставные предложения, номинативное предложение, азербайджанский язык.

В статье изучаются односоставные предложения, как особый разновидность неполных предложений. Материалом исследования являются языковые материалы и синтаксический строй азербайджанского языка. Предложения такого типа очень мало изучены в лингвистике, в том числе в тюркологии. Исследователи по-разному определяют их статус и в лингвистических исследованиях единогласия в данном вопросе не наблюдается. Данный факт подтверждает актуальность исследования односоставных предложений, как разновидность неполных по составу предложения.

Л.Г. Васильев, В.В. Неборская, О.Э. Сухарева

РИТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И РАННИЕ РУКОВОДСТВА ПО ОРАТОРИКЕ

Ключевые слова: аргументация, риторика, стиль, суперструктура, целеполагание.

В статье освещается общественно-научный климат в Др. Греции и его роль в создании первых руководств по риторике. Анализируются сущностные параметры таких руководств, рассматриваются предлагаемые в них рекомендации и их отношение к базовым философским учениям этого периода.

Г.В. Галавова, А.Р. Михайловская

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖЯЗЫКОВЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В РЕГИОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ключевые слова: многоязычие, межязыковые барьеры, межкультурные барьеры, этносы, народы, языковые группы, глобализация.

В статье авторами рассмотрен вопрос многоязычия, отмечается роль многоязычия как механизма разрешения межкультурных и межнациональных конфликтов. Отмечается культурное и языковое многообразие народов мира, уделено внимание сохранению этнокультурной идентичности в условиях доминирования крупных языков и культур, исследовано влияние глобализации на языки и культуры.

М.В. Захарова, Л.А. Спектор

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)

Ключевые слова: переводческая стратегия, переводческие приемы, картина мира, национально-культурный колорит.

Статья посвящена исследованию переводческих стратегий доместикизации и форенизации на материале перевода на французский язык повести М. А. Булгакова «Собаачье сердце». Предпринята попытка проанализировать и объяснить те или иные приемы и трансформации в переводном тексте с точки зрения двух основных переводческих стратегий - форенизации и доместикизации.

Л.Б. Здановская

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОППОЗИТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ «РУССКИЙ МИР» - «ЗАПАДНЫЙ МИР»

Ключевые слова: оппозитивный концепт, концепты созидания, ценностная картина мира, аксиология. В статье исследуются причины актуализации дуальной оппозиции концептов «Русский мир» - «Западный мир» в

The paper analyzes the argumentative discourse of A. Lincoln as a logical type of argumentation, which is aimed at interpreting the thesis within the framework of the newly created value in the worldview of the addressee. To study the discourse of A. Lincoln, we examined the transformation of biblical metaphors in his discourse, and compared the picture of the world of A. Lincoln's personality and the linguistic picture of the world of his era.

Z.P. Abbasova

INCOMPLETE ONE-PART SENTENCES

Keywords: incomplete sentences, one-part sentences, nominative sentence, Azerbaijani language.

The article studies one-part sentences as a special kind of incomplete sentences. The research material is the language materials and the syntactic structure of the Azerbaijani language. Sentences of this type have been studied not wide in linguistics, including Turkic studies. Researchers define their status in different ways, and in linguistic studies there is no unanimity on this issue. This fact confirms the relevance of the study of one-part sentences, as a kind of incomplete sentences.

L.G. Vasilev, V.V. Neborskaya, O.E. Sukhareva

RHETORICAL DISCOURSE AND EARLY GUIDES ON ORATORY

Keywords: argumentation, oratory, style, superstructure, goal-setting.

The article discusses social and academic climate of Ancient Greece and its role in creating first manuals on oratory. The authors analyze the essential criteria of such manuals and discuss the offered recommendations and their reference to basic philosophic studies of that period.

G.V. Galavova, A.R. Mikhailovskaya

MULTILINGUALISM AND PROBLEMS OF OVERCOMING INTERLANGUAGE AND INTERCULTURAL BARRIERS

Keywords: multilingualism, interlanguage barriers, intercultural barriers, ethnic groups, peoples, language groups, globalization.

In the article, the author considers the issue of multilingualism, notes the role of multilingualism as a mechanism for resolving intercultural and interethnic conflicts. The cultural and linguistic diversity of the peoples of the world is noted, attention is paid to the preservation of ethno-cultural identity in the conditions of the dominance of major languages and cultures, the influence of globalization on languages and cultures is investigated.

M.V. Zakharova, L.A. Spector

TRANSLATION STRATEGIES WHEN TRANSLATING A LITERARY TEXT (BY THE MATERIAL OF M. A. BULGAKOV'S NOVELLA "HEART OF A DOG" AND ITS FRENCH TRANSLATION)

Keywords: translation strategy, translation techniques; worldview; cultural difference.

The article considers translation strategies by the material of the French translation of M. A. Bulgakov's novella. The authors analyze and explain certain techniques and transformations in the target text from the viewpoint of the two basic translation strategies - domestication and foreignization.

L.B. Zdanovskaya

AXIOLOGICAL COMPONENT OF OPPOSITIONAL CONCEPTS "RUSSIAN WORLD"-"WESTERN WORLD"

Keywords: oppositional concept, concepts of creation, value picture of the world, axiology.

The article examines the reasons for the actualization of the dual opposition of the concepts "Russian world" - "Western world" in the aspect of considering the opposition of the value picture of the

аспекте рассмотрения противопоставления ценностной картины мира, отраженной в когнитивном сознании представителей русской и западноевропейской лингвокультур. Автором анализируются критерии отнесенности исследуемых понятий к универсально-созидательным концептам.

Л.Б. Здановская

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ВНУТРИСЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР»

Ключевые слова: концепт, внутрисемантическая оппозиция, культура, когнитивная лингвистика, русская лингвокультура. В статье исследуется специфика отображения внутрисмысловой оппозиции концепта «Русский мир». Автором анализируются особенности лингвокогнитивной экспликации указанного концепта в русской лингвокультуре. Обосновывается соотносительность внутрисемантической оппозиции концепта «Русский мир» с классической формой противопоставления «Свои» – «Чужие».

А.В. Кулешова, И.С. Марченкова НЕСТАНДАРТНЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ ФАМИЛИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Ключевые слова: имя собственное, французские фамилии, происхождение.

В статье рассматриваются нестандартные французские фамилии, а именно фамилии, которые происходят в основном из прозвищ людей, их кличек. Авторы проводят анализ источников происхождения подобных фамилий, разрабатывают собственную классификацию, проводят статистический анализ и приходят к выводу о том, что французские нестандартные фамилии в большинстве случаев образованы от названий растений и животных, а также предметов быта.

Т.Д. Куршакова, Е.Н. Рядчикова, С.Ш. Схалыхова МАНИПУЛЯТИВНОСТЬ И СКРЫТАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМУЛИРОВОК ВОПРОСОВ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Ключевые слова: коммуникативно-речевая манипулятивность, интенциональность, психоречевое воздействие, скрытый смысл, судебная лингвистическая экспертиза.

Авторы полемизируют с утверждением К.И. Бринева о несущественности для судебной лингвистической экспертизы проблемы правильности/неправильности, корректности / некорректности постановки вопросов лингвисту-эксперту, обосновывая это тем, что формулировка таких вопросов способна оказать манипулятивное воздействие на эксперта, что приведёт к неполной и субъективной экспертизе, к неправильным выводам. Авторы приходят к выводу о том, что только при условии распознавания экспертом манипулятивного характера поставленных для него вопросов он сможет противостоять манипуляции и выполнить экспертное лингвистическое заключение полно и объективно.

А.Ш. Олимова ФОНОСЕМАНТИКА ТАДЖИКСКИХ ЗВУКОВ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (НА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ОСНОВЕ)

Ключевые слова: психолингвистика; ассоциативный эксперимент; фоносемантика; таджикский язык; звуки.

Данная статья рассматривает фоносемантику как предмет изучения психолингвистики путем фоносемантического (ассоциативного) эксперимента. Как известно, фоносемантический эксперимент проводится на подсознательном уровне, то есть участники эксперимента, не вдаваясь в значения слов, отвечают на вопросы, опираясь на своё восприятие звука. Новизна статьи заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализировать фоносемантику гласных таджикских звуков и определить их особенность.

world, reflected in the cognitive consciousness of representatives of Russian and Western European linguistic cultures. The author analyzes the criteria for referring the concepts under study to universal creative concepts.

L.B. Zdanovskaya

LINGUO-COGNITIVE EXPLICATION OF THE INTRA-SEMANTIC OPPOSITION OF THE CONCEPT "RUSSIAN WORLD"

Keywords: concept, intra-semantic opposition, culture, cognitive linguistics, Russian linguistic culture. The article explores the specifics of displaying the intra-semantic opposition of the concept "Russian World". The author analyses the features of the linguo-cognitive explication of the specified concept in Russian linguistic culture. The correlation of the intra-semantic contrasting of the concept "Russian World" with the classical form of opposition "Friends"—, "Aliens" is substantiated.

A.V. Kuleshova, I.S. Martchenkova NON-STANDARD FRENCH SURNAMES: ORIGIN AND CLASSIFICATION

Keywords: proper name, French surnames, origin.

The article discusses non-standard French surnames, namely surnames that originate mainly from people's nicknames, their nicknames. The authors analyze the sources of origin of such surnames, develop their own classification, conduct statistical analysis and come to the conclusion that French non-standard surnames in most cases are formed from the names of plants and animals, as well as household items.

T.D. Kurshakova, E.N. Ryadchikova, S.Sh. Skhalyahova MANIPULATIVE CHARACTERISTICS AND IMPLICIT INTENTIONALITY OF QUESTION WORDINGS FOR LINGUISTIC EXPERT EXAMINATION

Keywords: communicative-verbal manipulative capability, intentionality, psychoverbal influence, underlying meaning, linguistic expert examination.

Authors polemize with a professor K. I. Brinev's statement about insignificance of the issue of accuracy / inaccuracy, correctness / incorrectness of linguistic expert's question wordings for linguistic expert examination. They claim that question wordings may have manipulative influence on an expert, resulting in insufficient and judgmental expert examination, improper conclusion. Authors conclude that experts will be able to withstand manipulation and make effective and unbiased expert linguistic conclusion only if they are good at recognition questions asked in manipulative manner.

A.Sh. Olimova PHONOSEMANTICS OF TAJIK SOUNDS AS A SUBJECT OF PSYCHOLINGUISTICS STUDY (ON AN EXPERIMENTAL BASIS)

Keywords: psycholinguistics; associative experiment; phonosemantics; Tajik language; sounds.

This article considers phonosemantics as a subject of psycholinguistics study by phonosemantic (associative) experiment. After all, an experiment is an integral part of psycholinguistics. On the basis of an associative (phonosemantic) experiment, respondents analyze the sounds of the Tajik alphabet. As you know, the phonosemantic experiment is conducted on a subconscious level, that is, the participants of the experiment, without going into the meaning of words, answer questions based on their perception of sound. The novelty of the article lies in the fact that for the first time an attempt is being made to analyze the phonosemantics of Tajik vowel sounds and determine their peculiarity.

Н.А. Ощепкова
ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА
МЕТАФОРИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: политический дискурс, аналог, эквивалент, замена, компенсация, опущение.

Статья посвящена способам достижения эквивалентности передачи метафор при переводе англоязычного политического дискурса. Определяется частотность использования способов перевода стертой и творческой метафоры в зависимости от функции метафоры.

Н.П. Пинежанинова, Т.В. Сушенцова, Н.Н. Черкасская
КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: межъязыковые омонимы, контекст, референция.

Статья посвящена анализу контекстуальных отношений межъязыковых омонимов в стихотворном тексте и взаимодействию разноплановых элементов в семантической структуре самого омонима. Межъязыковые омонимы переключением языковых регистров задают ракурсы референции, которая обращена на сам язык и его потенциальные возможности. Омонимы выступают в качестве элементов концептуальной интеграции значений в условиях контекста.

Е.Н. Сагайдачная, В.Б. Черемина
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА В.ПУТИНА

Ключевые слова: манипуляция массовым сознанием, языковые средства, экспрессивность, политическая риторика.

Работа затрагивает особенности политического дискурса, его манипулятивный характер. Авторы подчеркивают условия, необходимые для принятия целевого решения/ответа у массовой аудитории. В работе описаны особенности языковой личности российского президента В.Путина, арсенал его языковых средств.

Д.А. Самарин
РЕФОРМА ТУРЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ
ПО ПРОЕКТУ МУСТАФЫ КЕМАЛЯ АТАТЮРКА
Ключевые слова: турецкий язык, реформа, алфавит, заимствование; арабский язык, фарси, османский язык, Турецкое лингвистическое общество.

В статье анализируются причины реформы орфографии турецкого языка и результаты её реализации. Ведущая роль в данном процессе принадлежит М.К. Ататюрку. Разработка новых принципов орфографии была вызвана новой эрой в истории Турции и требованиями её научно-технического прогресса и общего культурного и социально-экономического развития.

Н.Ф. Хасанова, Е.Н. Коновалова
МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНОВ
В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: строительство, архитектура, научно-технический, эквивалентность, русский язык, английский язык. Архитектурно-строительная терминология является относительно не молодой, но постоянно обновляющейся областью, которая представлена не только сугубо строительными терминами, но и совокупностью межнаучных, общенаучных и разно отраслевых терминов. Функциональная разнородность и многозначность терминов, ускоренное пополнение новыми терминами затрудняют их понимание носителей других языков, затрудняют установление системных отношений, что вызывает необходимость сопоставления на эквивалентность данной предметной области.

N.A. Oshchepkova
TRANSLATION EQUIVALENCE OF METAPHOR
UNITS IN POLITICAL DISCOURSE

Keywords: political discourse, analog, equivalent, replacement, compensation, omission.

The article is devoted to ways to achieve equivalence of metaphor transmission in the translation of English-language political discourse. The frequency of using the methods of translation of erased and creative metaphors is determined depending on the function of the metaphor.

N.P. Pinezhaninova, T.V. Sushentsova, N.N. Cherkasskaja
INTERLANGUAGE CORRESPONDENCES
OF HOMONYMS IN A POETIC TEXT

Keywords: interlanguage homonyms, context, reference.

The article analyzes contextual relations of interlanguage homonyms in poetry and interrelations of elements in the semantic structure of the homonym itself. By switching language modes, the homonyms reveal their referential aspects, the reference being primarily oriented at language. Homonyms function as elements of the conceptual integration of meanings in context.

E.N. Sagaidachnaya, V.B. Cheremina
ABOUT SOME FEATURES OF THE LINGUISTIC
PERSONALITY OF THE RUSSIAN PRESIDENT V.PUTIN

Keywords: manipulation of mass consciousness, linguistic means, expressiveness, political rhetoric.

The work touches upon the peculiarities of political discourse, its manipulative nature. The authors emphasize the conditions necessary for making a targeted decision/response from a mass audience. The paper describes the peculiarities of the linguistic personality of the Russian President V. Putin, the arsenal of his linguistic means.

D.A. Samarina
THE REFORM OF TURKISH ORTHOGRAPHY
ACCORDING TO THE PROJECT OF M.K. ATATURK
Keywords: alphabet; Turkish language; reform; borrowing; Arabic language; Farsi; Ottoman language; Turkish Linguistic Society.

The article analyzes the causes of the Turkish spelling reform and results of its implementation. The leading role in this process belongs to M.K. Ataturk. The development of new principles of spelling was caused both by a new era in the history of Türkiye, and by the requirements of its scientific and technological progress and general cultural and socio-economic development.

N.F. Khasanova, E.N. Kononova
POLYSEMY OF ENGLISH TERMS BELONGING
TO THE SPHERE OF CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

Keywords: construction, architecture, scientific and technical, equivalence, Russian, English.

Architectural and construction terminology is a relatively young, but constantly updated field, which is represented not only by purely construction terms, but also by a set of inter-scientific, general scientific and various industry terms. Due to the functional heterogeneity of terms and the accelerated replenishment it is difficult for speakers of other languages to understand them, and it is difficult to establish systematic relations. So there is the necessity of a comparative description for equivalence of data.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2022

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 15.07.2022

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 15.07.2022

14,7 усл.печ.л. 16,4 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4930.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»